

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 28, № 6*

Вологда • 2024

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

Возможности и ограничения развития территорий на современном этапе 7

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Лаженцев В.Н.

Территориальное развитие (теория и методология хозяйственных отношений) 10

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Кириллова С.А., Орлова Д.С.

Снижение пространственной дифференциации креативных индустрий
как направление сокращения межрегиональных различий 22

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сорокина Е.А.

Диагностика обеспеченности субъектов РФ ключевыми видами ресурсов
в повышении инвестиционной привлекательности 39

Кудревич А.Ю.

Пространственный анализ транспортной доступности объектов придорожной
инфраструктуры: кейс Вологодской области 51

Захарова Ж.А., Сураев М.В.

Предпосылки формирования межрегионального туристско-рекреационного кластера
Верхневолжского макрорегиона 70

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АПК

Иванов В.А.

Сельское хозяйство и северное село: исторические этапы 91

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Доброхлеб В.Г.

Динамика демографического старения этнонациональных регионов РФ во втором
и начале третьего десятилетия XXI века 112

Мищук С.Н., Линь Цзыюй

Современная демографическая ситуация в северо-восточных провинциях Китая 123

Жданова А.Э.

Формирование комфортной городской среды: экологический аспект 141

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: сентябрь 2024 года 162

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области
в октябре 2024 года 175

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН 184

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2024 году..... 186

Правила для авторов 188

Информация о подписке 189

CONTENTS

FROM THE EDITOR

Uskova T.V.

Opportunities and Limitations of Territorial Development at the Present Stage 7

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Lazhentsev V.N.

Territorial Development (Theory and Methodology of Economic Relations) 10

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Kirillova S.A., Orlova D.S.

Reducing the Spatial Differentiation of Creative Industries as a Way to Reduce
Interregional Disparities..... 22

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Sorokina E.A.

Diagnosing the Provision of RF Constituent Entities with Key Types of Resources
in Increasing Investment Attractiveness 39

Kudrevich A.Yu.

Spatial Analysis of Transport Accessibility of Roadside Infrastructure Facilities:
The Vologda Region Case 51

Zakharova Zh.A., Suraev M.V.

Prerequisites for the Formation of Interregional Tourism and Recreation Cluster
of the Upper Volga Macro-Region 70

CRITICAL ISSUES OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT

Ivanov V.A.

Agriculture and the Northern Village: Historical Stages 91

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Dobrokhleb V.G.

Demographic Dynamics of the Ethnonational Regions of the Russian Federation
in the Twenties and Early Thirties of the 21st Century..... 112

Mishchuk S.N., Lin Ziyu.

Current Demographic Situation in China's Northeastern Provinces 123

Zhdanova A.E.

Forming a Comfortable Urban Environment: Environmental Aspect 141

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the Economy: September 2024 162

Monitoring of the Social Well-Being of the Vologda Oblast Population
in October 2024 175

CRONICLE OF SCIENCE LIFE

New VolRC RAS Issues 184

Index of Articles and Materials Published in 2024 186

Author Guidelines 188

Subscription Information 189

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Возрастание экономико-политической напряженности актуализирует вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и усиливает внимание федеральных органов власти к стимулированию социально-экономического развития регионов. В связи с этим все более актуальным видится поиск новых возможностей для роста устойчивости российских территорий.

Данный выпуск журнала открывается статьей, в которой *В.Н. Лажнецов* излагает теоретико-методологические подходы к изучению территориального развития как специфического вида хозяйственной деятельности, обосновывает свою позицию относительно того, чем отличается территориальное развитие от территориального разреза национальной экономики и ее отраслей, а также от пространственного развития.

С.А. Кириллова и *Д.С. Орлова* посвятили работу развитию креативных кластеров как одному из перспективных направлений диверсификации экономики малых и средних городов, сельских территорий, способствующему повышению их устойчивости и сбалансированности. Авторы дают характеристику специфических особенностей креативных кластеров, проводят оценку их пространственной дифференциации, определяют условия создания разветвленной сети креативных кластеров на территориях различного иерархического уровня.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2024). Возможности и ограничения развития территорий на современном этапе // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.1

For citation: Uskova T.V. (2024). Opportunities and limitations of territorial development at the present stage. *Problems of Territory's Development*, 28(6), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.1

Е.А. Сорокина рассматривает возможности повышения инвестиционной привлекательности регионов. Подчеркивая ресурсную ограниченность ряда территорий, автор предлагает методический инструментарий, позволяющий провести оценку ресурсной обеспеченности субъектов РФ ключевыми видами ресурсов, выполнить типологизацию регионов и выявить резервы повышения их инвестиционной привлекательности, что может помочь при обосновании стратегических приоритетов инвестиционного развития.

Пространственный анализ транспортной доступности объектов придорожной инфраструктуры как важнейшего условия развития внутреннего туризма представлен в исследовании *А.Ю. Кудревич*. Отмечается, что ограничения западных стран для российских туристов, рост цен на железнодорожные билеты и авиабилеты активизировали спрос на самостоятельные автопутешествия. Однако развитие этого вида туризма зачастую сдерживается отсутствием придорожной инфраструктуры. Разработанный автором методический подход позволяет выявить автомобильные дороги с недостатком объектов транспортной инфраструктуры и предложить варианты дополнительного размещения таких объектов.

Возможности развития внутреннего туризма на основе кластерного подхода изучены *Ж.А. Захаровой* и *М.В. Сураевым*. Авторы доказывают, что синергетический эффект от создания туристско-рекреационного кластера может быть достигнут лишь путем объединения усилий соседних регионов, т. е. на основе межрегионального взаимодействия. В работе определены факторы, сдерживающие формирование межрегионального туристско-рекреационного кластера, предложен комплекс мер по повышению эффективности межрегионального взаимодействия в этой сфере.

В.А. Иванов обращает внимание читателей на исторический опыт развития север-

ных территорий. Проводя анализ развития сельского хозяйства в советский и постсоветский периоды, ученый приходит к выводу о том, что на аграрный сектор и сельские территории в целом наибольшее позитивное влияние оказывают модернизационные процессы. Именно этот факт следует учитывать при выработке стратегии сельского развития северного региона.

Несмотря на имеющиеся возможности, на современном историческом этапе существуют ограничения для развития российских территорий. Одним из них является демографический вызов. Исследование динамики демографического старения этнонациональных регионов России во втором и начале третьего десятилетия XXI века выполнено *В.Г. Доброхлеб*. Его результаты могут быть востребованы при корректировке демографической политики государства. При этом важен опыт других стран по решению демографических проблем. Весьма интересной видится работа *С.Н. Мищук* и *Линь Цзыюй*, посвященная изучению современной демографической ситуации в северо-восточных провинциях Китая.

Сдерживающим территориальное развитие вызовом может выступать экологический фактор. Особую остроту проблемы загрязнения окружающей среды имеют в промышленно развитых городах. На изучение экологических аспектов формирования комфортной городской среды и готовности населения принимать участие в благоустройстве территории направлено исследование *А.Э. Ждановой*.

Завершает выпуск рубрика «Мониторинг экономики», где, как обычно, представлены основные экономические тенденции, а также результаты опроса жителей Вологодской области о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе.

Полагаем, что наработки авторов этого номера журнала будут востребованы исследователями и практиками в решении вопросов территориального развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.2

УДК 338.984 | ББК 65.040

© Лаженцев В.Н.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ (ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ)

ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛАЖЕНЦЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация

e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru

ORCID: [0000-0003-2222-5107](https://orcid.org/0000-0003-2222-5107); ResearcherID: [O-6722-2017](https://orcid.org/0-6722-2017)

В статье подведены некоторые итоги изучения территориального развития как специфического вида хозяйственной деятельности. Понятие «территориальное развитие» трактуется с двух позиций: первая – формирование и качественное преобразование территориально-хозяйственных систем; вторая – хозяйственное использование территории как экономического ресурса. Обе позиции отличают территориальное развитие от территориального разреза национальной экономики и ее отраслей, а также от понятия «пространственное развитие». Показаны субъекты хозяйственных отношений, каждый из которых решает особые задачи освоения и обустройства территории. Исследование носит научно-поисковый характер и связано с рассмотрением аспекта преодоления трудностей при включении указанных отношений в систему стратегического планирования на уровне домашних хозяйств, предприятий, муниципальных образований и регионов различной размерности. Цель – обозначить проблематику территориально-хозяйственных отношений, изучаемых в рамках экономической географии и смежных научных дисциплин. Методологический аспект статьи представлен в виде сопряжения географических постулатов с близкими по содержанию позициями философии хозяйства, эволюционной теории, учения о геосистемах, региональной социологии, региональной экономики и теории хозяйственного механизма. Представленное понимание сущности территориального развития непосредственно соотносится с задачами совершенствования схем территориального планирования и проектов развития городов и районов.

Территориальное развитие, территориально-хозяйственная система, идеальный образ, методология изучения, территориальное хозяйствование.

Для цитирования: Лаженцев В.Н. (2024). Территориальное развитие (теория и методология хозяйственных отношений) // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 10–21. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.2

For citation: Lazhentsev V.N. (2024). Territorial development (theory and methodology of economic relations). *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 10–21. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.2

Введение

При разработке Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года внимание в основном уделяется геополитическому положению страны, Арктической зоне, Дальнему Востоку и Приазовскому району, мегаполисам и городским агломерациям, устойчивому развитию сельских территорий, магистральным видам транспорта и оптоволоконной связи. Пространственное планирование на уровне отдельных министерств и ведомств, федеральных округов и субъектов Федерации по традиции разрабатывается как территориальный разрез соответствующих прогнозов в виде «привязки к месту». Все это крайне необходимо для решения актуальных задач социально-экономического развития Российской Федерации.

Вместе с тем не менее актуальными являются проблемы взаимодействия хозяйствующих субъектов с целью рационального распределения и использования экономических ресурсов общего предназначения, а также создания благоприятных условий жизнедеятельности. Своевременная реакция на новые потребности людей и новые формы их сотрудничества по поводу места жительства и обустройства территории становится необходимым атрибутом социально-экономического развития всей страны и ее регионов. Однако многие вопросы территориально-хозяйственного характера из пространственной тематики выпадают или наводятся «на задворках».

Цель работы заключается в доказательстве того факта, что наряду с пространственным следует особо рассматривать территориальное развитие (ТР) и специально вводить его в систему общего стратегического планирования. Это в первую очередь касается экономического районирования и порайонной организации производства и инфраструктуры, геосистемных основ природопользования и охраны окружающей среды, а также территориально-коллективной жизни людей.

Понятие «территориальное развитие»

Данное понятие не имеет однозначного определения, и в этом проявляется многообразие подходов к социально-экономическому развитию, связанному с территорией и ее ресурсами. Так, историко-географический подход фиксирует динамику взаимосвязи природного и социального (биосферы и этносов), когда «хозяйство страны всегда связано с кормящим ландшафтом, уровнем развития техники и характером производственных отношений» (Гумилев, 1989, с. 218). Глубоко изучен процесс пионерного освоения и последующего обживания новых земель, включения их в экономику страны (Космачев, 1974). Историко-экономический анализ главное внимание уделяет сдвигам производительных сил в ту или иную сторону, в нашем привычном понимании – сдвиг на Восток и в Арктику (Траектории..., 2001).

Большую роль в толковании территориального развития сыграла теория экономического районирования и формирования территориально-производственных комплексов (выделение территорий экономически самодостаточных, но не замкнутых, с плановым подбором технологически взаимосвязанных заводов и фабрик, а также созданием общей для них инженерной инфраструктуры) (Колосовский, 2006). Менее замеченными в социологии и экономике, но, безусловно, важными для понимания ТР являются концепции формирования территориальных общностей людей (Долинин и др., 1984) и «территориализации общественного развития», где территория рассматривается не только как материально-технический, но и как социально-духовный элемент жизни человека (Ишмуратов, 2007).

В настоящее время почти все общественные науки подключились к тематике пространственного развития и в каждой из них обозначается специфический аспект «пространств деятельности» с указанием на их усложнение и насыщение инновационными приобретениями. При этом пространственное и территориальное развитие, как правило, не различается

(Фундаментальные..., 2013). Но различия видны хотя бы в том, что на общегосударственном уровне не пространство, а именно территория рассматривается как основа суверенитета страны; целостность территории закреплена конституционно. В связи с этим напомним слова Н.Н. Колосовского: «...территория понимается физически, как поверхность земли, а не отвлеченно в виде геометрического „пространства”» (Колосовский, 2006, с. 34). У пространственной тематики есть свои проблемы, главные из которых заключаются в игнорировании системного характера пространственной организации общества, его естественного и регулятивного начал (Лексин, Швецов, 2024). Аналогичным образом можно констатировать, что и у территориальной тематики проблемность состоит в низком уровне систематизации тех видов деятельности, которые непосредственно связаны с территорией.

Если же попытаться из множества толкований территориального развития выделить его специфическое содержание, то получим два определения этого понятия:

– **широкое по смыслу определение:** *территориальное развитие представляет собой формирование и качественное преобразование территориально-хозяйственных систем (ТХС);* практически это означает рациональное размещение производительных сил в соответствии с функциями экономических районов разных рангов в географическом разделении труда и иерархией расселения населения, территориальную организацию хозяйствования на основе сбалансированного и эффективного использования человеческого, природно-ресурсного и материально-технического потенциалов;

– **узкое определение, как дополнение к первому:** *территориальное развитие включает учет, оценку и хозяйственное использование территории как экономического актива, чем и отличается от пространственного развития: пространство измеряется, преодолевается и служит фактором влияния на организацию различных видов деятельности; территория осваивается, обустрои-*

вается, оценивается и используется с учетом ее функциональной принадлежности; С.А. Тархов разграничил данные понятия, определяя территориальное развитие как «совокупность социально-экономических, экологических и иных трансформаций, характерных для конкретной территории, а пространственное развитие – как изменения морфологии (строения)» (Тархов, 1989, с. 30).

Оба определения имеют общее, а именно – свойства и качества территории, совокупность мероприятий по ее преобразованию. Актуальность территориальной тематики возрастает по мере осознания высокой роли природных процессов в благополучном развитии общества, а природных ресурсов – в расширенном общественном воспроизводстве. Освоенная территория стала дефицитным товаром.

Теория территориального развития

Теория формирует **идеальный образ** того или иного типа ТХС. Наиболее яркими примерами «идеальных образов» являются модели размещения экономики, созданные представителями немецкой географической школы: «кольца Тюнена», «сетка Кристаллера», «экономический ландшафт Леша»; в отечественной географии: «производственно-территориальное сочетание Колосовского», «концентры Пробста», «природно-ресурсный цикл Комара», «поляризованная биосфера Родомана». Движение конкретной территориально-хозяйственной системы в сторону своего идеального образа во многом определяет суть территориального развития.

Идеальные ТХС, механизмы их функционирования и развития могут иметь соответствующий **стандарт**, дифференцированный по континентам, странам и регионам, например «стандартный европейский экономический район» (Зимин, 1993). Районный стандарт наделяется оптимальными размерами площади, достаточной для естественного воспроизводства численностью населения, иерархически связанной системой поселений, определенными

пропорциями в объемах производства и потребления, некоторыми другими экономическими и социальными параметрами. Сравнение реальных систем с их стандартом требует научного объяснения причин отклонения.

На рис. 1 показаны **объекты и субъекты территориального развития**. Они осуществляют не только территориальное развитие, но и многие другие виды деятельности, но здесь фиксируется именно территориальный аспект.

Актуальность регулирования территориального развития возрастает в первую очередь в связи с возвышением роли в общественном развитии локальных социумов: домохозяйств, общин, муниципальных образований. Пока они плохо «вписаны» в природный и экономический ландшафт страны.

Если рассматривать, например, **домохозяйства в системе территориального развития**, то следует больше внимания обращать на их связь с окружающей территорией и системой землепользования, на их экономический оборот в рамках местных и региональных рынков. Но и современная статистика позволяет представить со-

стояние домохозяйств как существенный признак географических различий в социально-экономическом облике России. Само домохозяйство может быть рассмотрено в качестве специфического элемента территориальной системы. Для этого есть некоторые основания: рост числа городских и сельских землевладельцев, экспансия сельской местности жителями городов, тяга людей к частному дому как усадьбе, необходимость «привязки» домохозяйств к месту их расположения, телекоммуникационным, энергетическим и транспортным сетям.

Время от времени активизируется движение по организации **территориального общественного самоуправления (ТОС)**, что должно побуждать географов и экономистов к пониманию высокой роли соседской общины в повседневной жизни людей. Даже в крупных городах проявляются признаки общинного сознания жителей. Социальные патологии, которые мешают реализации осознанного коллективизма (скученность людей и одновременно их разобщенность, недостаток пространства быта и значительные материальные и временные издержки при переезде из дома на работу или учебу и обратно, оторванность от земли и

Управление	домовладение	ТОС	муниципалитет (район, округ)	региональное правительство	федеральный округ
Инфраструктура	участок	блок	перегон	магистраль, сеть	опорный каркас
Производство товаров и услуг	домохозяйство	предприятие	узел, ТПК	экономический район областного ранга	крупный экономический район
Расселение населения	дом	село, микрорайон	поселок, малый и средний город куст расселения	большой город, агломерация	крупный город, мегаполис
Социум	семья	жилищный кооператив	территориальная общность людей	население	население
Природа	место	местность	округ	провинция	область

Рис. 1. Территориально-хозяйственные системы как поле деятельности субъектов хозяйствования

Источник: составлено автором.

др.), должны быть максимально устранены. В связи с этим обсуждаются такие идеи, как городскому округу придать вид федерации маленьких городков – соседских территориальных общин, повысить престижность общественного транспорта перед частным с разгрузкой городской среды от автомобилей (Даманьски, 2010). Открытым остается вопрос о формах и методах укрепления системных взаимосвязей между домохозяйствами, общинами и муниципалитетами. Пока можно сделать лишь самый общий вывод о необходимости смещения частных и общественных ресурсов в сторону местной экономики.

Актуальность текущей проблематики ТР на различных уровнях ее исполнения можно обозначить следующим образом:

- *домохозяйство* – централизованное и/или автономное энергообеспечение, второе жилье в виде родовых усадеб, дач, загородных домов, участие в деятельности территориальных обществ самоуправления;

- *предприятие* – использование природных ресурсов и вторичного сырья, отходы производства и их утилизация, участие в развитии общерайонной производственной и социальной инфраструктуры, наличие и объем договоров территориально-экономической кооперации;

- *районные и городские муниципальные образования* – муниципальная собственность (природные и материально-технические объекты), вторичная занятость и работа на дому, баланс водопотребления, бытовые и производственные отходы и их утилизация, ландшафтное проектирование и благоустройство территорий, участие в развитии территориального самоуправления;

- *регионы (субъекты РФ)* – региональная собственность (природные и материально-технические объекты, финансовые активы), баланс производства и потребления строительных материалов и продуктов питания, сводный экономический баланс, сводный финансовый баланс, сводный баланс кредитных ресурсов, баланс трудовых ресурсов и трудовая миграция, проекты межрегионального сотрудничества.

В указанной на рис. 1 совокупности объектов и субъектов ТР роль опорной единицы народного хозяйства играет **экономический район областного ранга**. Кроме того, эта территориальная структура является опорной и в государственном устройстве страны как субъект Федерации. В РФ к таким районам (регионам) отнесены области, края и республики, но это не значит, что все они соответствуют стандарту опорного района. Наиболее часто обсуждаемые вопросы об укрупнении единиц территориально-административно деления России не лишены оснований. В данной статье они не рассматриваются, но в соответствии с ее тематикой отметим высокую роль региональных правительств в качестве арбитра в разрешении спорных вопросов в сфере распределения земель, рационального природопользования и согласования фирменных стратегий в части, затрагивающей общественные интересы. Для района областного ранга системообразующими являются не только крупные производственные комплексы и транзитные магистрали, но и объекты здравоохранения, образования, культуры, энергетического, водного и местного дорожного хозяйства. На уровне субъекта РФ проблема чрезмерного социального расслоения по доходам и общему качеству жизни приобретает вид планового задания (наказа) региональному правительству по борьбе с бедностью и пространственной изоляцией людей, живущих на периферии (в глубинке и «медвежьих углах»). Все это говорит о том, что административный и экономический потенциал области (края, республики) должен соответствовать решению сложных проблем государственной региональной политики.

Еще более проблемным в настоящее время является **крупный экономический район (КЭР)**. Фактически он исключен из системы стратегического планирования и заменен федеральными округами или группировками смежных областей (краев, республик). Такого рода замена не имеет прямого отношения к районному образованию и районированию; лучший

случай, когда речь идет об оптимизации территориальных систем национальной экономики (Оптимизация..., 2010). При такой неопределенности с КЭР вопросы территориальной интеграции необходимо рассматривать специально и целенаправленно. Это, как правило, относится к формированию общей для смежных регионов энергетической, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, созданию больших природоохранных комплексов, организации межрегиональных центров высокотехнологичной медицины.

Методология изучения территориального развития

Методология формирует технологию познания, способы генерации научных знаний, последовательность переходов от идеального к реальному, от фундаментальных знаний к прикладным, а затем к самой практике. Методологические конструкции ТР, как правило, рассматриваются с позиций социально-экономической географии (рис. 2), но при этом **проходят проверку на достоверность** с учетом соответствующих положений смежных научных дисциплин (рис. 3). Такого рода проверка соединяет

Теории и концепции	Краткая формулировка научного положения
Теория районообразования и ТПК-подход	Производительные силы в своем развитии образуют территориальные сочетания (комплексы)
Теория социально-экономического пространства	Пространство является фактором влияния на социальную и экономическую деятельность
Теория линейно-узловых структур	Размещение населения и производства имеет форму территориальных узлов, коммуникационных сетей и экономических ландшафтов
Концепция «центр – периферия»	Негативный синдром периферийности преодолевается путем приобщения экономически удаленных территорий к научно-техническому потенциалу центральных мест
Концепция «функция места»	Определенная территория несет (или может нести) хозяйственную функцию, обусловленную ее природными и социальными характеристиками

Рис. 2. Основные положения экономической географии, лежащие в основе проблематики территориального развития

Источник: составлено автором.

Научные дисциплины	Положения, имеющие непосредственное отношение к территориальному развитию
Философия и теория хозяйства	Хозяйствование – важнейший элемент общественного развития, который охватывает воспроизводство всей совокупности природных и социально-экономических условий жизнедеятельности людей
Эволюционная теория и философия сотрудничества	Сотрудничество поверх территориально-административных границ – важнейшее направление пространственной экономической интеграции
Учение о геосистемах	Взаимоувязка природных и общественных географических систем примерно одинаковой территориальной размерности вполне правомерна и соответствует принципам сбалансированного социально-экономического развития. Она предполагает сопоставление природного (условия и ресурсы) потенциала геосистем с перспективами развития территориально-хозяйственных комплексов
Региональная социология	Пространственные различия в социальной стратификации – весьма существенный индикатор различных типов территориальных общностей людей
Региональная экономика	Территориальное хозяйствование – деятельность по формированию и рациональному использованию муниципальной и субфедеральной собственности, а также межхозяйственной и межрегиональной кооперации
Теория хозяйственного механизма	Хозяйственный механизм – система движущих сил общественного развития, включая экономические отношения по поводу территориального развития

Рис. 3. Смежные с социально-экономической географией научные дисциплины в изучении проблем территориального развития

Источник: составлено автором.

структурно-функциональные характеристики территориальных систем хозяйства и расселения населения с механизмами их функционирования (Лаженцев, 2014).

Достижение непротиворечивости постулатов различных теорий и концепций, комбинирование методов и показателей основной и смежных дисциплин приводят к выводу, что само понятие «хозяйство» не сводится ни к производству, ни к средствам труда, ни к экономике или отдельным видам экономической деятельности. Кроме перечисленного, оно включает нечто большее: человека-хозяина, его мировоззрение, социальную организацию частного и общественного труда и быта, широкий спектр географических типов хозяйств, территориально-хозяйственных отношений и институтов (Осипов, 1990).

Хозяйство «насыщается» природой не только как потребитель ресурсов, но и как создатель окружающей человека среды. Изучение проблем территориального развития должно начинаться именно с уяснения роли природно-ресурсных комплексов в экономике страны и районов. Соразмерность и взаимосвязь физико-географических и экономико-географических образований служат основанием для выделения интегральных (природно-хозяйственных) геосистем в качестве ключевых единиц территориального планирования. Академик В.Б. Сочава писал: «Учение о геосистемах относится к одной из основополагающих дисциплин прикладной науки будущего о принципах и методах изменения земной поверхности в нужном для человека направлении» (Сочава, 1978, с. 8).

Введение геосистемного фактора в параметры общественного воспроизводства позволяет повысить достоверность реального состояния экономики, когда истощение природного капитала и загрязнение окружающей среды существенно снижают совокупный доход общества. Если ареал определенной геосистемы имеет набор полезных свойств и качеств, учтенных в единицах физического измерения, то их совокупность должна иметь стоимостную оценку, которая может служить базой для последующих, более конкретных, экономических расчетов. Практический

смысл такой позиции объясняется необходимостью накопления финансовых ресурсов, достаточных для воспроизводства природно-ресурсного потенциала геосистем.

Отсюда следует, что желаемого состояния ТХС можно достичь в большей мере, если учитывать взаимосвязь природных и общественных геосистем приблизительно равной размерности, преодолеть экономический детерминизм, а саму экономику привести в соответствие с технологически, социальными и экологическими параметрами хозяйства.

Территориальное хозяйствование

Территориальное хозяйствование – деятельность органов местного самоуправления и региональной государственной власти по поводу формирования и рационального использования личной (частично), общинной, муниципальной и субфедеральной собственности с выгодой для населения. Его основой является региональная собственность (земля, природные ресурсы, имущественные комплексы, бюджет и внебюджетные средства). Оно базируется на традициях и бытовом праве, юридически зафиксированных нормах и правилах экономического поведения и общественного порядка, специальных договорах и соглашениях (Лаженцев, Дмитриева, 1993; Хикл, 2004). Регулирование территориально-хозяйственных отношений осуществляют, как правило, распорядительные центры общей компетенции – органы государственного и муниципального управления, которые проводят учет и оценку общественных благ, включение их в хозяйственный оборот посредством лицензирования, купли-продажи, отвода, аренды, залога, займа и т. п. актов.

Лишь низовые ТХС (ТОС, поселение, муниципальное образование) в принципе могут достичь полного организационно-экономического единства и быть субъектом права – хозяйственной единицей. У большинства других ТХС такого рода правосубъектность отсутствует, и это дает возможность в полной мере сохранить экономическую самостоятельность отдельных звеньев всей территориальной системы.

Для населения более заметными являются проблемы территориального хозяйствования на уровне муниципального образования. Они связаны преимущественно с неудовлетворительным состоянием местного хозяйства и с недостаточно четкой фиксацией его особенностей. Местную экономику следовало бы рассматривать как один из видов смешанной (эксполярной – не плановой и не рыночной) экономики. Она нацелена не на прибыль, а на рост ресурсов коллективного пользования и предоставление качественных социальных услуг.

Муниципалитет, как хозяйствующий субъект, вступает в экономические отношения с другими субъектами: домашними хозяйствами, общинами, предприятиями, органами государственной власти. Муниципалитет не только вынужден, но и обязан на договорной основе привлекать предприятия всех форм собственности к решению вопросов местного значения (электро-, тепло-, газо- и водоснабжение, дорожная и транспортная деятельность, предоставление услуг связи, строительство и ремонт жилья, библиотечное дело, культура и спорт, утилизация отходов, благоустройство территорий, общественная безопасность и др.).

В развитии такого рода отношений и предприятие, и муниципалитет могут исходить не только из общих потребностей, но и из собственной выгоды, полагая, что условия жизни работников предприятия в конечном счете влияют на производительность их труда и рост заработной платы, что, в свою очередь, увеличивает налоговую базу формирования местного бюджета; стимулирование местной властью среднего и малого бизнеса повышает уровень занятости трудоспособного населения и, соответственно, общие доходы домохозяйств и муниципалитетов. Одно из направлений территориального хозяйствования муниципальных образований связано с инженерно-геологическим, геофизическим и медико-биологическим мониторингом проблемных земельных участков селитебной и промышленной местности.

Хозяйственный аспект вхождения *предприятий* в территориально-хозяйственный оборот заключается в том, что они являются активными субъектами товарно-денежных отношений по поводу тех природных ресурсов, которые находятся в их пользовании, но имеют общественный характер. В данном случае ресурсы (месторождения полезных ископаемых, земельные участки, промышленные площадки, лесные и водные площади и т. д.) от лица общества (государства либо муниципалитета) передаются в аренду, но эту передачу желательно производить на условии включения стоимости природных активов в основные фонды предприятия. Это обязывает предприятие работать с конкретным ресурсом как объектом воспроизводства с использованием соответствующих норм износа, амортизации, модернизации, восстановления и тому подобных операций бухгалтерского учета. Стоимостная оценка природных ресурсов для включения их в уставной фонд предприятия в таком варианте становится объективно необходимой, как и соответствующий порядок расчетов с арендодателем.

Особого внимания заслуживает вопрос, как *корпорации* выполняют функцию контрагентов региональных правительств и муниципалитетов? Последние инициируют соответствующие договорные отношения именно с целью комплексного развития территорий. Участие в территориальном развитии является составной частью корпоративной этики, но осуществляется оно не автоматически, а при условии соблюдения определенных правил и регламентов. Многое здесь зависит от соотношения сил двух сторон, от их знания последствий выполнения или невыполнения взаимных обязательств.

Не все корпорации имеют четко локализованное пространство своей деятельности; многие из них «захватывают» большие территории, считая их своим полем деятельности. Крупные корпорации, понимая значение территориальных ресурсов и желая облегчить для себя условия конкуренции за них, стремятся «приватизировать» не

только ресурсы, но и сами муниципалитеты и региональные правительства, направляя туда своих представителей (Доманьски, 2010, с. 54). Для населения же выгодно иметь не только достаточное количество рабочих мест и источников доходов, но и дифференцированную организационную структуру управления территориальным развитием без диктата отдельных корпораций.

В системе территориального развития важную роль играют отношения, которые в последние годы стали обозначаться понятием «**кластер**». Кластеризация как взаимодействие предприятий и организаций не в части обычного материально-технического снабжения, текущих финансово-экономических и информационных связей, а для решения новых задач в области научно-технического и социального прогресса может и должна проводиться в разных организационных формах и на разных территориальных площадках или экстерриториально. *Кластер – это объединение не предприятий, а их отдельно взятых функций, которые, как правило, относятся к инновационной деятельности и проектному финансированию. Кластер не может быть хозяйствующим субъектом.*

При **институциональном подходе** к территориальному хозяйствованию главенствующую роль играет согласование частных и общественных интересов посредством совершенствования лицензирования в области недропользования с обязательным участием региональных правительств и с включением в состав лицензий дополнительных условий, необходимых для комплексного освоения месторождений полезных ископаемых и социального развития территорий; распределения всего земельного фонда сельскохозяйственного назна-

чения по формам собственности и видам пользования; организации лесного хозяйства в соответствии с международным регламентом устойчивого управления лесами; разработки и реализации территориальных схем утилизации и переработки бытовых и производственных отходов; укрепления межрегиональных (в первую очередь соседских) экономических связей с формированием и реализацией совместных программ в области развития инфраструктуры, использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Заключение

Таким образом, территориальное развитие связано с широким спектром учений о природных и социально-экономических системах, позволяющим правильно оценить общественный характер любой хозяйственной деятельности и важное значение местных условий жизнедеятельности людей. Территориально-хозяйственные системы включают одновременно «районную материально-техническую базу» (по Колосовскому) и совокупность распорядительных центров и их ресурсов, объединенных общими интересами местоположения и совместной деятельности по созданию благоприятных условий жизни населения. Само территориальное развитие является особым видом хозяйственной деятельности, в которой территория учитывается как операционная единица управления. Такого рода деятельность тесно связана с рентной оценкой и общественной капитализацией природных ресурсов, реорганизацией землевладения и землепользования, с учетом возвышающейся роли региональных правительств, муниципалитетов и территориально-общественных советов.

ЛИТЕРАТУРА

- Гумилев Л.Н. (1989). Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. 446 с.
- Долинин А.А., Бугаев В.К., Шикунова З.И. (1984). Проблемы методики и методологии исследования территориальных общностей в системе социального районирования // Социальная география СССР. Ленинград. С. 100–109.

- Доманьски Р. (2010). Экономическая география: динамический аспект: пер. с пол. Москва: Новый хронограф. 376 с.
- Зимин Б.Н. (1993). Малые высокоразвитые страны Западной Европы – теоретические итоги исследования // Известия РАН. Сер.: География. № 2. С. 95–104.
- Ишмуратов Б.М. (2007). География – кризис идентичности // Географические исследования Сибири. В 5 т. Т. 5. Общественная география / Ин-т географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Новосибирск: Гео. С. 18–41.
- Колосовский Н.Н. (2006). Избранные труды. Смоленск: Ойкумена. 336 с.
- Космачев К.П. (1974). Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы) / отв. ред. В.Б. Сочава. Новосибирск: Наука. 144 с.
- Лаженцев В.Н. (2014). Содержание, системная организация и планирование территориального развития / отв. ред. А.И. Татаркин; Коми НЦ УрО РАН, Ин-т соц.-экон. и энергет. проблем Севера. Екатеринбург – Сыктывкар. 236 с.
- Лаженцев В.Н., Дмитриева Т.Е. (1993). География и практика территориального хозяйствования. Екатеринбург: Наука. 137 с.
- Лексин В.Н., Швецов А.Н. (2024). Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России // Федерализм. Т. 29. № 2 (114). С. 5–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-5-31>
- Оптимизация территориальных систем (2010) / под ред. С.А. Суспицина. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 632 с.
- Осипов Ю.М. (1990). Опыт философии хозяйства. Москва: Изд-во МГУ. 382 с.
- Сочава В.Б. (1978). Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука. 319 с.
- Тархов С.А. (1989). Представления о территориальном развитии и методология пространственного анализа // География и проблемы регионального развития. Москва: ИГ АН СССР. С. 23–31.
- Траектории проектов в высоких широтах (2011) / под ред. Ю.В. Неелова, А.В. Артеева, В.А. Ламина, С.Е. Алексеева, В.Ю. Малова. Новосибирск: Наука. 440 с.
- Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез (2013). Москва: Медиа-Пресс. 664 с.
- Хикл У. (2004). Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? : пер. с англ. Москва: Прогресс. 340 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виталий Николаевич Лаженцев – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Lazhentsev V.N.

TERRITORIAL DEVELOPMENT (THEORY AND METHODOLOGY OF ECONOMIC RELATIONS)

Some results of the study of territorial development (TD) as a specific type of economic activity are summed up. The concept of TD is interpreted from two positions: the first is the formation and qualitative transformation of territorial economic systems; the second is the economic use of the

territory as an economic resource. Both positions distinguish TR from the territorial profile of the national economy and its industries, as well as from the concept of “spatial development”. The subjects of economic relations are shown, each of which solves special problems of development and arrangement of the territory. The research is of a research nature and is considered in the aspect of overcoming the difficulties of including these relationships in the strategic planning system at the level of households, enterprises, municipalities and regions of various sizes. The goal is to outline the problems of territorial-economic relations studied within the framework of economic geography and related scientific disciplines. The methodological aspect of the article is presented in the form of pairing geographical postulates with similar content positions of economic philosophy, evolutionary theory, the doctrine of geosystems, regional sociology, regional economics and the theory of economic mechanism. The presented content of territorial development directly correlates with the tasks of improving territorial planning schemes and development projects for cities and regions.

Territorial development, territorial-economic system, ideal image, methodology of study, territorial economic management.

REFERENCES

- Dolinin A.A., Bugaev V.K., Shikunova Z.I. (1984). Problems of methodology and methodology of research of territorial communities in the system of social zoning. In: *Sotsial'naya geografiya SSSR* [Social Geography of the USSR]. Leningrad (in Russian).
- Domański R. (2010). *Ekonomicheskaya geografiya: dinamicheskii aspekt: per. s pol.* [Economic Geography: The Dynamic Aspect: Translated from Polish]. Moscow: Novyi khronograf.
- Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* [Fundamental Problems of Spatial Development of the Russian Federation: Interdisciplinary Synthesis]. (2013). Moscow: Media-Press.
- Gumilev L.N. (1989). *Etnogenez i biosfera Zemli. 2-e izd.* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere. Second Edition]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta.
- Hickel W. (2004). *Problemy obshchestvennoi sobstvennosti. Model' Alyaski – vozmozhnosti dlya Rossii?: per. s angl.* [Problems of Public Property. The Alaska Model – Opportunities for Russia? Translated from English]. Moscow: Progress.
- Ishmuratov B.M. (2007). Geography as an identity crisis. In: *Geograficheskie issledovaniya Sibiri. V 5 t. T. 5. Obshchestvennaya geografiya* [Geographical Studies of Siberia. In 5 Volumes. Volume 5. Social Geography]. Novosibirsk: Geo (in Russian).
- Kolosovskii N.N. (2006). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Smolensk: Oikumena.
- Kosmachev K.P. (1974). *Pionernoe osvoenie taigi (ekonomiko-geograficheskie problemy)* [Pioneer Development of the Taiga (Economic and Geographical Problems)]. Novosibirsk: Nauka.
- Lazhentsev V.N. (2014). *Soderzhanie, sistemnaya organizatsiya i planirovanie territorial'nogo razvitiya* [Content, System Organization and Planning of Territorial Development]. Yekaterinburg – Syktyvkar.
- Lazhentsev V.N., Dmitrieva T.E. (1993). *Geografiya i praktika territorial'nogo khozyaistvovaniya* [Geography and Practice of Territorial Management]. Yekaterinburg: Nauka.
- Leksin V.N., Shvetsov A.N. (2024). Natural and regulatory-imperative in the spatial development of Russia. *Federalizm*, 29(2), 114, 5–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-5-31> (in Russian).
- Neelov Yu.V., Arteev A.V., Lamin V.A., Alekseev S.E., Malov V.Yu. (Eds). (2011). *Traektorii proektov v vysokikh shirotakh* [Project Trajectories in High Latitudes]. Novosibirsk: Nauka.
- Osipov Yu.M. (1990). *Opyt filosofii khozyaistva* [The Experience of the Philosophy of the Economy]. Moscow: Izd-vo MGU.

- Sochava V.B. (1978). *Vvedenie v uchenie o geosistemakh* [Introduction to Geosystem Science]. Novosibirsk: Nauka.
- Suspitsin S.A. (Ed.). (2010). *Optimizatsiya territorial'nykh sistem* [Optimization of Territorial Systems]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Tarkhov S.A. (1989). Conceptions of territorial development and methodology of spatial analysis. In: *Geografiya i problemy regional'nogo razvitiya* [Geography and Problems of Regional Development]. Moscow: IG AN SSSR (in Russian).
- Zimin B.N. (1993). Small highly developed countries of Western Europe – theoretical outcomes of the study. *Izvestiya RAN. Ser.: Geografiya*, 2, 95–104 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly N. Lazhentsev – Doctor of Sciences (Geography), RAS Corresponding Member, Chief Researcher, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.3

УДК 332.1 | ББК 65.2/4

© Кириллова С.А., Орлова Д.С.

СНИЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОКРАЩЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА КИРИЛЛОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: kirillova_sa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0622-5185; ResearcherID: O-4905-2015

ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА ОРЛОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: chernukha.darja@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-2004-3888; ResearcherID: O-4501-2015

В статье выполнен анализ возможностей развития креативных кластеров – одного из перспективных направлений диверсификации экономики в малых и средних городах Российской Федерации, сельских населенных пунктах. Об актуальности исследования свидетельствует отсутствие четкого понимания способа решения задачи по формированию условий, необходимых для создания креативных кластеров как на высокоурбанизированных территориях, так и в небольших населенных пунктах для сокращения негативных последствий дифференциации территорий по уровню и качеству жизни в последние тридцать лет. Цель исследования – на основе анализа ситуации, сложившейся в данной сфере, определить условия, необходимые для создания в стране разветвленной сети креативных кластеров на территориях различного иерархического уровня. Для достижения цели решены задачи: определены специфические особенности креативного кластера, выполнена оценка пространственной дифференциации креативных кластеров, учитывающая количественные и пространственные характеристики,

Для цитирования: Кириллова С.А., Орлова Д.С. (2024). Снижение пространственной дифференциации креативных индустрий как направление сокращения межрегиональных различий // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 22–38. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.3

For citation: Kirillova S.A., Orlova D.S. (2024). Reducing the spatial differentiation of creative industries as a way to reduce interregional disparities. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 22–38. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.3

выявлены условия, необходимые для создания творческого продукта и вывода его на рынок, сформирована типологическая матрица пространственной дифференциации креативных индустрий регионов Российской Федерации как основа для разработки стратегических документов их развития. В рамках работы получены следующие наиболее важные научные результаты, определяющие ее научную новизну и значимость: 1) установлено, что пространственная дифференциация креативных кластеров выражается, в частности, в их максимальной концентрации в Москве и Санкт-Петербурге и минимальной – в Южном, Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах; 2) определен перечень условий для создания креативных кластеров; 3) сформирована типологическая матрица пространственной дифференциации креативных индустрий с выделением 25 групп регионов Российской Федерации, позволяющая разработать стратегические документы развития креативных индустрий, специфицированных к особенностям той или иной группы регионов. Полученные выводы могут быть использованы органами государственной власти для принятия обоснованных решений в сфере приоритетных задач социально-экономического развития региона, повышения его устойчивости и сбалансированности.

Креативные индустрии, творческие индустрии, креативная экономика, креативные кластеры, креативные пространства, конкурентоспособность территорий, человеческий капитал, пространственная дифференциация креативных кластеров, урбанизированные территории.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2024 год и на плановый 2025 год.

Введение

Пространственное развитие Российской Федерации в последние 30 лет, приоритетом которого были урбанизация и агломерационное укрупнение территорий, привело страну к серьезным социально-экономическим последствиям, выразившимся в значительной дифференциации территорий по уровню и качеству жизни. Процессы оптимизации социальной инфраструктуры с ликвидацией объектов, необходимых для жизнеобеспечения населения, затронули практически все небольшие городские и сельские населенные пункты страны. Важными последствиями этих процессов стали миграция населения на территории с лучшими социально-экономическими условиями и обезлюживание значительного числа небольших муниципальных образований.

В настоящее время в России существует 1039 городов с населением до 250 тыс. человек, в которых проживает свыше 40 млн человек. По сравнению с 2012 годом количество таких городов выросло на 13 ед. при снижении численности проживающего в

них населения на 1062,5 тыс. человек. Дальнейшее уменьшение численности жителей небольших городов и сельских населенных пунктов может привести к негативным социальным и экономическим последствиям, таким как старение населения, его депопуляция, снижение производительности труда, уменьшение обрабатываемых сельскохозяйственных площадей с выводом их из оборота. Последующее падение спроса на потребительские товары и услуги, доступности социальных услуг обусловит снижение уровня и качества жизни на территориях, характеризующихся депопуляцией. Все это генерирует высокие риски обеспечения экономической и продовольственной безопасности страны, а также целостности территориального каркаса и экономического пространства региона и страны в целом.

Поскольку именно небольшие города играют значительную роль в формировании пространственной структуры страны, возрождение их экономики как реальной основы для решения социальных и демо-

графических проблем будет способствовать восстановлению национальной сети малых городов и достижению главной цели пространственного развития Российской Федерации – обеспечению устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни¹.

Аналогичной точки зрения придерживаются российские исследователи Т.В. Ускова, С.С. Патракова, по мнению которых крайне важным является «обеспечение сбалансированности не только на национальном уровне – между субъектами РФ, но и на региональном – между городами и сельскими территориями» (Ускова, Патракова, 2024), С.Г. Жестянников, полагающий, что сокращение межрегиональных различий «за счет повышения устойчивости системы расселения путем социально-экономического развития городов и сельских территорий» становится одной из ключевых и наиболее сложных задач с позиций достижения основной цели пространственного развития (Жестянников, 2024).

Одним из перспективных направлений диверсификации экономики в малых и средних городах может стать развитие в них креативных индустрий – области экономики, влияющей на создание и производство новых продуктов и услуг, основанных на творческих идеях и цифровых технологиях, и формирующей новые возможности как для развитых, так и развивающихся стран. Мнения о приобретающем все большую приоритетность развитии экономики, базирующемся на нематериальных ресурсах как альтернативе развития, в основе которого ресурсы материальные, придерживаются Л.А. Василенко, Л.В. Богданова, И.Ю. Каримова (Василенко и др., 2024,

с. 63), О.В. Лазарева (Лазарева, 2017, с. 671), Н.С. Коргожа (Коргожа, 2018, с. 81) и др.

По мнению Р. Флориды, именно человеческий капитал и таланты являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность регионов в условиях современной экономики, способность привлекать и удерживать специалистов креативных индустрий становится основным источником регионального преимущества, заменяя традиционные факторы, такие как доступ к ресурсам (Florida, 2004).

Доля креативной экономики в ВВП Российской Федерации пока не столь значительна, как в западных странах (около 5,0% за 2022 год)² (Алексеев, 2024). По оценкам Высшей школы экономики, в 2021 году численность занятых в креативной экономике России составила 3,4 млн человек, то есть 4,8% от общей численности работников, увеличившись с 2017 года почти в три раза³. Это свидетельствует о возрастающей зависимости эффективного экономического развития и обеспечения конкурентоспособности территорий страны различного иерархического уровня не от ресурсных, а от креативных отраслей.

Несмотря на значительные перспективы развития данного направления в России, активное встраивание креативных индустрий в практику государственного, регионального и муниципального управления в целом и креативных кластеров как важного инфраструктурного элемента в частности, пространственное развитие креативного сектора в Российской Федерации носит чрезвычайно неравномерный характер, что определяет важность создания «доступной и территориально равномерной инфраструктуры для креативных индустрий, включающей креативные кластеры, креативные (творческие) инкубаторы, центры

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (с изм. и доп., внесенными. Распоряжением Правительства РФ от 30 сентября 2022 г. № 2877-р, вступающими в силу с 30 сентября 2022 г.).

² Светулькова А., Алексеев Д. (2024). Свернут ли горы: как в России развивается креативная экономика // Известия. 11 февраля. URL: <https://iz.ru/1646926/alena-svetunkova-dmitrii-alekseev/svernut-li-gory-kak-v-rossii-razvivaetsia-kreativnaia-ekonomika>

³ Креативный класс России: портрет в цифрах (2023) // Институт статистических исследований и экономики знаний ВШЭ. 10 января. URL: <https://issek.hse.ru/news/807190597.html> (дата обращения 20.07.2024).

коллективного пользования специальным оборудованием»⁴.

Вместе с тем в настоящее время отсутствует четкое понимание способа решения этой задачи, что обуславливает актуальность исследования, направленного на выявление условий создания вышеуказанной инфраструктуры и предполагающего, с одной стороны, оценку пространственной дифференциации креативных кластеров с выявлением влияющих на нее факторов, с другой стороны, учет особенностей (эффективности) управления территориальным развитием в части достижения количественно определенных его результатов.

Методы

В исследовании использовались данные стандартной статической отчетности за 2021–2022 гг., методы типологизации, контент-анализа и визуализации данных.

Теоретико-методические аспекты исследования

Формирование креативного сектора с его неограниченными возможностями по созданию экономического богатства, рабочих мест, особенно для высококвалифицированных специалистов, способствует сохранению и привлечению трудовых ресурсов с высоким качеством человеческого капитала, тем самым уменьшая миграцию населения на более благополучные территории и сглаживая сложившиеся межрегиональные диспропорции. В особенности эффективным представляется развитие креативных индустрий в формате кластерного подхода на основе создания креативных кластеров.

Эту идею поддерживают Е.Б. Ленчук и Г.А. Власкин, которые считают, что, несмотря на отсутствие новизны, использование данного подхода не имеет альтернатив в тех случаях, когда традиционные методы повышения конкурентоспособности российской экономики более не эффективны (Власкин, Ленчук, 2010).

В последние годы такими кризисами стали пандемия COVID-19 и санкции западных стран, явившиеся, по сути, триггером экономических и социальных процессов, обусловивших активизацию трансформации экономики с задействованием сырьевого и индустриального секторов на использование ресурсов креативных индустрий, открывающих большие возможности, в частности, для развития различных видов креативных кластеров.

Теоретические аспекты

Наличие разных подходов к определению содержательной сути креативных кластеров как в зарубежных, так и отечественных публикациях, официальных документах, регламентирующих процессы развития креативных индустрий, предполагает целесообразность уточнения содержательной сути исследуемой категории с определением специфических особенностей креативных кластеров.

В основе концепции развития креативных кластеров лежит общая теория кластеризации бизнеса, с позиций которой кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители, посредники) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга (Porter, 1990). Данная дефиниция достаточно устоявшаяся, и ее рассмотрение не входит в задачи нашего исследования.

По мнению С. Эванса, креативные кластеры – это сообщество креативных предпринимателей, взаимодействующих в рамках замкнутой территории (Evans, 2015). С точки зрения Л. де Проприс, креативный кластер представляет собой прежде всего место объединения креативных людей, а также дополнения их идей и талантов. Кроме того, креативные кластеры – это среда, в рамках которой объединяются разнообразие, ини-

⁴ О концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р.

циатива или свобода выражения взглядов, а также это неизменно трансформирующиеся сети, которые поддерживают индивидуальные уникальность и тождественность (De Propriis et al., 2009).

Другие зарубежные исследователи рассматривают креативные кластеры с точки зрения усилий государства по оказанию помощи, развитию и стимулированию креативных индустрий (Fung, Erni, 2013), как важный элемент новой модели финансирования и поддержки креативных индустрий, способствующий устойчивому развитию и инновациям в креативной экономике (Loots et al., 2022).

В России к настоящему времени также отсутствует единая трактовка этой категории, а имеющиеся чаще всего схожи с определениями, данными де Проприс и С. Эвансом.

Так, одни российские исследователи солидарны с де Проприс и определяют креативные кластеры как места производства и потребления креативных продуктов⁵, объединения на определенной территории носителей творческой или интеллектуальной новации, результатом преобразования творческих идей которых является непрерывный процесс создания и потребления условно вещественных творческих продуктов (Хакимова, 2014; Новосельская, 2017). Другие считают, что креативные кластеры – это заброшенные промышленные объекты, где сосредоточены места для творчества, такие как студии и галереи, в которых формируется синергетический эффект, усиливающий общий результат при взаимодействии различных творческих инициатив (Федотова, 2013; Сапрыкина, 2014; Токарев и др., 2019).

Наиболее полное и объективное, с нашей точки зрения, определение креативных кластеров – это «территориальная концентрация творческих индустрий и тесно связанных с ними предпринимательской, обще-

ственной, образовательной деятельностью, расположенных на площадке единого крупного имущественно-земельного комплекса, на территории которого определена и публично заявлена базовая специализация и созданы условия для междисциплинарного взаимодействия, создания творческих продуктов и капитализации человеческих ресурсов»⁶.

В рамках поставленных задач на основе анализа вышеупомянутых дефиниций определены специфические особенности креативных кластеров, в том числе принципиальные отличия креативных кластеров от промышленных: резидентами креативных кластеров являются представители креативных индустрий, инфраструктура кластера включает научные парки, медиацентры, некоммерческие организации сферы культуры и искусства (Кириллова, Орлова, 2024). Кроме того, выявлены условия, необходимые для создания творческого продукта и вывода его на рынок, в числе которых можно обозначить наличие:

- инфраструктуры – подходящих объектов недвижимости, таких как коворкинги, студии, выставочные залы и другие пространства, которые могут быть использованы для творческой деятельности и взаимодействия участников кластера;
- ресурсов – в части обеспечения доступа к финансированию, технологиям, материалам и другим ресурсам, необходимым для создания и распространения креативного продукта;
- сетевого взаимодействия для сотрудничества и обмена идеями между участниками кластера, включая организации, предпринимателей, исследователей и образовательные учреждения;
- поддержки со стороны государства – реализации государственной политики и программ, направленных на поддержку креативных индустрий, включая финансирование, налоговые льготы и другие меры;

⁵ Береговая Е. (2020). Место сбора хороших людей. Как креативные кластеры работают с благотворительностью // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/411955-mesto-sbora-horoshih-lyudey-kak-kreativnye-klastery-rabotayut-s>

⁶ Атлас креативных кластеров Российской Федерации (2023). Москва: Союз профессионалов креативных кластеров, Институт развития городов «Полис». 614 с.

– культурной среды – развитой культурной жизни региона, включающей проведение культурных мероприятий, фестивалей и инициатив, которые способствуют привлечению творческих людей и организаций на территорию креативных кластеров;

– подготовки кадров, требующей наличия образовательных учреждений, предлагающих программы в области искусства, дизайна и других креативных дисциплин, что способствует подготовке квалифицированных специалистов для креативной экономики;

– инновационной среды – исследовательских центров, инкубаторов и акселераторов, оказывающих поддержку инноваций и новых идей, способствующих развитию стартапов и новых проектов.

Методические аспекты

Методические подходы к развитию креативных кластеров включают как организационные, так и управленческие аспекты в части создания необходимых условий, в числе которых применение кластерного подхода с позиций объединения организаций на одной территории, сетевого взаимодействия между участниками кластера; разработка стратегий и программ создания и развития креативных кластеров через оценку имеющихся ресурсов – человеческих, инфраструктурных, инвестиционных, анализ возможностей их использования, разработку целей, задач создания кластера во взаимосвязке с имеющимися ресурсами и количественно измеримыми результатами их достижения; институциональная поддержка, в основе которой разработка государственных и муниципальных мер по поддержке креативных индустрий путем выделения финансирования, грантов и налоговых преференций, финансирование креативных инициатив в рамках государственно-частного (муниципально-частного) партнерства; управление креативным потенциалом на основе внедрения инноваций, кадрового обеспечения (развития человеческого потенциала), создания креа-

тивных пространств; использование маркетинговых стратегий как для проведения маркетинговых исследований, так и для разработки мероприятий по продвижению креативных кластеров.

Таким образом, методические подходы к развитию креативных кластеров включают комплексный анализ ресурсов, развитие человеческого капитала и активное использование маркетинговых стратегий. Эти меры направлены на создание устойчивых экосистем для поддержки инноваций и творчества в различных регионах.

Обсуждение

В настоящее время развитие креативных индустрий в России чрезвычайно неоднородно, о чем свидетельствует оценка пространственной дифференциации креативных кластеров и влияющих на нее факторов, выполненная на основе анализа количественных и пространственных характеристик, а также набора креативных специализаций.

Что касается количественных характеристик, действующие креативные кластеры различаются по числу резидентов, занимаемой площади, наличию шеринговой и виртуальной инфраструктуры, мерам поддержки профильным резидентам, событийной активности креативных кластеров и т. д. Союзом профессионалов креативных кластеров и ООО «Институт развития городов «Полис» был составлен перечень из девяти критериев (минимальная площадь креативного кластера; наличие вспомогательной инфраструктуры коллективного пользования; число профильных резидентов; доля профильных резидентов от общего числа; публичное позиционирование пространства как креативного кластера; предоставление мер поддержки профильным резидентам; событийная активность; наличие и поддержка виртуальной инфраструктуры креативных кластеров и его резидентов; экспертное участие в развитии креативных индустрий в городе/регионе представитель управляющей компании, профильных

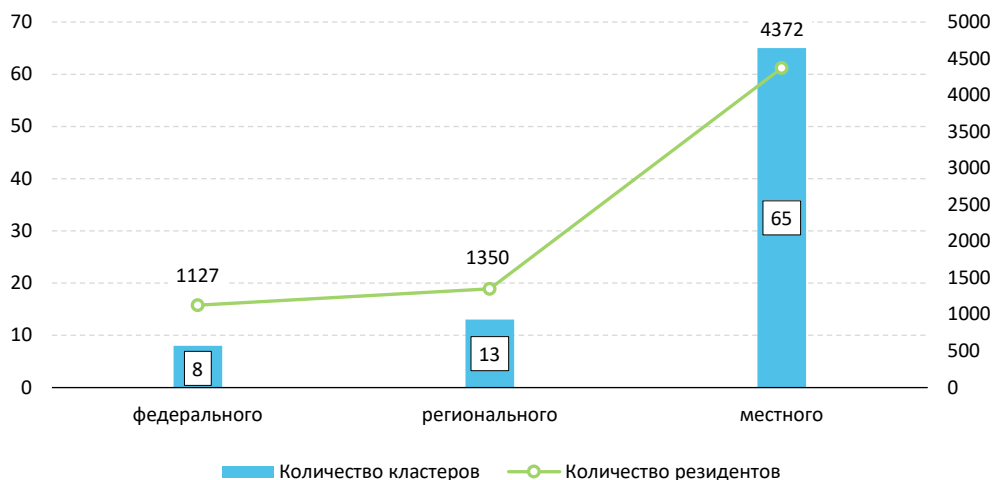

Рис. 1. Креативные кластеры федерального, регионального и местного масштаба, ед.

Составлено по: Атлас креативных кластеров Российской Федерации (2023). Москва: Союз профессионалов креативных кластеров, Институт развития городов «Полис». 614 с.

резидентов креативного кластера), на основании которых были выделены группы официально зарегистрированных кластеров различной иерархической принадлежности – федерального, регионального и местного масштаба (рис. 1).

Данные рис. 1 свидетельствуют, что в общем количестве кластеров преобладают креативные кластеры местного (локального) масштаба, характеризующиеся относительно небольшим размером занимаемой площади (не менее 1000 кв. м) и нацеленные в первую очередь на работу с отдельными резидентами, создание для них комфортных условий.

Креативные кластеры федерального масштаба занимают значительные территории (свыше 10000 кв. м), отличаются высокой концентрацией представителей креативных индустрий – управляющая компания, резиденты (более 50), которые принимают активное участие в популяризации модели креативных кластеров, создании системных мер поддержки представителей креативных индустрий в целом или в отдельно взятом направлении. Размер площадей, занимаемых креативными кластерами регионального масштаба, находится в интервале 2500–10000 кв. м, в кластерах при-

сутствует не менее 25 представителей креативных индустрий, которые интегрированы в городскую или региональную общественную повестку⁷.

В качестве примеров значимых российских креативных кластеров федерального, регионального и местного значения на территории Российской Федерации можно представить Центр дизайна «Artplay» в г. Москве и Технопарк «Ленполиграфмаш» в г. Санкт-Петербурге – самый крупный в стране по числу резидентов среди креативных кластеров федерального значения, Творческий индустриальный кластер «Октава» в г. Туле – по количеству проводимых мероприятий.

Центр дизайна «Artplay» – крупнейший творческий кластер, объединяющий дизайнеров, архитекторов, художников и мастеров ремесла. Здесь проводятся мастер-классы, лекции, выставки и другие мероприятия, направленные на развитие дизайна и культуры, а также поддерживаются молодые таланты. Технопарк «Ленполиграфмаш» – кластер, объединяющий высокотехнологические компании в сфере креативных индустрий, включая НИОКР и промышленный дизайн. Он интегрирует инжиниринговые центры, офисы, рестораны и другие пространства для работы и отдыха.

⁷ Атлас креативных кластеров Российской Федерации (2023). Москва: Союз профессионалов креативных кластеров, Институт развития городов «Полис». 614 с.

Творческий индустриальный кластер «Октава» создан при поддержке Государственной корпорации «Ростех», известен по количеству проводимых мероприятий и предлагает разнообразные пространства, включая коворкинг и студии звукозаписи.

Среди креативных кластеров регионального значения можно выделить «Дизайн-завод» в г. Москве и «Севкабель Порт» в г. Санкт-Петербурге. «Дизайн-завод» – креативное пространство на месте бывшего хрустального завода. Известный кластер, который стал центром для дизайнеров и творческих людей, предлагая пространство для выставок, мастер-классов и других мероприятий. «Севкабель Порт» – это общественное культурно-деловое пространство в г. Санкт-Петербурге на побережье Финского залива, включающее часть территории старейшего кабельного завода – «Севкабель»; объединяет различные творческие инициативы и предоставляет площадки для мероприятий и выставок.

Самые крупные креативные кластеры местного значения также расположены в г. Москве. Из креативных кластеров за пределами столицы можно выделить городской центр «Арт-КВАДРАТ» (г. Уфа) – крупный кластер с площадью 75000 кв. м, предлагаю-

щий разнообразные пространства для творчества, бизнеса и культурных мероприятий, и Креативно-технологический квартал «Фабрика КОРД» в г. Ярославле – кластер, который поддерживает инновационные проекты и креативные индустрии, предоставляя необходимые ресурсы и инфраструктуру для развития.

Анализ количественных характеристик кластеров и эффективности их деятельности показал, что концентрация резидентов креативных индустрий в основном коррелирует с площадью занимаемого кластером пространства (рис. 2). В свою очередь, чем больше площадь креативных кластеров, тем шире диапазон реализуемых в них креативных индустрий и выше воздействие деятельности кластера на территорию своего размещения.

На начало 2024 года в стране были созданы и действовали почти 90 креативных кластеров, основная часть которых (58,62%) сосредоточена в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. При этом на Москву и Санкт-Петербург приходится 43,6% всех функционирующих в стране креативных кластеров. В то же время в Южном, Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах действует всего 8,43% креативных кластеров⁸.

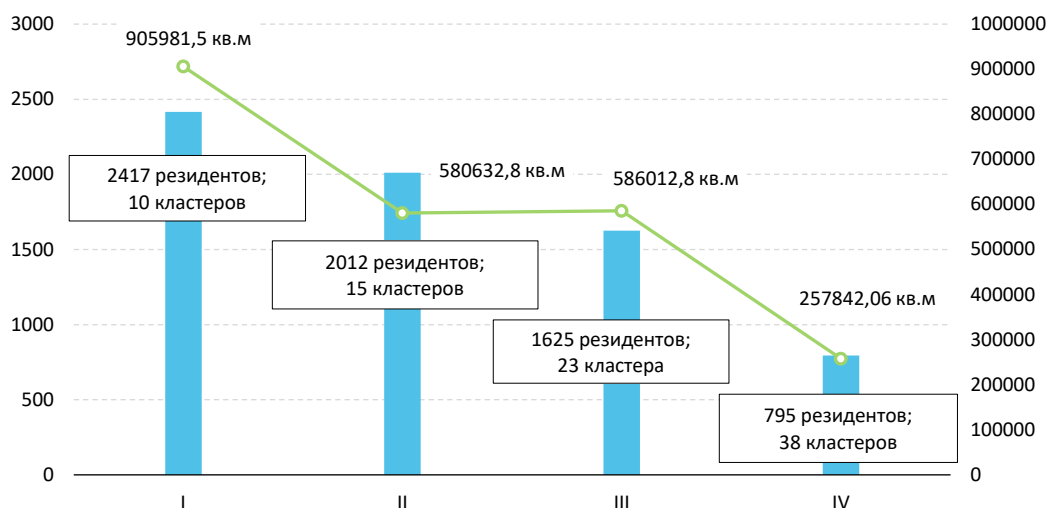

Рис. 2. Концентрация резидентов креативных индустрий в креативных кластерах

Составлено по: Атлас креативных кластеров Российской Федерации (2023). Москва: Союз профессионалов креативных кластеров, Институт развития городов «Полис». 614 с.

⁸ Атлас креативных кластеров Российской Федерации (2023). Москва: Союз профессионалов креативных кластеров, Институт развития городов «Полис». 614 с.

При рассмотрении количества креативных кластеров относительно размеров городских округов выявлено, что пространственная дифференциация креативных кластеров еще значительнее, поскольку более 65% креативных кластеров расположено в городах с населением более миллиона человек. Практически все остальные находятся в крупных городах, являющихся либо столицами регионов и федеральных округов, либо крупными промышленными центрами. Следует отметить, что локации лишь 5 креативных кластеров (5,74%) располагаются вне высокоурбанизированных ареалов, на расстоянии не более чем 150 км от них (Кириллова, Орлова, 2024).

Сделанный вывод подтверждается различной зависимостью количества действующих креативных кластеров от численности населения городов-миллионников и крупных городов с населением не более 1 млн человек. В первом случае число креативных кластеров с высокой степенью коррелирует с численностью населения (рис. 3), во втором – практически не зависит от него (рис. 4).

Результаты выполненного анализа свидетельствуют о сосредоточении креативных кластеров на высокоурбанизированных территориях с высоким качеством креативной среды, обеспечиваемым как высоким качеством человеческого капитала, так и плотностью креативных коммуникаций.

Данная ситуация объясняется более высоким качеством человеческого капитала и ресурсной обеспеченности в городах-миллионниках, что формирует более благоприятные условия для развития креативных кластеров и креативных пространств.

Можно отметить также высокую пространственную дифференциацию численности занятых в креативных индустриях. Так, в Москве и Санкт-Петербурге сконцентрировано более 40% трудящихся в сфере креативных индустрий, в то время как число жителей этих городов не превышает 15% населения страны. Сложившаяся ситуация объясняется сосредоточением в столичных городах крупных научно-исследовательских институтов, университетов, а также представителей творческого класса: ученых, художников, журналистов, писателей, артистов, художников, специалистов PR, дизайнеров и пр.

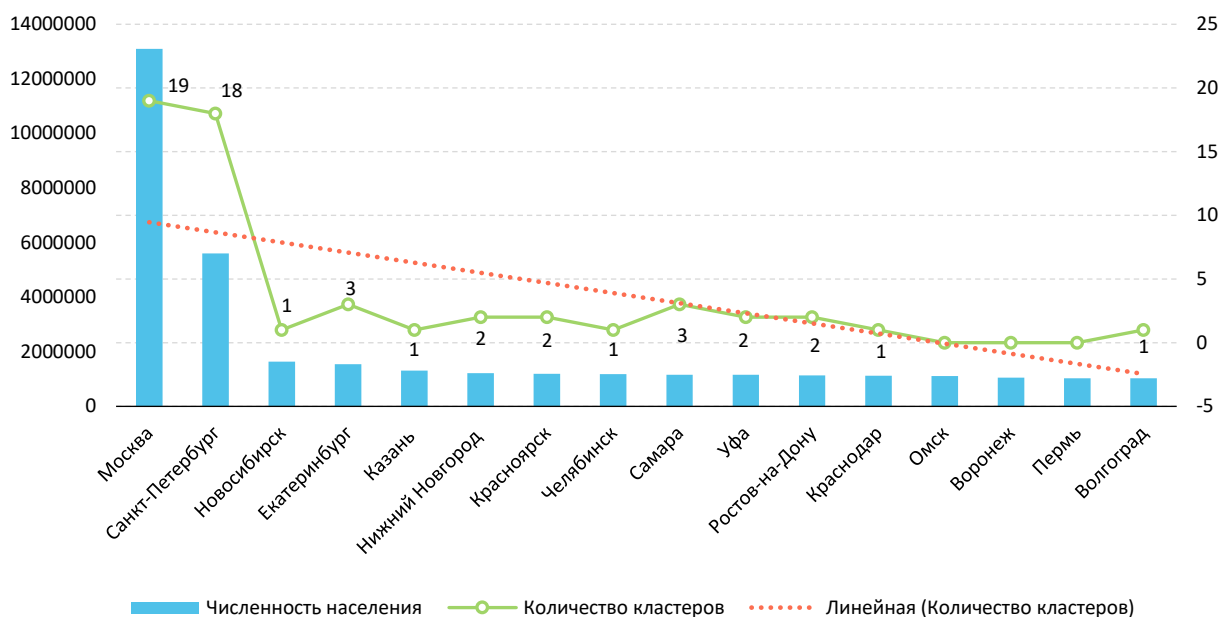

Рис. 3. Зависимость количества креативных кластеров от численности населения в городах-миллионниках РФ, млн чел., ед.

Источник: составлено авторами.

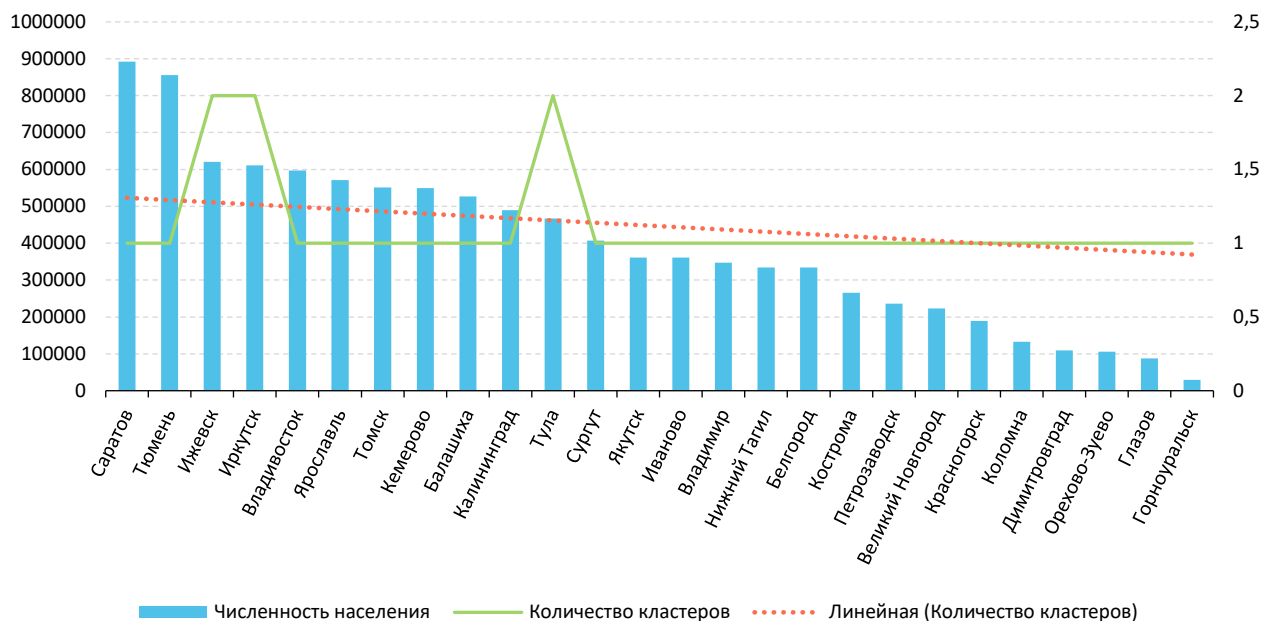

Рис. 4. Зависимость количества креативных кластеров от численности населения в небольших городах РФ, млн чел., ед.

Источник: составлено авторами.

Большие различия между территориями присутствуют и в отношении креативных специализаций, о чем свидетельствует анализ доли трудящихся в креативных индустриях в расчете на 1000 занятых в экономике. На первых местах в рейтинге индустрий креативной специализации Москвы и Санкт-Петербурга находятся цифровые и медиаиндустрии, следующие места занимают архитектура, телерадиовещание, кино и анимация. Самые высокие места в перечне приоритетных специализаций креативных индустрий городов-миллионников занимают цифровые индустрии (IT и видеоигры), прикладные (мода и архитектура), культурные (исполнительские искусства), тогда как в крупных городах лидируют прикладные креативные индустрии (мода, архитектура, ювелирное дело), в населенных пунктах, не являющихся городскими округами, – культурно-сервисные креативные индустрии (музеи, библиотеки, архивы, исполнительские искусства, художественное творчество) (Боос и др., 2024).

Выполненная оценка пространственной дифференциации креативных кластеров и влияющих на нее факторов как в части

количественных, так и пространственных характеристик, а также набора креативных специализаций в рамках поставленных задач свидетельствует о значительной зависимости креативных индустрий от преобладающих на территории видов экономической деятельности и необходимости учета данного вывода при формировании планов территориального развития.

Неодинаковые возможности регионов объективного и субъективного характера: высокое разнообразие природно-климатических условий, объем и характер природных ресурсов, различные плотность и качество (компетенции) человеческого капитала, а также неодинаковые результаты их использования, определяемые эффективностью управленческих решений в достижении значимых конечных результатов функционирования региональных экономических систем, обуславливают применение дифференцированного подхода к разработке специфицированных к особенностям того или иного региона стратегий и программ развития креативных индустрий, создания креативных кластеров.

Таблица. Типологическая матрица пространственной дифференциации креативных индустрий

Синтетическая классификация регионов РФ										
ВРП, млрд руб.	финансово-экономические центры	сырьевые экспортно ориентированные	с диверсифицированной экономикой	с опорой на обрабатывающую промышленность	с опорой на добывающую промышленность	промышленно-аграрные	аграрно-промышленные	менее развитые сырьевые	менее развитые аграрные	количество КК, ед.
Высокий (свыше 10000)	г. Москва (19) г. Санкт-Петербург (18)		Тюменская обл. (1)			Краснодарский край (1)				39
Выше среднего (1801 – 10000)	Московская обл. (4)	Ханты-Мансийский АО – Югра (1) Ямало-Ненецкий АО Республика Саха (Якутия) (1)	Республика Татарстан (1) Свердловская обл. (5) Самарская обл. (3) Ростовская обл. (2) Нижегородская обл. (2) Новосибирская обл. (1)	Красноярский край (2) Иркутская обл. (2) Челябинская обл. (1)	Республика Башкортостан (2) Кемеровская обл. (1) Пермский край (1)					29
Средний (1001 – 1800)		Сахалинская обл.		Ленинградская обл. Волгоградская обл. (1) Архангельская обл. (1)	Белгородская обл. (1) Мурманская обл.	Приморский край (1) Хабаровский край Тульская обл. (2)	Оренбургская обл. Воронежская обл. Ставропольский край Саратовская обл. (1) Вологодская обл.			7
Ниже среднего (500 – 1000)		Республика Коми Ярославская обл. (1)		Владимирская обл. (1) Омская обл. Липецкая обл.	Томская обл. (1)	Удмуртская Республика (2) Калининградская обл. (1) Калужская обл. Тверская обл.	Алтайский край Астраханская обл. Курская обл. Республика Крым Рязанская обл. Пензенская обл. Ульяновская обл. (1) Кировская обл. Брянская обл. Чувашская Республика	Амурская обл. Забайкальский край	Республика Дагестан	6

Окончание таблицы

Синтетическая классификация регионов РФ										
ВРП, млрд руб.	финансово-экономические центры	сырьевые экспортно ориентированные	с диверсифицированной экономикой	с опорой на обрабатывающую промышленность	с опорой на добывающую промышленность	промышленно-аграрные	аграрно-промышленные	менее развитые сырьевые	менее развитые аграрные	количество КК, ед.
Низкий (менее 500)			Смоленская обл.	Новгородская обл. (1)		Республика Карелия (1) Ивановская обл. (1) Камчатский край Республика Хакасия Костромская обл. (1)	Тамбовская обл. Республика Бурятия Орловская обл. Республика Мордовия Курганская обл. Республика Марий Эл Псковская обл. Республика Северная Осетия – Алания	Магаданская обл. Чукотский автономный округ	Чеченская Республика Кабардино-Балкарская Республика г. Севастополь Республика Адыгея Карачаево-Черкесская Республика Республика Калмыкия Республика Тыва Республика Алтай Республика Ингушетия Еврейская автономная обл.	4

Примечание: в скобках указано количество функционирующих креативных кластеров.

По нашему мнению, такого рода дифференцированный подход целесообразно применять на основе формирования типологической матрицы пространственной дифференциации креативных индустрий, отражающей зависимость между типами регионов Российской Федерации и уровнем их развития, а также количеством функционирующих креативных кластеров. Согласно поставленным задачам, была сформирована типологическая матрица пространственной дифференциации креативных индустрий регионов Российской Федерации с выделением 25 групп регионов, различающихся по типам и уровням развития (табл.). Типологическая матрица составлена с использованием синтетической классификации регионов Российской Федерации (Голяшев, Григорьев, 2014) и свидетельствует как о пространственной дифференциации креативных индустрий, так и о зависимости количества креативных кластеров от объема формируемого на территории ВРП.

Заключение

Креативные кластеры могут рассматриваться как эффективный инструмент для удержания, привлечения и повышения качества человеческого капитала и могут быть созданы как на высокоурбанизированных, так и на сельских территориях с целью стимулирования возрождения неблагополучных районов, их реинтеграции в экономическое пространство страны и снижения межрегиональных различий. «Появление ярких центров креативности оказывает решительное влияние на рост инноваций и высоких технологий, а также на потенциал долгосрочного экономического подъема» (Флорида, 2005).

При этом следует учесть как специфические особенности регионов, на территории которых создаются креативные кластеры, так и ключевые аспекты такой ревитализации – высокую плотность креативных коммуникаций, определяющую создание креативных кластеров либо в мегаполисах, либо на расстоянии 100–150 км от них. Для создания креативных кластеров в на-

селенных пунктах, расположенных вдали от высокоурбанизированных территорий, целесообразно задействовать потенциал цифровизации, благодаря которому «сокращение «креативного неравенства» между мегаполисами, с одной стороны, и малыми и средними городами, с другой, в дальнейшем будет способствовать снижению диспропорций во всех отраслях национальной экономики» (Боос и др., 2024).

Процесс создания и развития креативных кластеров на малонаселенных территориях более сложный, чем на высокоурбанизированных, и может иметь поэтапный характер. При наличии на территории соответствующего потенциала и создании на начальном этапе так называемого «прото-креативного кластера» он может быть впоследствии «доращен» до полноценного креативного кластера.

В городах с населением 250–500 тыс. человек и менее 50 тыс. человек ключевым драйвером креативных индустрий, как правило, выступает промышленный сектор, что определяет целесообразность создания креативных кластеров на основе его ресурсов. Небольшие и средние города, сельские населенные пункты для создания на своей территории креативных кластеров должны обладать богатым историко-культурным потенциалом, уникальными туристско-рекреационными ресурсами, хорошей экологией.

По мнению Р. Флориды, одного из основателей концепции креативной экономики, «российские города должны приобрести прочный статус городов мирового класса, чтобы привлекать квалифицированных профессионалов из-за рубежа и удержать местные таланты от соблазна найти себе более подходящий креативный климат» (Флорида, 2005, с. 9).

Полученные в рамках исследования выводы, типологическая матрица могут быть использованы органами государственной власти для принятия обоснованных решений в сфере приоритетных задач социально-экономического развития региона, повышения его устойчивости и сбалансированности.

ЛИТЕРАТУРА

- Боос В., Шарапова А., Соломатин П., Куценко Е. (2024). Креативный сектор в России демонстрирует концентрированный рост // Институт статистических исследований и экономики знаний ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html>
- Василенко Л.А., Богданова Л.В., Каримова И.Ю. (2024). Креативная экономика и креативные кластеры в развитии территории: анализ российских практик // Проблемы развития территории. Т. 28. № 1. С. 61–77. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.5
- Власкин Г.А., Ленчук Е.Б. (2010). Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 16.
- Голяшев А.В., Григорьев Л.М. (2014). Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 гг. // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>
- Жестянников С.Г. (2024). Инструменты развития муниципальных образований, расположенных вблизи крупного города // Проблемы развития территории. Т. 28. № 3. С. 29–49. DOI: 10.15838/ptd.2024.3.131.3
- Кириллова С.А., Орлова Д.С. (2024). Креативные кластеры как новый ресурс инновационного развития территорий // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 3 (177). С. 27–35. DOI: 10.34773/EU.2024.3.5
- Коргожа Н.С. (2018). Креативные индустрии как фактор развития городской культурной среды // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. Т. 216. С. 79–84.
- Лазарева О.В. (2017). Культурные индустрии: два аспекта понимания // Обсерватория культуры. Т. 14. № 6. С. 670–676. DOI: 10.25281/207231562017146670676
- Новосельская В.В. (2017). Креативные индустрии в инновационном развитии территорий: особенности функционирования // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. № 4 (78). С. 164–174.
- Сапрыкина А.Н. (2014). Кластеры в сфере культуры: необходимость формирования и особенности создания // Вопросы управления. № 2 (27). С. 152–156.
- Токарев И., Журавлева Т., Ярмошук Я. (2019). Сносить нельзя ревитализировать. Практическое руководство по созданию креативного кластера. Москва: Агентство развития регионов, Флакон Икс. С. 7.
- Ускова Т.В., Патракова С.С. (2024). Сбалансированность регионального экономического пространства по линии «город – село» // Проблемы прогнозирования. № 1 (202). С. 196–207. DOI: 10.47711/0868-6351-202-196-207
- Федотова Н. (2013). Креативный кластер в контексте социокультурных проблем региона // Социокультурное пространство современной России: вызовы XXI века: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (30 апреля 2013 г.). Москва: Либроком. С. 59–68.
- Флорида Р. (2005). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: Классика XXI. 432 с.
- Хакимова Е.Р. (2014). Креативный кластер как элемент креативной экономики // Актуальные проблемы экономики и управления на предприятиях машиностроения, нефтяной и газовой промышленности в условиях инновационно-ориентированной экономики. Т. 1. С. 418–423.
- De Propriis L., Chapain C., Cooke P., Macneill S., Mateos-Garcia J. (2009). *The Geography and Creativity*. NESTA, UK.
- Evans S. (2015). Growing a city creative economy with creative clusters. In: *Seminário Internacional Clusters Criativos Anais / Seminário Internacional Clusters Criativos: Refl Exões e Inspirações; Curadoria de Ana Carla Fonseca*. São Paulo: Sesc; Fecomercio SP. Available at: <https://garimpodesolucoes.com.br/wp-content/uploads/2015/09/Creative-Clusters.pdf>
- Florida R. (2004). *Cities and the Creative Class (1st ed.)*. Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203997673>

- Fung A.Y., Erni J.N. (2013). Cultural clusters and cultural industries in China. *Inter-Asia Cultural Studies*, 14, 644–656.
- Loots E., Betzler D., Bille T., Borowiecki K., Lee B. (2022). New forms of finance and funding in the cultural and creative industries. Introduction to the special issue. *Journal of Cultural Economics*, 46, 1–26. DOI: 10.1007/s10824-022-09450-x
- Porter M. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: The Free Press, 1990. 855 p. (With a New Introduction. Palgrave Tenth Edition, 1998).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Светлана Александровна Кириллова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: kirillova_sa@mail.ru)

Дарья Сергеевна Орлова – научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: chernukha.darja@yandex.ru)

Kirillova S.A., Orlova D.S.

REDUCING THE SPATIAL DIFFERENTIATION OF CREATIVE INDUSTRIES AS A WAY TO REDUCE INTERREGIONAL DISPARITIES

The article analyzes the opportunities for the development of creative clusters as one of the promising directions of economic diversification in small and medium-sized cities of the Russian Federation and rural settlements. The relevance of the study is evidenced by the lack of a clear understanding of the way to solve the problem of forming the conditions necessary for the development of creative clusters both in highly urbanized areas and in small settlements to reduce the negative consequences of the differentiation of territories in terms of standard of living and quality of life in the previous thirty years. The aim of the study is to analyze the situation in this area and determine the conditions necessary for the establishment of an extensive network of creative clusters in the country on the territories of different hierarchical levels. To achieve the goal, we solved the following tasks: we determined specific features of the creative cluster, assessed the spatial differentiation of creative clusters, taking into account quantitative and spatial characteristics; identified the conditions necessary to create a creative product and bring it to the market, and formed a typological matrix of spatial differentiation of creative industries in the regions of the Russian Federation as a basis for working out of strategic documents for their development. The following most important scientific results, which determine its scientific novelty and significance, have been obtained within the framework of the work: 1) it has been established that the spatial differentiation of creative clusters is expressed, in particular, in their maximum concentration in Moscow and Saint Petersburg and their minimum concentration in the Southern, Far Eastern and North Caucasus federal districts; 2) a list of conditions for the creation of creative clusters has been determined; 3) a typological matrix of spatial differentiation of creative industries has been formed with the allocation of 25 groups of regions of the Russian Federation, allowing to elaborate strategic documents for the development of creative industries, specific to the peculiarities of this or that group of regions. The obtained conclusions can be used by public authorities to make informed decisions in the sphere of priority tasks of socio-economic development of the region, increasing its sustainability and balance.

Creative industries, creative industries, creative economy, creative clusters, creative spaces, competitiveness of territories, human capital, spatial differentiation of creative clusters, urbanized territories.

REFERENCES

- Boos V., Sharapova A., Solomatin P., Kutsenko E. (2024). Creative sector in Russia demonstrates concentrated growth. *Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy VShE*. Available at: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (in Russian).
- De Propris L., Chapain C., Cooke P., Macneill S., Mateos-Garcia J. (2009). *The Geography and Creativity*. NESTA, UK.
- Evans S. (2015). Growing a city creative economy with creative clusters. In: *Seminário Internacional Clusters Criativos Anais / Seminário Internacional Clusters Criativos: Refl Exões e Inspirações; Curadoria de Ana Carla Fonseca*. São Paulo: Sesc; Fecomercio SP. Available at: <https://garimposedsolucoes.com.br/wp-content/uploads/2015/09/Creative-Clusters.pdf>
- Fedotova N. (2013). Creative cluster in the context of socio-cultural problems of the region. In: *Sotsiokul'turnoe prostranstvo sovremennoi Rossii: vyzovy XXI veka: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. (30 aprelya 2013 g.)* [Socio-Cultural Space of Modern Russia: Challenges of the 21st Century: Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference (April 30, 2013)]. Moscow: Librokom (in Russian).
- Florida R. (2004). *Cities and the Creative Class (1st ed.)*. Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203997673>
- Florida R. (2005). *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative Class: People Who Change the Future]. Moscow: Klassika XXI.
- Fung A.Y., Erni J.N. (2013). Cultural clusters and cultural industries in China. *Inter-Asia Cultural Studies*, 14, 644–656.
- Golyashev A.V., Grigor'ev L.M. (2014). *Tipy rossiiskikh regionov: ustoichivost' i sdvigi v 2003–2013 gg.* [Types of Russian Regions: Stability and Shifts in 2003–2013]. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Available at: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf> (in Russian).
- Khakimova E.R. (2014). Creative cluster as an element of creative economy. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya na predpriyatiyakh mashinostroeniya, neftyanoi i gazovoi promyshlennosti v usloviyakh innovatsionno-orientirovannoi ekonomiki*, 1, 418–423 (in Russian).
- Kirillova S.A., Orlova D.S. (2024). Creative clusters as a new resource for innovative development of territories. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, 3(177), 27–35. DOI: 10.34773/EU.2024.3.5 (in Russian).
- Korgozha N.S. (2018). Creative industries as a factor in the development of the urban cultural environment. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gos. in-ta kul'tury*, 216, 79–84 (in Russian).
- Lazareva O.V. (2017). Cultural industries: Two aspects of comprehension. *Observatoriya kul'tury=Observatory of Culture*, 14(6), 670–676. DOI: 10.25281/207231562017146670676 (in Russian).
- Loots E., Betzler D., Bille T., Borowiecki K., Lee B. (2022). New forms of finance and funding in the cultural and creative industries. Introduction to the special issue. *Journal of Cultural Economics*, 46, 1–26. DOI: 10.1007/s10824-022-09450-x
- Novoselskaya V.V. (2017). Creative industries in innovative development of territories: Features of functioning. *Vestnik Moskovskogo gos. un-ta kul'tury i iskusstv*, 4(78), 164–174 (in Russian).
- Porter M. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: The Free Press (with a New Introduction. Palgrave Tenth Edition, 1998).
- Saprykina A.N. (2014). Clusters in culture: The need for the formation and characteristics of creation. *Voprosy upravleniya*, 2(27), 152–156 (in Russian).
- Tokarev I., Zhuravleva T., Yarmoshchuk Ya. (2019). *Snosit' nel'zya revitalizirovat'. Prakticheskoe rukovodstvo po sozdaniyu kreativnogo klastera* [Demolition Cannot Be Revitalized. A Practical Guide to Creating a Creative Cluster]. Moscow: Agentstvo razvitiya regionov, Flakon Iks.

- Uskova T.V., Patrakova S.S. (2024). Urban-rural balance of the regional economic space. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1(202), 196–207. DOI: 10.47711/0868-6351-202-196-207 (in Russian)
- Vasilenko L.A., Bogdanova L.V., Karimova I.Yu. (2024). Creative economy and creative clusters in territorial development: Analysis of Russian practices. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 28(1), 61–77. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.5 (in Russian).
- Vlaskin G.A., Lenchuk E.B. (2010). Cluster approach in the strategy of innovative development of foreign countries. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5, 16 (in Russian).
- Zhestyannikov S.G. (2024). Tools for the development of municipalities located near a large city. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 28(3), 29–49. DOI: 10.15838/ptd.2024.3.131.3 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana A. Kirillova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Research, UFRC RAS (71, Oktabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: kirillova_sa@mail.ru)

Dar'ya S. Orlova – Researcher, Institute of Socio-Economic Research, UFRC RAS (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: chernukha.darja@yandex.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.4

УДК 338.23 | ББК 65.05

© Сорокина Е.А.

ДИАГНОСТИКА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ РФ КЛЮЧЕВЫМИ ВИДАМИ РЕСУРСОВ В ПОВЫШЕНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СОРОКИНА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: sorokinaea@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7142-9328; ResearcherID: G-7317-2018

Возрастание экономико-политической напряженности – устойчивый тренд, сопровождающий региональное развитие, актуализирует необходимость поиска и создания новых возможностей для ресурсного обеспечения субъектов РФ. Такая обстановка в сочетании с усугубляющейся социально-экономической дифференциацией регионов требует решения вопроса, касающегося диагностики их ресурсной обеспеченности и повышения инвестиционной привлекательности. Условия ресурсной ограниченности обусловили авторский интерес, который выразился в постановке цели, связанной с разработкой методик для оценки ресурсной обеспеченности субъектов РФ как базового условия повышения их инвестиционной привлекательности. Применение такой методики может конкретизировать ресурсные возможности и резервы, аккумуляция и перераспределение которых напрямую влияют на объем инвестиций. Научная новизна исследования заключается в том, что предложенная методика отличается учетом динамических характеристик ресурсного потенциала, включает мониторинг ресурсной обеспеченности в разрезе ключевых видов ресурсов, напрямую взаимосвязана с показателями инвестиционной активности. Теоретико-методическую основу исследования составили труды в области инвестиционного развития промышленности регионов и реализации ресурсного потенциала. В ходе работы применялись методы расчета интегральных показателей, отражающих обеспечение региона ключевыми видами ресурсов; методы индикативной диагностики принадлежности региона к определенному типу ресурсной обеспеченности; авторская типология регионов, опирающаяся

Для цитирования: Сорокина Е.А. (2024). Диагностика обеспеченности субъектов РФ ключевыми видами ресурсов в повышении инвестиционной привлекательности // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 39–50. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.4

For citation: Sorokina E.A. (2024). Diagnosing the provision of RF constituent entities with key types of resources in increasing investment attractiveness. *Problems of Territory's Development*, 28(6). 39–50. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.4

на шкалу значений соответствующих интегральных показателей. Апробация авторской методики позволила определить ресурсоизбыточные, ресурсодостаточные и ресурсодефицитные регионы РФ в разрезе ключевых видов ресурсов (финансовых, трудовых, природных, информационных, инфраструктурных). Результаты проведенного исследования представляют интерес для профильных органов власти федерального и регионального уровня в части корректировки и разработки приоритетов и стратегических ориентиров инвестиционного развития регионов РФ, перераспределения ресурсов, повышения конкурентоспособности.

Ресурсная обеспеченность, инвестиционная привлекательность региона, дефицит ресурсов, дотационность, ресурсопотребление, социально-экономическая дифференциация, границы инвестиционного пространства.

Введение

Тенденции последних лет, обусловленные шоковыми воздействиями в виде пандемии, экономических санкций, кризисных явлений и пр., предопределили формирование целого пула научных исследований, связанных с разработкой инструментальных приемов и поиском методических конструкций (Урасова, 2020), позволяющих оценивать ресурсные возможности регионов РФ, их инвестиционную привлекательность (Сухих, Урасова, 2020). Необходимость создания новых источников ресурсного обеспечения, реализации сложившихся резервов и потенциалов требует корректировки текущих и разработки новых мер государственного регулирования, задающих границы инвестиционного пространства, определяющих координаты для реализации ресурсных возможностей (Татаркин, 2016). При этом нужно отметить сложность постановки вопроса, сопряженной с целым рядом факторов: существенная дифференциация регионов РФ, которая касается не только социально-экономического уровня развития, но и наличия разного рода ресурсов (Копуш, 2024); значительная дотационность большей части регионов, предопределившая дефицит разных видов ресурсов; действие национального приоритета наращивания объема инвестиций, числа инвестиционных проектов и пр.; общая тенденция возрастания уровня дефицита ресурсов, снижающая

инвестиционную привлекательность субъектов РФ (Сорокина, 2021).

Безусловно, современные тренды инвестиционного развития РФ напрямую связаны с уровнем экономического развития отдельных регионов, динамикой дифференциации (Салимоненко и др.) как индикатором инвестиционной привлекательности субъекта РФ. В таком контексте в научном поле сложилось достаточное число подходов и концепций, в рамках которых авторы стремились разработать механизмы и инструменты организации и активизации взаимодействия регионов в целях повышения инвестиционной привлекательности. Так, отдельные исследования раскрывают сущность и характерные особенности ресурсодефицитных регионов (Сорокина, Прохоров, 2012; Петров, 2016; Петров, 2017; Ма и др., 2019 и др.). Различные аспекты активизации инвестиционной деятельности ресурсодефицитных регионов раскрыты в трудах О.Н. Ананьевой¹ и А.В. Лебедева².

Ряд авторов, раскрывая содержание и состав экономических ресурсов регионов, обозначают комплекс материальных и нематериальных факторов и средств, направленных на региональное производство, как ключевой индикатор обеспеченности ресурсами (Кисуркин и др., 2010; Никифоров и др., 2010). В других исследованиях предлагаются ресурсные модели для регионов,

¹ Ананьева О.Н. (2010). Стратегическое управление экономическим развитием ресурсодефицитного региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Чебоксары. 24 с.

² Лебедев А.В. (2011). Развитие региональной инвестиционной подсистемы на основе трансформации сбережений в инвестиции: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Чебоксары. 182 с.

содержащие технологические параметры, коррективкой которых влияет на процессы ресурсопотребления (Fabbri et al., 2020). Таким образом, при диагностике ресурсного обеспечения регионов необходимыми представляются учет всей совокупности имеющихся ресурсов и дифференцированная оценка их реализации.

Встречаются научно обоснованные мнения, связанные с приоритетом институциональных условий, под действием которых трансформируются ключевые социально-экономические тренды и происходит перераспределение ресурсов (Саблин, 2020).

Предлагаются и различные модели диагностики ресурсной обеспеченности, базирующиеся на тезисе о необходимости управленческого воздействия на принципы и методы реализации ресурсного потенциала (Рогова, 2018). Отдельные модели основаны на методах оптимизации в приложении к факторам обеспечения экономической безопасности. В частности, обосновывается «коэффициент ресурсности» как индикатор уровня экономической безопасности региона (Суходоев, Одинокова, 2023). Необходимо отметить методики, связанные с нейросетевым моделированием и факторным анализом технологии, позволяющие производить анализ в сжатые сроки (Александров, 2023). Особенно выделяются методики, базирующиеся на кластерном анализе (Jain et al., 2022), каскадном анализе (Chin et al., 2021).

Таким образом, конкурентная модель, в том числе применительно к ресурсному обеспечению, сохраняет свое ведущее место в межрегиональном развитии, особенно в контексте промышленного развития (Baldassarre et al., 2019; Ahmed et al., 2021). В результате перед регионами встают две задачи: борьба за вновь возникающие ресурсы (трудовые, финансовые, в том числе бюджетные) и эффективная реализация имеющегося потенциала (Примаков, 2018). От их решения напрямую зависит уровень инвестиционной привлекательности региона.

Резюмируя, отметим, что не вызывает сомнений актуальность выбранной исследова-

тельской задачи, сосредоточенной в границах проблемного поля «ресурсообеспеченность – инвестиционная привлекательность», которая в совокупности тенденций, факторов и условий предопределила авторский интерес к развитию регионов РФ, оценке уровня их обеспеченности ключевыми видами ресурсов.

Материалы и методы исследования

В рамках работы считаем целесообразным рассматривать следующие группы ресурсов: финансовые, трудовые, природные, информационные, инфраструктурные (табл. 1).

Составные показатели в стоимостном выражении были предварительно скорректированы на уровень инфляции. Вся совокупность показателей при этом нормируется по максимуму. Интегральный показатель по каждому виду ресурсов рассчитывается как суммарное среднее нормированных показателей. Границы рассчитанных интегральных показателей находятся в промежутке [0; 1], где «0» соответствует крайне низкой обеспеченности ресурсами, а «1» – высокой.

Сформированные интегральные показатели обеспеченности региона ключевыми видами ресурсов обладают следующими преимуществами:

- информационная база исследования включает 20 статистических показателей, регулярно наблюдаемых в системе Росстата; задействованные в качестве базы статистические показатели (официальные данные Росстата) воспроизводят общую картину обеспеченности региона отдельным видом ресурсов; данный подход позволяет использовать интегральные индексы как самостоятельный аналитический инструмент; спектр отобранных 20 показателей обеспечивает комплексность итоговой оценки по отношению к погрешностям, обусловленным отдельными показателями;
- в качестве референтной группы для сравнительной оценки ресурсодефицитности задействованы 14 субъектов Приволжского федерального округа.

Таблица 1. Расчет интегральных показателей обеспеченности региона ключевыми видами ресурсов

Вид	Состав показателей (сформирован на основе данных Росстата)	Агрегированный показатель	Формула расчета
Финансовые	Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на одного жителя, тыс. руб. Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на одного жителя, тыс. руб. Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ на одного жителя, тыс. руб. Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб. Оборот организаций на одного жителя, тыс. руб. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций на одного жителя, тыс. руб. Удельный вес убыточных организаций, %	Интегральный индекс обеспеченности финансовыми ресурсами (I_{fr})	$I_{fr} = \frac{\sum_{i=1}^n fr_k^{норм}}{n},$ <p>где: n – количество показателей, участвующих в оценке (сравниваемые регионы); $fr_k^{норм}$ – нормализованное (балльное) значение показателя по региону k</p>
Трудовые	Численность рабочей силы, тыс. чел. Доля трудоспособного населения в общей численности населения, % Уровень занятости, % Доля занятого населения с высшим образованием, %	Интегральный индекс обеспеченности трудовыми ресурсами (I_{tr})	$I_{tr} = \frac{\sum_{i=1}^n tr_k^{норм}}{n},$ <p>где: n – количество показателей, участвующих в оценке (сравниваемые регионы); $tr_k^{норм}$ – нормализованное (балльное) значение показателя по региону</p>
Природные	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» на одного жителя, тыс. руб. Земельная площадь сельскохозяйственных угодий на одного жителя, га Общий запас древесины на одного жителя, тыс. куб. м	Интегральный индекс обеспеченности природными ресурсами (I_{pr})	$I_{pr} = \frac{\sum_{i=1}^n pr_k^{норм}}{n},$ <p>где: n – количество показателей, участвующих в оценке (сравниваемые регионы); $pr_k^{норм}$ – нормализованное (балльное) значение показателя по региону</p>
Информационные	Затраты на внедрение и использование цифровых технологий на одного жителя, тыс. руб. Использование организациями широкополосного доступа к сети Интернет, % Использование сети Интернет населением, %	Интегральный индекс обеспеченности информационными ресурсами (I_{inr})	$I_{inr} = \frac{\sum_{i=1}^n inr_k^{норм}}{n},$ <p>где: n – количество показателей, участвующих в оценке (сравниваемые регионы); $inr_k^{норм}$ – нормализованное (балльное) значение показателя по региону</p>
Инфраструктурные	Стоимость основных фондов на конец года по полной учетной стоимости по полному кругу организаций на одного жителя, тыс. руб. Ввод в действие основных фондов за год по полному кругу организаций на одного жителя, тыс. руб. Степень износа основных фондов на конец года, %	Интегральный индекс обеспеченности инфраструктурными ресурсами (I_{ir})	$I_{ir} = \frac{\sum_{i=1}^n ir_k^{норм}}{n},$ <p>где: n – количество показателей, участвующих в оценке (сравниваемые регионы); $ir_k^{норм}$ – нормализованное (балльное) значение показателя по региону</p>

Составлено по: https://science.usue.ru/images/docs/download/sorokina/disser_Sorokina.pdf

Исходя из этого предложены следующие интервалы значений показателя:

– низкий уровень обеспеченности (0,00–0,30) – регион обеспечен ключевыми видами ресурсов менее чем на 30%, в ряде случаев, когда значение не превышает 10%, можно говорить о критическом уровне обеспеченности (РДФ – ресурсодефицитность);

– средний уровень (0,31–0,60) – регион обеспечен ресурсами, что дает основание в ряде случаев (более 50%) говорить о возможностях перераспределения как внутри региона, так и в масштабах межрегионального взаимодействия (РДР – ресурсодостаточность);

– высокий уровень (0,61–1,00) – регион обеспечен ключевыми видами ресурсов, любые виды дефицита носят фрагментарный характер и обусловлены воздействием негативных факторов среды (РИР – ресурсоизбыточность).

В рамках данной работы произведена диагностика обеспеченности субъектов Приволжского федерального округа ключевыми видами ресурсов за период 2016–2023 гг.

Таким образом, реализуется последовательность действий:

1) отбор статистических показателей в разрезе регионов Приволжского федерального округа за период 2016–2023 гг.;

2) нормирование показателей и расчет интегральных показателей в разрезе основных видов ресурсов;

3) диагностика ресурсодефицитности регионов исходя из анализа полученных результатов;

4) интерпретация полученных данных в сопряжении с основными индикаторами инвестиционного развития субъектов РФ.

Последовательная реализация обозначенных аналитических процедур дает возможность диагностировать уровень ресурсообеспеченности региона в разрезе основных видов ресурсов, соотнести сложившуюся ситуацию с показателями инвестиционной активности в регионе, что в совокупности позволит определить горизонт инвестиционных возможностей регионов.

Результаты исследования

Исходя из отобранных статистических данных по субъектам Приволжского федерального округа были рассчитаны интегральные показатели в разрезе ключевых групп ресурсов, которые в соответствии с обозначенными границами интервалов определили принадлежность регионов к одной из групп: ресурсодефицитной, ресурсодостаточной, ресурсоизбыточной.

Ресурсодефицитные регионы – это субъекты РФ, в которых длительный период (более 5 лет) наблюдается отрицательная или незначительная динамика ключевых статистических показателей, включенных в выборку. При этом общий уровень данных показателей ниже среднероссийского.

Ресурсодостаточный регион характеризуется относительно высокими и устойчивыми показателями, включенными в выборку, сопряженную с положительной динамикой их значений.

В ресурсоизбыточном регионе можно наблюдать высокие показатели, составляющие основу той или иной группы ресурсов, а также существенную положительную динамику значений этих показателей.

Проанализируем результаты расчетов по регионам Приволжского федерального округа (табл. 2).

Исходя из результатов оценки ресурсной обеспеченности регионов Приволжского федерального округа за период 2016–2023 гг., можно говорить о нескольких группах регионов.

1. Регионы ресурсодефицитные – это субъекты РФ, в которых почти во всех группах ключевых ресурсов наблюдается дефицит. Например, в республиках Чувашии и Мордовии достаточное количество ресурсов зафиксировано только в группе «трудовые ресурсы». Это связано прежде всего с достаточным числом образовательных учреждений среднего профессионального и высшего образования на территории данных регионов. Такую ситуацию можно назвать регулируемой, поскольку оборот трудовых ресурсов во многом зависит от институциональных

Таблица 2. Результаты диагностики обеспеченности субъектов Приволжского федерального округа ключевыми видами ресурсов

Регион	Финансовые ресурсы	Трудовые ресурсы	Природные ресурсы	Информационные ресурсы	Инфраструктурные ресурсы
Республика Башкортостан	РДФ	РДР	РДР	РДР	РДР
Республика Марий Эл	РДФ	РДФ	РДФ	РДФ	РДФ
Республика Мордовия	РДФ	РДР	РДФ	РДФ	РДФ
Республика Татарстан	РДР	РИР	РДР	РДР	РДР
Удмуртская Республика	РДФ	РДФ	РДР	РДР	РДФ
Чувашская Республика	РДФ	РДР	РДФ	РДФ	РДФ
Пермский край	РДР	РДФ	РДР	РДР	РДР
Кировская область	РДФ	РДФ	РДР	РДФ	РДФ
Нижегородская область	РДР	РДР	РДР	РДР	РДР
Оренбургская область	РДР	РДР	РДР	РИР	РДФ
Пензенская область	РДФ	РДР	РДР	РДФ	РДФ
Самарская область	РДР	РИР	РДР	РДР	РДР
Саратовская область	РДФ	РДР	РДР	РДФ	РДФ
Ульяновская область	РДФ	РДФ	РДР	РДФ	РДФ

Составлено по: данные Росстата.

и административных изменений. Другая картина наблюдается в Ульяновской области, где дефицит связан с природными ресурсами. Действия органов регионального управления нацелены на возмещение части ресурсов или замещение их на альтернативные виды производственной деятельности, не связанные с природным сырьем. Отметим также тотальный дефицит ресурсов в Республике Марий Эл.

2. Регионы ресурсодостаточные – это субъекты РФ, в которых по всем видам ресурсов имеется достаточный резерв (Республика Башкортостан, Пермский край, Нижегородская область, Саратовская область), а по отдельным группам может наблюдаться избыток (например, Республика Татарстан и Самарская область перенасыщены трудовыми ресурсами, Оренбургская область – информационными ресурсами).

3. Субъекты РФ, находящиеся в зоне риска, связанного с недостаточным обеспечением ресурсами некоторых групп, что может привести к существенной деформации сложившихся региональных рынков. Так, в Пензенской и Саратовской областях существует риск недофинансирования в отдельных направлениях развития, что может вы-

разиться в сложностях формирования необходимой инфраструктуры (в том числе информационной). В Удмуртской Республике существует угроза дефицита кадров при сохранении текущего тренда реализации имеющихся ресурсов.

Вместе с тем субъекты Приволжского федерального округа наиболее обеспечены ресурсами из групп «природные ресурсы» и «трудовые ресурсы». Наибольший дефицит сложился в группах «финансовые ресурсы» и «инфраструктурные ресурсы». Исходя из сущности каждого вида ресурсов, можно заключить, что в большинстве регионов должным образом не проработаны стратегии реализации природных ресурсов, а рынок труда либо не соответствует образовательному профилю региона, либо складывается крайне высокий уровень безработицы.

В таком контексте нельзя не обратиться к показателям инвестиционного развития, которые формируют представление об инвестиционной активности в Приволжском федеральном округе. Наиболее высокая интенсивность инвестиций на душу населения наблюдается в ресурсодостаточных регионах (Республика Татарстан, Нижегородская область, Пермский край; *рис. 1*).

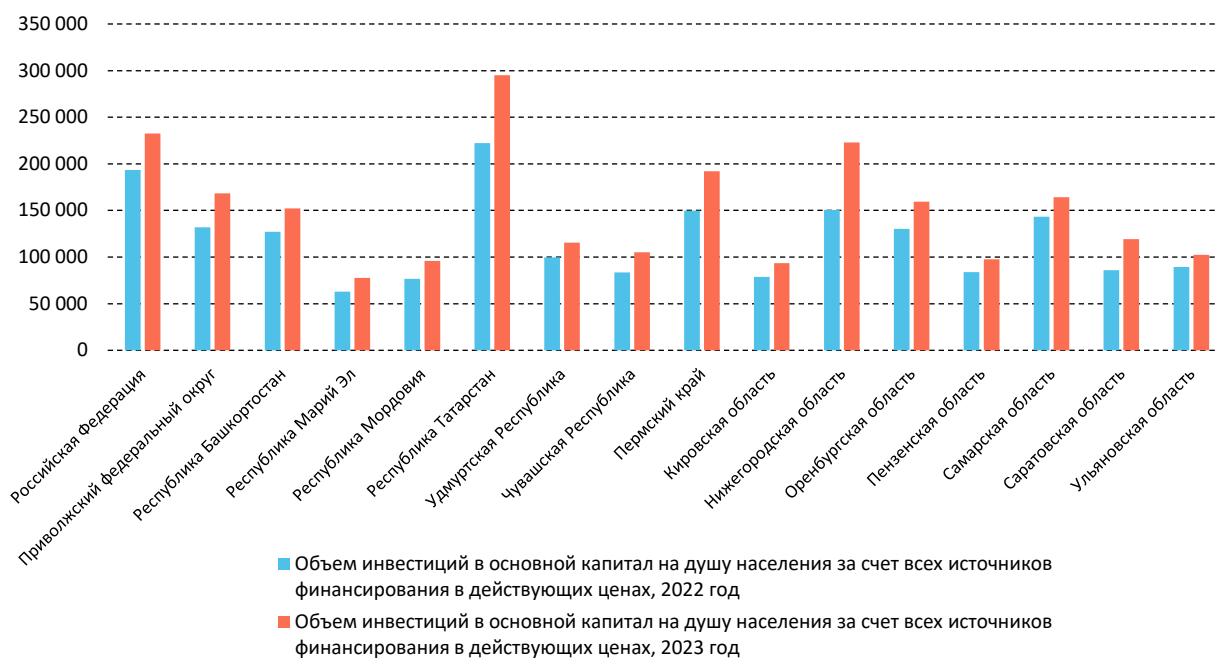

Рис. 1. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения за счет всех источников финансирования в действующих ценах, млн руб. на душу населения

Составлено по: <https://uiec.ru/3d-flip-book/%d0%b1%d1%8e%d0%bb%d0%bb%d0%b5%d1%82%d0%b5%d0%bd%d1%8c-%d0%bf%d1%84%d0%be-2023>

Соответственно, наименьшие показатели относятся к Республике Марий Эл, что, несмотря на некоторую положительную динамику, в целом является следствием низкой ресурсной обеспеченности.

Регионы, стремясь к наиболее эффективной реализации имеющегося потенциала, придерживаясь различных стратегий, демонстрируют достаточно разнонаправленные тенденции, связанные с динамикой темпов роста инвестиций в основной капитал и индекса выпуска продукции:

- тенденция опережающей динамики инвестиционной активности в ресурсодостаточных регионах (Нижегородская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Оренбургская область, Пермский край), обусловленная высокой инвестиционной привлекательностью данных субъектов (рис. 2);

- тенденция опережающей динамики инвестиционной активности в ресурсодефицитных регионах (Республика Мордовия, Республика Марий Эл), что связано с участием главным образом государственных инвестиций;

- тенденция опережающей динамики выпуска продукции в ресурсодостаточных регионах (Самарская область), вызванная приоритетным инвестированием в реальный сектор экономики;

- тенденция опережающей динамики выпуска продукции в ресурсодефицитных регионах (Кировская область, Ульяновская область, Чувашская Республика), свидетельствующая о неэффективности инвестирования в целом.

Таким образом, можно говорить о нескольких факторах дифференциации регионов РФ по уровню ресурсной обеспеченности:

- целевой характер региональных инвестиций, когда регионы определяют отрасли и объекты инвестирования;

- приоритет инвестиций федерального уровня, направляемых на активизацию и развитие отдельных секторов;

- активизация развития реального сектора экономики (машиностроение, ОПК, металлургия и пр.);

- низкая эффективность региональных инвестиций, обусловленная некорректными приоритетами в развитии субъекта РФ.

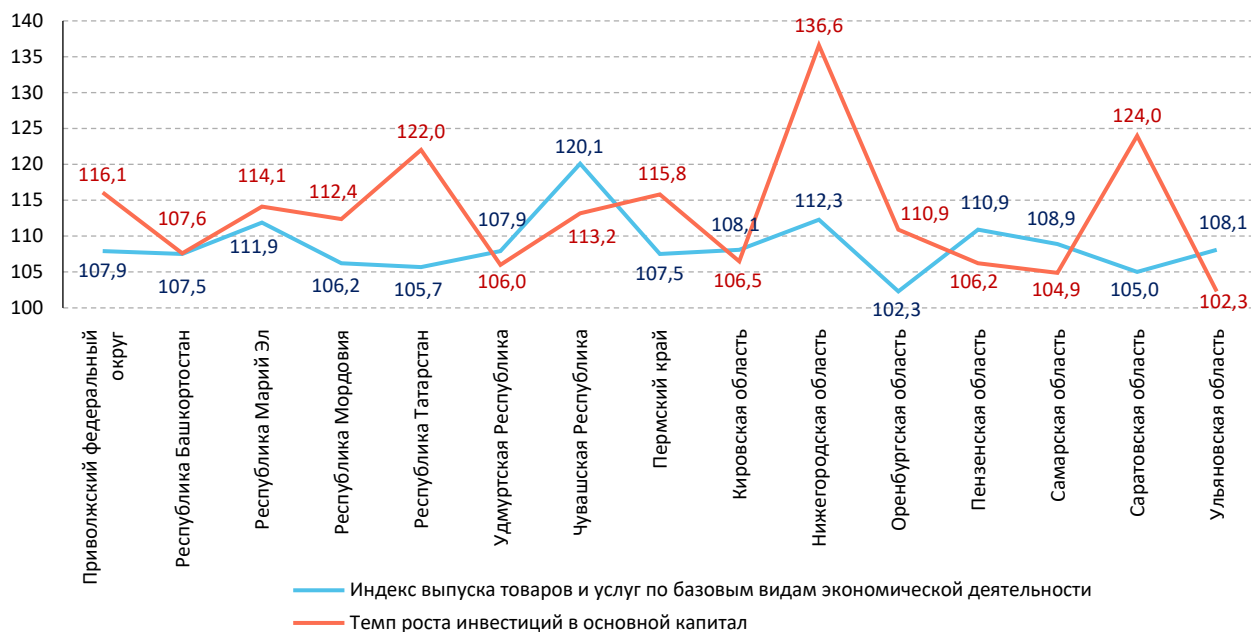

Рис. 2. Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности; темп роста инвестиций в основной капитал, отношение значений 2023 год к 2022 году, %
Составлено по: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

В связи со сказанным выше становится значимым тезис о том, что объем инвестиций определяется уровнем ресурсной обеспеченности, отраслевой структурой региональной экономики регионов. Соответственно, субъект РФ как комплекс экономико-отраслевых характеристик формирует собственные приоритетные положения инвестиционной политики, учитывающие и нивелирующие проблемные сферы (например, низкая предпринимательская активность, отсутствие промышленной инфраструктуры, миграция трудовых ресурсов и пр.). Как программный документ инвестиционная политика должна носить системный характер, включать комплекс инструментов и механизмов, которые также соответствуют экономическому профилю регионов.

В последние годы можно наблюдать рост объемов инвестиций во всех регионах РФ, что во многом обусловлено проведением специальной военной операции и продолжающейся политикой импортозамещения. Соответственно, немаловажной становится инициатива региональных органов исполнительной власти, которая в совокупности

с необходимыми компетенциями способна привести к высокой эффективности инвестиционных проектов.

Картина, сложившаяся в Приволжском федеральном округе, свидетельствует, что большая часть регионов Российской Федерации отличается достаточно низкими показателями ресурсной обеспеченности и инвестиционной привлекательности. Эти проблемы требуют системного решения, которое возможно только на федеральном уровне. С другой стороны, у регионов имеется полная свобода в вопросах выбора методов и механизмов для повышения ресурсной обеспеченности, поиска дополнительных инвестиционных возможностей.

Заключение

Исследование демонстрирует методическую возможность мониторинга ресурсной обеспеченности регионов РФ, сопряженную с тенденциями инвестиционной активности, взаимосвязь которых позволяет рассуждать о возможности регулировать реализацию ресурсного потенциала регионов посредством выработки приоритетов и стратегических ориентиров.

Современному ресурсному развитию субъектов РФ присущ инвестиционный динамизм, имеющий разнонаправленный характер и в ряде случаев сталкивающийся с инерционным характером деятельности органов региональной исполнительной власти, которым сложно оперативно адаптироваться к новым экономико-политическим условиям. Это требует нахождения соответствующих инструментов и приемов реализации инвестиционной политики, связанных с применением новых методов анализа и мониторинга, что предполагает необходимость получения соответствующих компетенций, корректировки сложившихся приоритетов региональной инвестиционной политики и разработки соответствующих механизмов управления.

При такой постановке вопроса предложенная последовательность аналитических процедур по оценке ресурсной обеспеченности регионов РФ, учитывающая ключевые группы ресурсов, широкий круг

исходных показателей, взаимосвязь с инвестиционными возможностями, может быть использована в системе государственного программирования в части разработки ключевых стратегических ориентиров инвестиционного развития, обеспечивающих условия долгосрочной конкурентоспособности субъектов РФ.

Представленная работа с позиции возможностей практического применения может выступать частью программного документа профильного ведомства в рамках корректировки и разработки отраслевых программ. Кроме того, для исполнительных органов государственной власти предложенная последовательность аналитических процедур может стать инструментом диагностики ресурсной обеспеченности в части реализации положений стратегических документов региональной инвестиционной политики и определения конкурентных преимуществ субъекта РФ.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Е.Е. (2023). Применение искусственных нейронных сетей для оценки инвестиционной привлекательности регионов // Умная цифровая экономика. Т. 3. № 2. С. 6–14.
- Кисуркин А.А., Плотникова Т.Н., Краснова Т.Г. (2010). Экономические ресурсы как факторы влияния на социально-экономическое развитие региона // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. № 2 (28). С. 151–155.
- Копуш Д.Х.М. (2024). Ресурсная обеспеченность развития регионов Российской Федерации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 1. С. 19–28. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-1-19
- Петров Н.Н. (2016). Формирование экономической политики ресурсодефицитного региона с целью повышения рождаемости (на примере Чувашской Республики) // Качество и инновации в XXI веке: мат.-лы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 20–21 апреля 2016 г.). Чебоксары: ЧГУ им. И.Н. Ульянова. С. 221–226.
- Петров Н.Н. (2017). Проблема ресурсодефицитных регионов в историческом аспекте // Вестник Поволжского гос. ун-та сервиса. Сер.: Экономика. № 4 (50). С. 37–40.
- Примак Ю.Д. (2018). Новые теоретические подходы к решению экономической проблемы дефицита ресурсов // Новости науки и технологий. № 4 (47). С. 18–25.
- Рогова Т.Н. (2018). Ресурсообеспеченность региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. Т. 16. № 9 (456). С. 1625–1639. DOI: 10.24891/re.16.9.1625
- Саблин К.С. (2020). Российские регионы и ресурсная обеспеченность: о применимости концепции четверной спирали // Инновации. № 8 (262). С. 75–82. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.262.8.009
- Салимоненко Е.Н., Данилова И.В., Карпушкина А.В., Резепин А.В. (2022). Развитие экономики открытых моноспециализированных регионов: территориально-ориентированный подход: монография. Челябинск: ЮУрГУ. 194 с.
- Сорокина Е.А. (2021). Понятие ресурсодефицитного региона: широкий подход // Российский экономический интернет-журнал. № 1.

- Сорокина Е.А., Прохоров А.Ю. (2012). Проблематика повышения конкурентоспособности инвестиционного потенциала ресурсодефицитного региона // Управление экономическими системами. № 8 (44). URL: <http://uecs.ru/uecs44-442012/item/1479-2012-08-01-07-07-20> (дата обращения 15.12.2020).
- Сухих В.А., Урасова А.А. (2020). Возможности экспертного оценивания в развитии экономики региона // Фундаментальные исследования. № 7. С. 108–113. DOI: 10.17513/fr.42813
- Суходоев Д.В., Одинокова А.В. (2023). Особенности управления ресурсами региона в условиях экономической безопасности // На страже экономики. № 4 (27). С. 53–60. DOI: 10.36511/2588-0071-2023-4-53-60
- Татаркин А.И. (2016). Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. Т. 12. № 1. С. 9–27.
- Урасова А.А. (2020). Методы факторного моделирования развития экономики регионов РФ: возможности и перспективы // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: мат-лы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Уфа, 27–28 августа 2020 г.). Ч. II. Уфа: УФИЦ РАН. С. 43–47.
- Ahmed R.O., Al-Mohannadi D.M., Linke P. (2021). Multi-objective resource integration for sustainable industrial clusters. *Journal of Cleaner Production*, 316, 128237. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128237>
- Baldassarre B., Schepers M., Bocken N. [et al.] (2019). Industrial symbiosis: Towards a design process for eco-industrial clusters by integrating circular economy and industrial ecology perspectives. *Journal of Cleaner Production*, 216, 446–460. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.01.091>
- Chin H.H., Varbanov P.S., Klemeš J.J., Liew P.Y. (2021). Enhanced cascade table analysis to target and design multi-constraint resource conservation networks. *Computers & Chemical Engineering*, 148, 107262. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.compchemeng.2021.107262>
- Fabbi G., Faggian S., Freni G. (2020). Policy effectiveness in spatial resource wars: A two-region model. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 111 (2), 103818.
- Jain S., Chin H.H., Bandyopadhyay S., Klemeš J.J. (2022). Clustering and optimising regional segregated resource allocation networks. *Journal of Environmental Management*, 322, 116030. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.116030>
- Ma L., Huang X., Liu Z., Li T. (2019). The impact of local government policy on innovation ecosystem in knowledge resource scarce region: Case study of Changzhou China. *Science, Technology and Society*, 24 (1), 1–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Александровна Сорокина – кандидат экономических наук, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: sorokinaea@gmail.com)

Sorokina E.A.

DIAGNOSING THE PROVISION OF RF CONSTITUENT ENTITIES WITH KEY TYPES OF RESOURCES IN INCREASING INVESTMENT ATTRACTIVENESS

Increasing economic and political tensions is a stable trend accompanying regional development; it actualizes the need to search for and create new opportunities for resource provision of constituent entities of the Russian Federation. This situation, combined with the aggravating socio-economic differentiation of regions, requires addressing the issue of diagnosing their resource endowment and improving their investment attractiveness. The situation regarding resource constraints conditioned our interest, which was expressed in setting the goal associated with the development

of a methodology for assessing the resource endowment of RF constituent entities as a basic condition for increasing their investment attractiveness. The application of such methodology can specify resource opportunities and reserves, the accumulation and redistribution of which directly affect the volume of investment. The scientific novelty of the study lies in the fact that the proposed methodology is characterized by taking into account the dynamic characteristics of resource potential, includes monitoring of resource endowment in the context of key types of resources, is directly interrelated with the indicators of investment activity. Theoretical and methodological basis of the study consists of the works in the field of investment development of regional industry and realization of resource potential. In the course of the work, we used methods of calculating integral indicators reflecting the provision of the region with key types of resources; methods of indicative diagnostics of the region's belonging to a certain type of resource endowment; our own typology of regions based on the scale of values of the corresponding integral indicators. Approbation of our own methodology made it possible to determine resource-surplus, resource-sufficient and resource-deficient regions of the Russian Federation in terms of key types of resources (financial, labor, natural, informational, and infrastructural). The research results are of interest to the relevant authorities of the federal and regional levels in terms of adjustment and working out of priorities and strategic guidelines for investment development of Russian regions, redistribution of resources, increasing competitiveness.

Resource endowment, region's investment attractiveness, resource deficit, subsidization, resource consumption, socio-economic differentiation, boundaries of investment space.

REFERENCES

- Ahmed R.O., Al-Mohannadi D.M., Linke P. (2021). Multi-objective resource integration for sustainable industrial clusters. *Journal of Cleaner Production*, 316, 128237. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128237>
- Aleksandrov E.E. (2023). Application of artificial neural networks to assess the investment attractiveness of regions. *Umnaya tsifrovaya ekonomika*, 3(2), 6–14 (in Russian).
- Baldassarre B., Schepers M., Bocken N. et al. (2019). Industrial symbiosis: Towards a design process for eco-industrial clusters by integrating circular economy and industrial ecology perspectives. *Journal of Cleaner Production*, 216, 446–460. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.01.091>
- Chin H.H., Varbanov P.S., Klemeš J.J., Liew P.Y. (2021). Enhanced cascade table analysis to target and design multi-constraint resource conservation networks. *Computers & Chemical Engineering*, 148, 107262. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.compchemeng.2021.107262>
- Fabbi G., Faggian S., Freni G. (2020). Policy effectiveness in spatial resource wars: A two-region model. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 111(2), 103818.
- Jain S., Chin H.H., Bandyopadhyay S., Klemeš J.J. (2022). Clustering and optimising regional segregated resource allocation networks. *Journal of Environmental Management*, 322, 116030. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.116030>
- Kisurkin A.A., Plotnikova T.N., Krasnova T.G. (2010). Economic resources as factors influencing socio-economic development of region. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta imeni akademika M.F. Reshetneva*, 2(28), 151–155 (in Russian).
- Kopush D.H.M. (2024). Resource endowment of development of the regions of the Russian Federation. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii=Intellect. Innovations. Investments*, 1, 19–28. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-1-19 (in Russian).
- Ma L., Huang X., Liu Z., Li T. (2019). The impact of local government policy on innovation ecosystem in knowledge resource scarce region: Case study of Changzhou China. *Science, technology and society*, 24(1), 1–24.

- Petrov N.N. (2016). Formation of economic policy of a resource-deficient region with the aim of increasing the birth rate (on the example of the Chuvash Republic). In: *Kachestvo i innovatsii v XXI veke: mat-ly XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Cheboksary, 20–21 aprelya 2016 g.)* [Quality and Innovations in the 21st Century: Materials of 14th International Scientific and Practical Conference (Cheboksary, April 20–21, 2016)]. Cheboksary: ChGU im. I.N. Ul'yanova (in Russian).
- Petrov N.N. (2017). The problem of resource-deficient regions in the historical aspect. *Vestnik Povolzhskogo gos. un-ta servisa. Ser.: Ekonomika*, 4(50), 37–40 (in Russian).
- Primak Yu.D. (2018). New theoretical approaches to solving the economic problem of the resource deficiency. *Novosti nauki i tekhnologii*, 4(47), 18–25 (in Russian).
- Rogova T.N. (2018). The resource endowment of regional economy. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 16, 9(456), 1625–1639. DOI: 10.24891/re.16.9.1625 (in Russian).
- Sablin K.S. (2020). Russian regions and resource abundance: Applicability of quadruple helix concept. *Innovatsii*, 8(262), 75–82. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.262.8.009 (in Russian).
- Salimonenko E.N., Danilova I.V., Karpushkina A.V., Rezepin A.V. (2022). *Razvitie ekonomiki otkrytykh monospetsializirovannykh regionov: territorial'no-orientirovannyi podkhod: monografiya* [Economic Development of Open Mono-Specialized Regions: Territorially Oriented Approach: Monograph]. Chelyabinsk: YuUrGU.
- Sorokina E.A. (2021). The concept of a resource-deficient region: A broad approach. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, 1 (in Russian).
- Sorokina E.A., Prokhorov A.Yu. (2012). Problems of increasing investment potentials' competitiveness of resource scarce region. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 8(44). Available at: <http://uecs.ru/uecs44-442012/item/1479-2012-08-01-07-07-20> (accessed: December 15, 2020; in Russian).
- Sukhikh V.A., Urasova A.A. (2020). Possibilities of expert evaluation in the development of the economy of the region. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*, 7, 108–113. DOI: 10.17513/fr.42813 (in Russian).
- Sukhodoev D.V., Odinokova A.V. (2023). Peculiarities of regional resource management in conditions of economic security. *Na strazhe ekonomiki*, 4(27), 53–60. DOI: 10.36511/2588-0071-2023-4-53-60 (in Russian).
- Tatarkin A.I. (2016). Regional targeting of the economic policy of the Russian Federation as an institution of regional spatial development. *Ekonomika regiona*, 12(1), 9–27 (in Russian).
- Urasova A.A. (2020). Methods of factor modeling of economic development of Russian regions: Opportunities and prospects. In: *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov Rossii: mat-ly XII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (g. Ufa, 27–28 avgusta 2020 g.). Ch. II.* [Innovative Technologies of Management of Socio-Economic Development of Russian Regions: Materials of 12th All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation (Ufa, August 27–28, 2020). Part 2]. Ufa: UFITs RAN (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Sorokina – Candidate of Sciences (Economics), Ural State University of Economics (62/45, Narodnoi Voli / 8 Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; sorokinaea@gmail.com)

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.5

УДК 338.48 | ББК 65.433

© Кудревич А.Ю.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ ОБЪЕКТОВ ПРИДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: КЕЙС ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

АРИНА ЮРЬЕВНА КУДРЕВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: arina.kudrevich@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8898-8249; ResearcherID: GNW-2404-2022

Ограничения западных стран в отношении российских туристов, рост цен на железнодорожные билеты и авиабилеты активизировали спрос на самостоятельные автопутешествия. Увеличение числа автотуристов привлекло дополнительное внимание органов власти к вопросам доступности придорожной инфраструктуры страны, в том числе автозаправочных станций. Возросла важность создания комфортных и безопасных условий для автопутешествий по стране, в том числе в перспективных регионах. Вологодская область, обладающая природным и культурным туристским потенциалом, является перспективным регионом для развития автотуризма. В связи с этим целью исследования стал анализ транспортной доступности придорожной инфраструктуры в Вологодской области для автотуристов. В ходе работы применялись общенаучные методы исследования, такие как анализ, синтез, сравнение, обобщение, а также геоинформационное моделирование в программной среде QGIS. На основе разработанного методического подхода, позволяющего оценивать временные издержки между автозаправками, выявлены участки дорог с недостатком объектов транспортной инфраструктуры, предложены перспективные варианты дополнительного размещения таких объектов. Научная новизна исследования состоит в разработке методического подхода к определению транспортной доступности объектов туристского интереса, в том числе придорожной инфраструктуры, с учетом временных и пространственных характеристик. Информационную базу составили труды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся проблемами транспортной доступности объектов придорожной и туристской инфраструктуры, официальные статистические дан-

Для цитирования: Кудревич А.Ю. (2024). Пространственный анализ транспортной доступности объектов придорожной инфраструктуры: кейс Вологодской области // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 51–69. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.5

For citation: Kudrevich A.Yu. (2024). Spatial analysis of transport accessibility of roadside infrastructure facilities: The Vologda Region case. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 51–69. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.5

ные, результаты социологических опросов. Полученные выводы обладают практической значимостью, позволяя выявлять слабо обустроенные инфраструктурой участки дорог, преобразование которых повысит уровень безопасности дорожного движения и комфорта путешествия. Это поможет увеличить спрос на туристские продукты Вологодской области. Результаты исследования могут быть учтены органами власти при проектировании и модернизации объектов транспортной, придорожной и туристской инфраструктуры.

Туризм, внутренний туризм, автомобильный туризм, транспортная доступность, придорожная инфраструктура, Вологодская область.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Пандемия COVID-19, введение западными странами беспрецедентных экономических санкций, закрытие некоторыми государствами границ подчеркнули важность развития внутреннего туризма в России. Интерес российских туристов к международным поездкам существенно снизился, но возрос к путешествиям по стране. Преимуществом внутреннего туризма является наличие внутреннего спроса и предложения, которые относительно независимы от глобальных потрясений (Леонидова, Румянцев, 2020; Canh, Thanh, 2020). Туристская отрасль, обладая высоким мультипликативным эффектом, дает толчок развитию до 53 смежных отраслей хозяйства (Леонидова, 2021). В совокупности с положительными эффектами для экономики туризм обеспечивает экономическое развитие внутри страны за счет увеличения туристского потребления¹.

Результаты социологических опросов Аналитического центра НАФИ показывают, что за последние 5 лет индивидуальные путешествия стали устойчивым трендом, доля самостоятельных туристов выросла на 11%². В частности, это касается автотуризма, получившего серьезный импульс к развитию еще в период COVID-19. В 2023 году в автомобильные турпоездки отправились 32% респондентов, еще 48% выразили интерес к подобному формату путешествий³. Рост средних цен на авиабилеты (+30%) и железнодорожные билеты (+25%) в 2024 году значительно усилил конкурентные преимущества автомобильных путешествий⁴, так как увеличение стоимости бензина в среднем по стране составило 2,8%⁵.

Популярность автотуризма способствовала росту потребления туристских услуг в стране, однако транспортная инфраструктура регионов оказалась не готова к наплыву туристов⁶. Для удовлетворения растущего

¹ Замминистра экономического развития: туризм – это драйвер развития региональных экономик // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/zamministra_ekonomicheskogo_razvitiya_turizm_eto_drayver_razvitiya_regionalnyh_ekonomik.html

² Тренд на самостоятельные путешествия заметно усилился за пять лет // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/trend-na-samostoyatelnye-puteshestviya-zametno-usililsya-za-pyat-let>

³ Автотуризм – 2024 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtoturizm-2024>

⁴ РСТ: авиабилеты по России подорожали в 2024 году на 30%, железнодорожные – на 25% // Интерфакс туризм. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/rst-aviabilety-po-rossii-podorozhali-v-2024-godu-na-30-zheleznodorozhnye-na-25>

⁵ Рейтинг регионов РФ по доступности бензина в июне 2024 года // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240805/630267419.html>

⁶ Что мешает развитию автомобильных путешествий в регионах // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2021/02/09/reg-cfo/chto-meshaet-razvitiuu-avtomobilnyh-puteshestvij-v-regionah.html>

спроса туристов необходим пропорциональный рост качественного и доступного предложения инфраструктуры. В связи с этим в 2023 году Министерством экономического развития была разработана концепция автомобильного туризма до 2035 года⁷, призванная создать предпосылки для комплексного развития автотуризма на территории России. Как подчеркивается в документе, одним из основных барьеров развития является низкий уровень транспортной доступности придорожной инфраструктуры. На эту проблему также ранее обращали внимание члены Правительства РФ на совещании с Президентом РФ⁸.

Под транспортной доступностью подразумеваются временные издержки, затрачиваемые на поездку из пункта А в пункт Б с учетом скоростного режима, качества дорожного полотна, обеспеченности маршрутов объектами придорожной инфраструктуры (Потапов, 2016; Niemeir, 1997). Состав последних регламентирован ГОСТ 33062-2014 «Требования к размещению объектов придорожного сервиса»⁹. Также одним из ключевых положений в ранее упомянутой концепции стало развитие придорожной инфраструктуры, включая многофункциональные зоны с мотелями, кафе, заправками, стоянками и другими объектами. К сожалению, в настоящее время таких полноценных площадок для отдыха автотуристов недостаточно — всего 100 ед. на всю страну¹⁰. Стоит отметить, что даже при высокой обеспеченности упомянутыми объектами дорог низкое качество автодорожного полотна уменьшает уровень их транспортной доступности в силу снижения скорости транспортного средства.

Результаты опроса ВЦИОМ показали, что наибольшее количество автопутешественников было отмечено в Центральном (38%) и Северо-Западном (31%) федеральных округах. Причем среди всех федеральных округов удовлетворенность жителей уровнем транспортной доступности объектов придорожной инфраструктуры в СЗФО самая низкая (8%)¹¹. Вологодская область, входящая в состав Северо-Запада и обладающая высоким историко-культурным и природным потенциалом, перспективна для развития автомобильного туризма. Рост спроса россиян на путешествия выходного дня¹² в очередной раз подчеркивает важность развития внутрирегиональных туристских маршрутов, в том числе автомобильных. Рост конкурентоспособности и эффективное использование туристского потенциала территорий во многом будут зависеть от повышения уровня качества придорожной инфраструктуры и ее транспортной доступности.

Вследствие этого целью исследования стало определение транспортной доступности придорожной инфраструктуры Вологодской области, выступившей модельным регионом, для автотуристов. Проведен анализ отечественных и зарубежных подходов к определению транспортной доступности объектов туристской и придорожной инфраструктуры, разработан методический подход к оценке транспортной доступности объектов туристского интереса, в том числе придорожной инфраструктуры, выявлены наиболее проблемные участки автомобильных туристских маршрутов с недостатком инфраструктуры.

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2024 г. № 1025-п. URL: <http://government.ru/docs/all/153130>

⁸ Глава государства в режиме видеоконференции провел совещание с членами Правительства. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/427/events/71081>

⁹ ГОСТ 33062-2014. Требования к размещению объектов дорожного и придорожного сервиса; введ. 01.12.2015. 23 с.

¹⁰ В регионах появятся новые объекты придорожного сервиса // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2024/05/28/reg-szfo/motel-na-obochine.html>

¹¹ Автотуризм в России: возможности и проблемы // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/avtoturizm-v-rossii-vozmozhnosti-i-problemy>

¹² В России спрос на поездки выходного дня вырос на 10% за лето // Министерство экономического развития РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/news/v_rossii_spros_na_poezdki_vyhodnogo_dnya_vyros_na_10_za_letu.html

Основным методом исследования является геоинформационное моделирование. Картографические материалы выполнены в программной среде QGIS.

В качестве объекта исследования выступила придорожная инфраструктура Вологодской области, предмета – транспортная доступность исследуемых объектов в регионе.

Теоретико-методологические основы исследования

Вопросам развития автомобильного туризма в России посвящены работы многих ученых (Романова, 2013; Штейнгольц, Назаркина, 2015; Валькова и др., 2019). В России имеется опыт разработки стратегий, в которых упоминается развитие транспортной инфраструктуры (Стратегия развития туризма РФ до 2035 года, Транспортная стратегия развития до 2030 года), и создания общественных организаций (Ассоциация туроператоров России, Общественная ассоциация автотуризма и караванинга и пр.). Во многих документах и исследованиях рассматривается проблема, актуальная и по настоящее время, – низкий уровень доступности транспортной и придорожной инфраструктур. К 2024 году дорожная ситуация улучшилась, чему активно способствовали мероприятия национального проекта «Безопасные и качественные дороги». Согласно экспертному докладу о результатах реализации нацпроекта, в России

сформировалась опорная сеть дорог, уменьшилась аварийность на дорогах, повысилась мобильность граждан, открылось больше возможностей для автотуризма¹³.

В настоящее время требования к расположению придорожной инфраструктуры определяются действующим Постановлением Правительства РФ от 28 октября 2020 года № 1753¹⁴. Согласно указанной нормативной базе, размещение объектов придорожной инфраструктуры зависит от категории автодорог. В Вологодской области они в основном относятся к III–IV категориям, соответственно, расстояние между АЗС не должно превышать 150 км. Вместе с этим средняя длина федеральной или региональной дороги составляет более 300 км, таким образом, на подобном дорожном участке может располагаться от двух АЗС, что явно не соответствует потребностям потребителей. До принятия упомянутого документа размещение автозаправочных станций регулировалось ГОСТом 33062 – 2014¹⁵. В документе указано, что дистанция между располагаемыми объектами должна быть не менее 50 км, что также соответствует европейским стандартам¹⁶.

Многие отечественные и зарубежные ученые занимались вопросами транспортной доступности, работали над созданием методов ее оценки. Как показал анализ научных трудов, трактовка доступности и отбор критериев для разрабатываемых подходов во многом определяются исходными

¹³ «Дороги для людей»: эксперты представили доклад об эффектах от реализации нацпроекта «Безопасные и качественные дороги» // Национальные приоритеты. URL: <https://национальныеприоритеты.рф/news/dorogidlya-lyudey-eksperty-predstavili-doklad-ob-effektakh-ot-realizatsii-natsproekta-bkd/>

¹⁴ О минимально необходимых для обслуживания участников дорожного движения требованиях к обеспеченности автомобильных дорог общего пользования федерального, регионального или межмуниципального, местного значения объектами дорожного сервиса, размещаемыми в границах полос отвода автомобильных дорог, а также требованиях к перечню минимально необходимых услуг, оказываемых на таких объектах дорожного сервиса: Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1753. URL: <http://government.ru/docs/all/130618>

¹⁵ ГОСТ 33062 – 2014. Межгосударственный стандарт. «Дороги автомобильные общего пользования. Требования к размещению объектов дорожного и придорожного сервиса».

¹⁶ The strategic road network and the delivery of sustainable development. Department for Transport. 10 september 2013. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/237412/dft-circular-strategic-road.pdf; Ministère de l'écologie, du développement durable et de l'énergie (2015). Instruction du Gouvernement du 13 Juillet 2015 portant sur les conditions techniques d'aménagement des autoroutes de liaison [Government Instruction on July 13, 2015 on the technical conditions for the development of the connecting freeways]. Sourduin, France: Direction technique infrastructures de transport et matériaux. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/circulaire/id/39841>

данными, задающими траекторию исследования. Широко распространено применение балльных методик (Потапов, 2016; Шелег, 2020; Цветков, 2022). Они позволяют отразить качественную составляющую изучаемых объектов, а также учесть необследованные официальной статистикой факторы, однако в большинстве случаев балльные подходы представляют субъективную точку зрения того или иного исследователя.

Активно применяются математические методы (Якунин, 2011; Рубцов, 2013; Лавриненко и др., 2019), основанные на данных об экономических и временных издержках, такие как индекс Морана (Mansour et al., 2022), метод ближайших соседей (Xu, Wang, 2022).

Социологические опросы позволяют выявить потребительский спрос на модернизацию системы транспортной инфраструктуры, определить наиболее востребованные и экономически эффективные места для размещения объектов в пространстве (Romo-Martin, Perez-Acebo, 2019).

На интенсивность дорожного движения в населенных пунктах оказывает влияние время суток в сочетании с рабочими и выходными днями (Niedzielskia, Kucharskib, 2019), погодными условиями (Тао et al., 2018), а также демографическими особенностями территории (Tahmasbi, Haghshenasa, 2019).

Наиболее широко применяется геоинформационное моделирование, так как оно дает возможность исследователю проанализировать характер размещения объектов, позволяя выявлять пространственные диспропорции. В качестве критериев авторами используются показатели плотности дорог, расстояния, времени (Павлюк, Алейников, 2019; Сафиуллин, 2021; Debooshere et al., 2018; Sleszynski et al., 2023).

Критерий расстояния не всегда указывает на транспортную доступность объектов, скорее, он отражает их наличие в принципе, т. е. доступность по факту их присутствия в пределах определенной дистанции. Наиболее подходящим критерием для подобного анализа, на наш взгляд, является

время, так как временные издержки определяются исходя из качества дорожного полотна, скорости движения транспортного средства, интенсивности автомобильного движения, и уже от этих характеристик зависит частота встречаемости объектов придорожной инфраструктуры в пути следования.

Отслеживание интенсивности движения автомобилистов позволило бы оценить потенциальный уровень потребления и востребованность услуг объектов придорожного сервиса на конкретных участках дорожного полотна. Однако органами государственной статистики подобная информация не отслеживается. СКДФ предоставляет данные о среднесуточной интенсивности движения на дороге, однако среди них не представляется возможным выделить число легковых автомобилей для оценки потенциального автомобильного турпотока. Таким образом, статистические ограничения привели к тому, что разрабатываемый методический подход должен учитывать информацию из общедоступных источников, отражающих современную дорожную ситуацию.

Предлагаемый методический подход включает четыре этапа (рис. 1). Представленные алгоритмы действий возможно апробировать на любом из регионов или городов России для оценки транспортной доступности различных инфраструктурных объектов. В рамках разработанного подхода исследователям предлагается два критерия для оценки – время и расстояние. Первый позволяет отследить частоту встречаемости объекта научного интереса в пути следования, второй – обеспеченность дорожной сети данными объектами в исследуемом пространстве (регион, муниципалитет, город) в соответствии с установленными стандартами. Исходя из выбранного критерия оценки осуществляется подбор метода картографирования.

В рамках текущего исследования оценка транспортной доступности основывается на показателях времени. В базу данных вошли следующие объекты научного интереса: автодороги (федеральные, региональные,

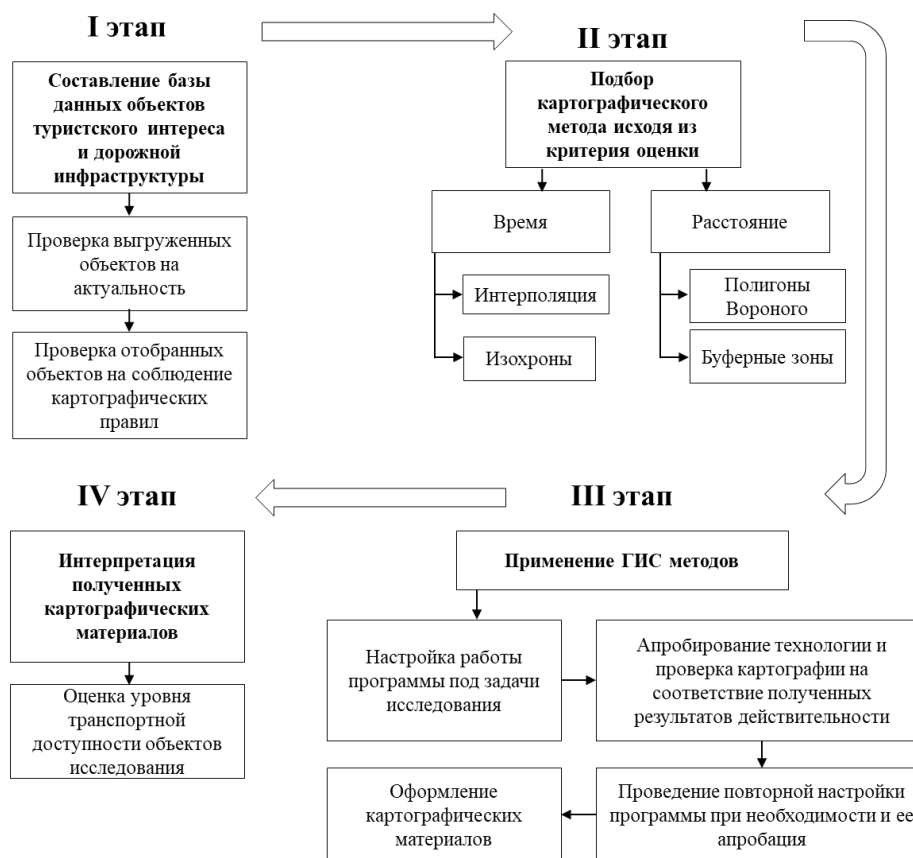

Рис. 1. Методический подход к определению транспортной доступности объектов туристского интереса

Источник: составлено автором.

неофициальные грунтовки, лесные и полевые дороги), автозаправочные станции и коллективные средства размещения, расположенные вблизи автомаршрутов. Для отражения времени в пути на автодорогах была выбрана интерполяция как основной метод картографирования. Изохроны составляют 15 минут, что обусловлено техническими возможностями, масштабами и конфигурацией выбранного региона. Транспортная доступность объектов определяется временными издержками на совершение поездки между двумя автозаправочными станциями. При определении времени, характеризующего высокий или низкий уровень доступности, использовалась абстрактная (идеальная) модель транспортной инфраструктуры. В соответствии с ней скоростной режим соблюдается в пределах 90 км/ч со-

гласно ПДД¹⁷, дорога характеризуется качественным твердым автодорожным покрытием, расстояние между АЗС соответствует ГОСТу 33062 – 2014 (не более 50 км). Таким образом, при идеальных условиях время в пути между АЗС составляет около 33 минут.

Результаты исследования

Историко-культурное и природное наследие Вологодской области обладает потенциалом для развития многих видов туризма. Согласно статистическим данным, регион в 2022 году принял более 460 тыс. туристов, что на 25% больше показателя 2021 года. На Вологодскую область в 2022 году пришлось около 5% от туристского потока Северо-Запада. В то же время турпоток в Вологодской области распределен неравномерно, на что указывают данные муниципа-

¹⁷ О правилах дорожного движения: Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 02.06.2023) (дата обращения 13.10.2023).

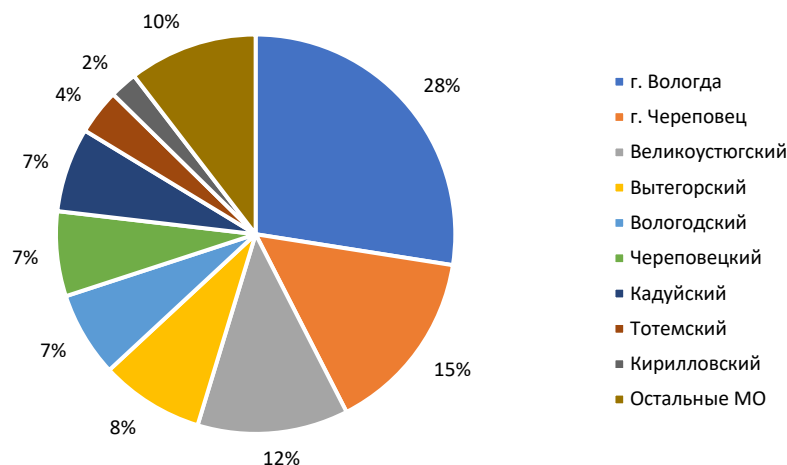

Рис. 2. Структура туристского потока Вологодской области в разрезе муниципальных образований (МО) за 2022 год*, %

* Муниципальная статистика по туризму на Вологдастате представлена до 2022 года. Рассчитано по: данные Вологдастата.

литетов. Так, основными центрами туристского притяжения являются городские округа – Вологда и Череповец (рис. 2). В 2022 году они суммарно приняли 43% отдыхающих от всего турпотока области. К территориям, отличающимся высоким показателем турпотока, в основном за счет близости крупных турцентров, относятся Великоустюгский, Вологодский, Кадуйский муниципальные округа и Вытегорский, Череповецкий районы. Остальные 18 муниципалитетов¹⁸, формирующие всего 10% от общего турпотока, мало задействованы в туристской деятельности региона.

Для анализа развития туризма в муниципалитетах региона обратимся к динамике числа внутренних туристов, остановившихся в коллективных средствах размещения в 2019–2022 гг. (табл. 1). Так, г. Вологде не удалось в 2022 году достичь уровня турпотока допандемийного года (-8,4%). В городе, являющемся одним из основных центров

притяжения туристов, туристская активность снижается. Незначительный прирост показателя отмечен в г. Череповце (+1,8%). Увеличился турпоток в муниципалитетах. Так, в положительную динамику областного показателя внесли вклад следующие муниципалитеты: Кадуйский (+68,3%), Бабаевский (+49,3%) и Вытегорский (+35,6%). Значительный рост турпотока в Кадуе, возможно, произошел по причине того, что в 2022 году муниципалитет впервые стал площадкой для проведения VII Всероссийского фольклорного фестиваля «Деревня – душа России»¹⁹. Событийное мероприятие также стало причиной роста туристской активности в Бабаевском округе²⁰. Вытегорскому району удалось увеличить турпоток благодаря популяризации природных объектов, в особенности Онежского озера, и мероприятиям Русского географического общества. В число аутсайдеров вошли 13 муниципальных образований. В 2022 году основ-

¹⁸ Указаны как «Остальные МО» – Грязовецкий, Бабаевский, Никольский, Чагодощенский, Вашкинский, Белозерский, Нюксенский, Кичм.-Городецкий, Бабушкинский, Шекснинский, Устюженский, Харовский, Сокольский, Вожегодский, Сямженский, Верховажский, Усть-Кубинский, Тарногский муниципальные образования Вологодской области.

¹⁹ Итоги всероссийского фольклорного фестиваля «Деревня – душа России» подвели в Кадуйском районе // 35Медиа. URL: <https://35media.ru/news/2022/07/04/Itogi-vserossiiskogo-folklorного-festivalya-Derevnya-dusha-Rossii-podveli-v-Kaduiskom-raione>

²⁰ Вепский праздник «Древо жизни» в Бабаевском округе собрал более трех тысяч зрителей // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/vepsskiy-prazdnik-drevo-zhizni_v_babaevskom-okruge_sobral_bole_3_tysyach_zriteley

Таблица 1. Численность лиц, остановившихся в коллективных средствах размещения (КСР), в Вологодской области в 2019–2022 гг., чел.

Территория	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2022 год к 2019 году, %
г. Вологда	139432	86089	114442	127730	91,6
г. Череповец	68430	40360	52621	69691	101,8
Муниципальные образования					
Кадуйский	18884	7300	15781	31773	168,3
Бабаевский	3189	1594	5171	4762	149,3
Вытегорский	28783	17185	17145	39035	135,6
Кирилловский	8700	4991	7228	10340	118,9
Вологодский	27076	20483	28917	31991	118,2
Череповецкий	27316	17006	27151	31940	116,9
Верховажский	648	69	402	745	115,0
Вашкинский	3536	2447	3416	3993	112,9
Кичменгско-Городецкий	0	2031	3012	2826	100,0
Харовский	0	0	2200	2060	100,0
Вожегодский	0	990	660	1654	100,0
Тарногский	0	30	50	50	100,0
Тотемский	17123	9402	14970	17049	99,6
Белозерский	3581	2409	2526	3256	90,9
Сокольский	2136	587	1566	1842	86,2
Грязовецкий	7343	6173	6698	6193	84,3
Никольский	5590	3205	4137	4566	81,7
Бабушкинский	3193	2363	2399	2479	77,6
Великоустюгский	75703	35772	43287	56801	75,0
Чагодощенский	5943	6492	6270	4312	72,6
Сямженский	2463	433	1014	1550	62,9
Устюженский	3824	2104	5225	2337	61,1
Усть-Кубинский	953	474	229	452	47,4
Нюксенский	6967	3861	4031	2917	41,9
Шекснинский	9797	8309	1325	2457	25,1
Рассчитано по: данные Росстата.					

ные центры притяжения туристов в области, такие как Великоустюгский округ (-25%), Белозерский округ (-8,1%) и Тотемский округ (-0,4%), не смогли восстановить допандемийный уровень 2019 года, однако стоит отметить, что показатель турпотока постепенно растет и в 2023 году может достичь или превзойти значение 2019 года. Так, например, отмечается, что Великий Устюг на начало 2024 года посетили 22,2 тыс. человек, что на 32% больше, чем в аналогичном периоде 2023 года²¹.

За четыре года в Вологде номерной фонд сократился на 2,6%, в то время как в Череповце отмечено расширение гостиничного сектора на 91,5% (табл. 2). К территориям, характеризующимся самым большим номер-

ным фондом, относятся Великоустюгский, Череповецкий, Вологодский МО – основные центры притяжения туристов среди муниципальных образований. В числе лидеров, нарастивших номерной фонд за исследуемый промежуток времени, находятся Сокольский округ (в 3,5 раза), Верховажье (в 2,7 раза), Кадуйский округ (+93,6%), Череповецкий округ (+50,6%), Бабаевский округ (+40,3%). Увеличение числа номеров в Соколе произошло в основном не за счет роста турпотока, а в связи с повышением производственных мощностей в Сокольском ЦБК, в том числе вследствие наращивания рабочей силы²². Рост числа номеров в Верховажье обусловлен увеличением турпотока, однако большинство автотуристов

²¹ Перевозки пассажиров в Великий Устюг к Деду Морозу выросли на 32,1% в праздники // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19710915>

²² Тенденции постоянного роста // Сокольская правда. URL: <http://spsokol.ru/tendenciya-postoyannogo-rosta>

Таблица 2. Число номеров в коллективных средствах размещения в Вологодской области в 2019–2022 гг., ед.

Территория	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год к 2019 году, %
г. Вологда	1208	1208	1264	1176	97,4
г. Череповец	990	990	972	1183	119,5
Муниципальные образования					
Сокольский	31	31	68	108	в 3,5 раза
Верховажский	12	12	12	32	в 2,7 раза
Кадуйский	109	109	178	211	193,6
Череповецкий	488	488	720	735	150,6
Бабаевский	77	77	89	108	140,3
Сямженский	10	10	14	14	140,0
Тотемский	108	108	112	126	116,7
Вашкинский	46	46	45	52	113,0
Бабушкинский	46	46	46	50	108,7
Белозерский	53	53	43	57	107,5
Грязовецкий	73	73	75	77	105,5
Кирилловский	176	176	147	182	103,4
Чагодощенский	42	42	49	43	102,4
Великоустюгский	995	995	903	981	98,6
Вытегорский	242	242	192	237	97,9
Никольский	93	93	87	85	91,4
Вологодский	403	403	492	367	91,1
Устюженский	89	89	75	75	84,3
Нюксенский	76	76	81	64	84,2
Усть-Кубинский	32	32	13	22	68,8
Шекснинский	103	103	56	64	62,1
Рассчитано по: данные Росстата.					

останавливается в муниципалитете на ночевку по пути в Архангельск. Рост номерного фонда в Кадуе обусловлен ростом турпотока по причине проведения названного выше фестиваля.

Негативная тенденция развития гостиничного бизнеса наблюдается в 13 муниципалитетах Вологодской области. Согласно данным Вологдастата, на некоторых территориях отсутствуют гостиницы и номера. К ним относятся Вожегодский, Кичменгско-Городецкий, Междуреченский, Тарногский, Харовский муниципалитеты, следовательно, туристский потенциал территорий не задействован.

Анализ туристского потока в муниципалитетах Вологодской области показал, что основными центрами притяжения туристов являются г. Вологда и Череповец, на них приходится 43% всего турпотока области. К территориям, восстановившим туристскую деятельность, относят-

ся Кадуйский, Бабаевский и Вытегорский муниципалитеты. Нарастить турпоток получилось в основном за счет проведения событийных мероприятий, реализации природного и культурного потенциала территорий. Некоторые крупные туристские центры в 2022 году не смогли достичь показателей 2019 года. В ряде муниципальных образований, таких как Вожегодский, Кичменгско-Городецкий, Междуреченский, Тарногский, Харовский, отсутствуют коллективные средства размещения. Однако следует предположить, что в 2023 году территории превзошли этот уровень, о чем свидетельствуют новости о туризме в муниципалитетах. Таким образом, туристско-рекреационный потенциал региона используется не в полной мере, что отражается в невысоких показателях туристского потока и в неравномерном его распределении по территории, а также в нехватке номерного фонда.

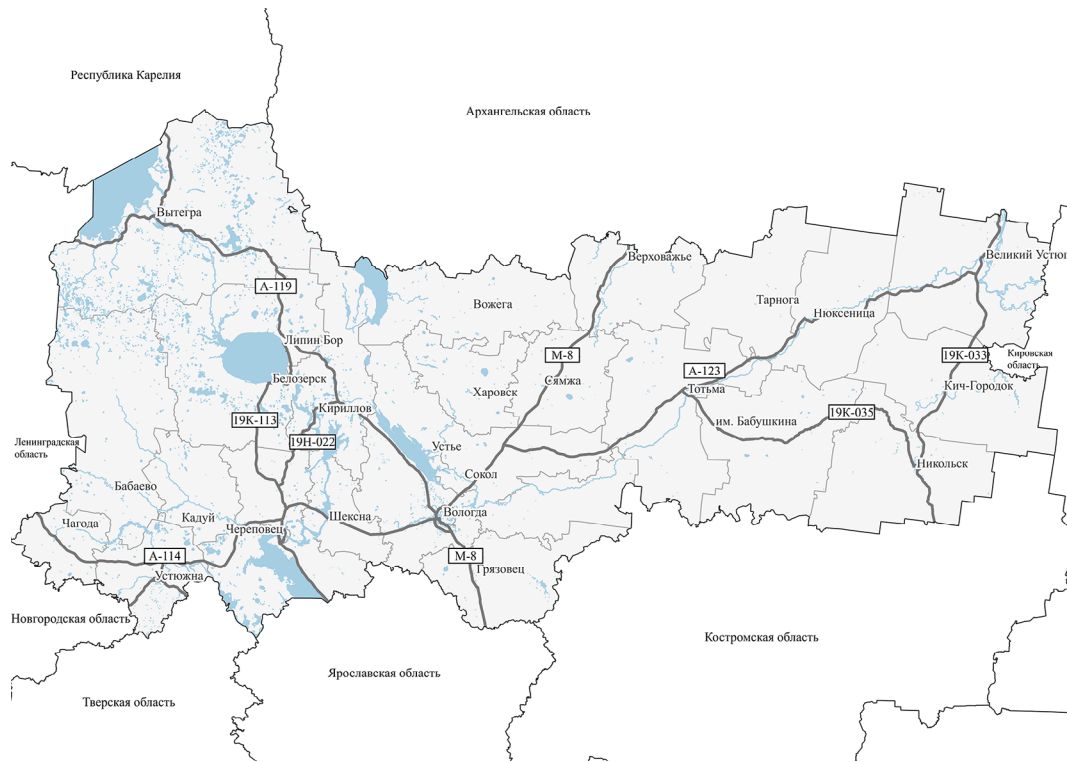

Рис. 3. Федеральные и региональные автодороги Вологодской области

Источник: составлено автором.

Туристско-рекреационный потенциал региона привлекает автомобильных туристов. Согласно данным GeoEffect, доля автотуристов в общем туристском потоке составила около 75%²³. Как правило, регион посещают жители из ближайших крупных городов и областей – Санкт-Петербурга и Ленинградской области (33%), Москвы и Московской области (29%), Архангельской (14%), Ярославской (8%) и Мурманской (7%) областей. Точками входа для туристов из указанных регионов будут являться федеральные и региональные автомобильные дороги: А-114, А-119, А-123, М-8 (рис. 3).

В рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» разработана Федеральная туристская межрегиональная схема территориально-пространственного планирования РФ²⁴. ВЭБ.РФ прогнозирует, что доля автотуристов в Вологодской области

достигнет 41% к 2035 году. Это подтверждает актуальность проводимого исследования.

По результатам геоинформационного исследования выявлено, что в пределах исследуемых автомобильных участков насчитывается 59 АЗС (табл. 3). Наибольшее их количество отмечено вдоль трассы М-8 (20 ед.), что связано с ее федеральным статусом, а также значительным автомобильным потоком. Временной интервал между АЗС на данном участке составил 19 минут, что характеризует маршрут как наиболее доступный среди представленных. Незначительными временными интервалами между АЗС, но подходящими под условия доступности абстрактной модели, характеризуются трассы А-114 (27 мин.) и А-119 (35 мин.). Автодороги А-123 (45 мин.), 19К-033 (45 мин.) и 19К-035 (73 мин.) относятся к менее доступным.

²³ Вологодскую область чаще всего посещают автотуристы из Санкт-Петербурга // МТС. URL: <https://vologda.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-regione/2022-12-21/vologodskuyu-oblast-chashhevsego-poseshhayut-avtoturisty-iz-sankt-peterburga>

²⁴ Утверждена федеральная туристическая межрегиональная схема территориально-пространственного планирования Российской Федерации // Комитет градостроительной политики Ленинградской области. URL: <https://arch.lenobl.ru/ru/news/64582>

Таблица 3. Обеспеченность автомобильных дорог Вологодской области автозаправочными станциями

Идентификационный номер дороги	Наименование автомобильной дороги	Протяженность, км	Количество АЗС, ед.	Среднее время в пути между АЗС, мин
A-114	Вологда – Новая Ладога	331	12	27
M-8	«Холмогоры»: Москва – Ярославль – Вологда – Архангельск	320	20	19
A-119	Вологда – Медвежьегорск	370	10	35
A-123	Чекшино – Тотма – Котлас – Куратово	409	10	45
19К-035	Чекшино – Тотма – Никольск	129	3	73
19К-033	Урень – Шарья – Никольск – Котлас	77	4	45
19Н-022	Подъездные дороги общего пользования	76	0	0
19К-053	Череповец – Белозерск – Липин Бор	63	0	0

Источник: составлено автором.

Результаты пространственного анализа позволили выявить слабо доступные участки дорожной сети, на которые указывают значительные временные затраты (более 1 часа) в пути между объектами придорожной инфраструктуры (рис. 4).

Согласно картографическим материалам, транспортная доступность АЗС снижается от центра (г. Вологда) к периферии. Это

оказывает негативное влияние на доступность турцентров, размещенных на окраине Вологодской области – г. Великий Устюг, Тотма, Вытегра. Автомобильный маршрут к Тотме и Великому Устюгу в основном проходит по федеральной трассе А-123 «Чекшино – Тотма – Котлас – Куратово». Транспортная удаленность и низкий уровень доступности придорожной инфра-

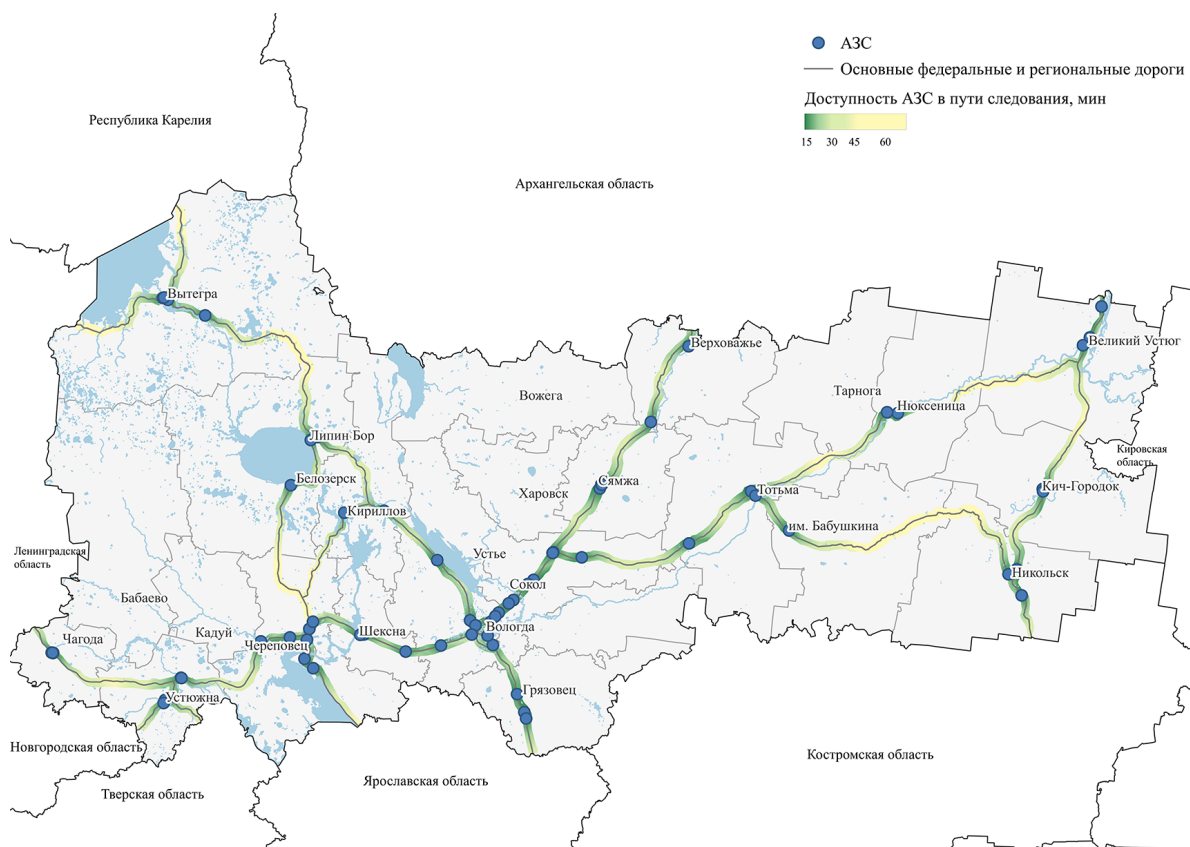

Рис. 4. Транспортная доступность автозаправочных станций в Вологодской области по показателю времени

Источник: составлено автором.

структуры могут быть одними из причин снижения турпотока на территориях. Время в пути до турцентров от Вологды как точки старта региональных турмаршрутов составляет 2,5 и 5 часов соответственно. По пути до Тотьмы путешественникам встречается 11 АЗС с временным интервалом от 15 до 30 минут, за исключением участка между населенными пунктами Воробьево – Погорелово (48 минут). От Тотьмы до Великого Устюга на маршруте встречается только две АЗС в селе Нюксеница. Временной промежуток в пути между заправками Тотьмы и Нюксеницы составляет 64 минуты, а Нюксеницы и Великого Устюга – 89 минут. Низкая транспортная доступность объектов придорожной инфраструктуры, а также отсутствие готовой связи на данном маршруте снижают уровень комфорта и безопасности путешествия. Важно отметить, что Великий Устюг является центром притяжения детского туризма, а подобная длительная поездка может негативно сказаться на путешествиях с детьми, которым необходимы частые остановки. Таким образом, транспортная удаленность Великого Устюга от основной полосы расселения Вологодской области снижает доступность посещения вотчины российского Деда Мороза для самих вологжан. Тем не менее благодаря территориальной близости Великого Устюга и соседних субъектов представляется возможным нарастить туристский поток с их стороны, например из Республики Коми²⁵. Однако существующая придорожная инфраструктура может не удовлетворить своим качеством обслуживания растущий спрос россиян на отдых в Великом Устюге²⁶. Негативные отзывы туристов могут препятствовать принятию решения о повторной поездке на вотчину Деда Мороза, что отрицательно скажется на социально-экономическом развитии территории.

Согласно результатам проведенного выше анализа потребления туристских ус-

луг в Вологодской области, значительно вырос турпоток в Вытегорский район (см. табл. 1). В перспективе туристский интерес к Вытегорскому району приведет к необходимости повышения уровня предоставляемых туруслуг, включая транспортные. Как показал пространственный анализ, участок дороги Липин-Бор – Вытегра характеризуется значительными временными издержками для туристов. Так, при расстоянии в 161 км время в пути составляет более двух часов, на участке встречается лишь две АЗС, расположенные рядом с Вытегрой. Ранее исследователи (Леонидова, Кудревич, 2022) также отмечали низкий уровень транспортной доступности придорожной инфраструктуры на этом маршруте и необходимость его обустройства. Если развитие инфраструктуры не будет успевать за растущим потребительским спросом, то такая ситуация может негативно сказаться на туристской привлекательности территории и отразиться на ее социально-экономическом развитии.

Далее нами был проведен пространственный анализ развития гостиничной инфраструктуры (глэмпингов, гостиниц, кемпингов, туристских баз), а также грунтовых, лесных, полевых дорог (рис. 5), поскольку наличие подобных объектов может стать отправной точкой для создания новых элементов туристской и придорожной инфраструктуры.

Анализ показал, что вдоль автомобильных маршрутов области расположены коллективные средства размещения в количестве 104 ед. В основном они сосредоточены в центрах притяжения туристов, таких как г. Вологда, Череповец, Кириллов, Вытегра, Тотьма, Великий Устюг.

По направлению дороги А-119 увеличивается количество туристских баз, в особенности вблизи природных объектов, что обусловлено ростом популярности экологического вида отдыха и привлекательными туристско-рекреационными ресурсами тер-

²⁵ В три раза выросло число жителей Коми, посетивших резиденцию Деда Мороза // Аргументы и факты. URL: https://komi.aif.ru/society/details/v_tri_raza_vyroslo_chislo_zhiteley_komi_positivshih_rezidenciyu_deda_moroza

²⁶ В России спрос на туры в гости к Деду Морозу в этом году стал рекордным // Известия. URL: <https://iz.ru/1627628/2023-12-28/v-rossii-spros-na-tury-v-gosti-k-dedu-morozu-v-etom-godu-stal-rekordnym>

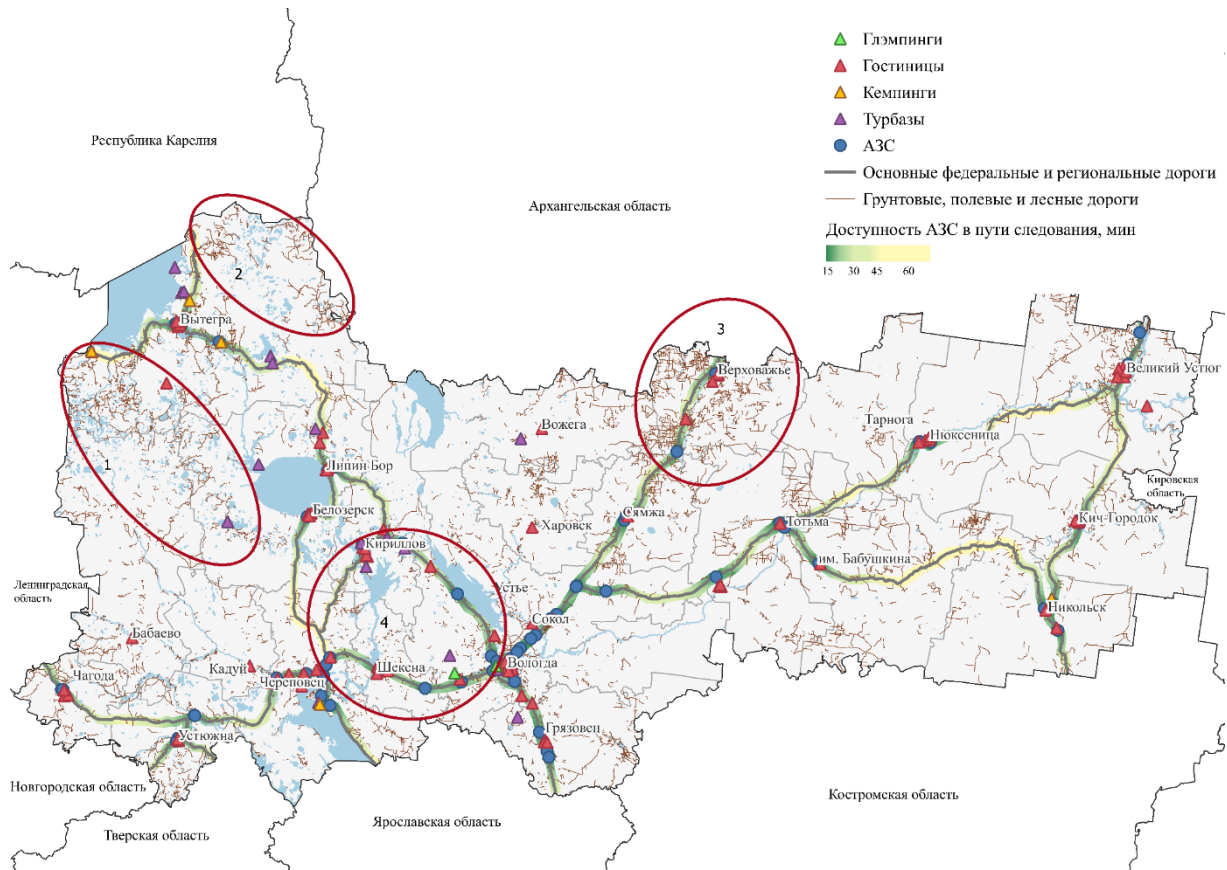

Рис. 5. Транспортная доступность коллективных средств размещения в Вологодской области по показателю времени

Источник: составлено автором.

риторий. Обращает на себя внимание незначительное количество глэмпингов и кемпингов в Вологодской области. Глэмпингов всего два, в то время как во многих регионах они получили широкое распространение²⁷. Возведение подобных средств размещения активно поддерживается государством в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Строительство глэмпингов в Вологодской области позволит нарастить туристский поток в муниципалитеты, задействовать природный потенциал регионов, который располагает к развитию экотуризма, и будет способствовать социально-экономическому развитию территорий.

Наличие лесных и полевых дорог может говорить о том, что территории пользуются популярностью у местных жителей и туристов. Такие участки можно рассматривать как потенциальные для построения кемпингов, глэмпингов и экомаршрутов. Территории, характеризующиеся наибольшим количеством подобных дорог, были объединены на карте (см. рис. 5) в полигоны красного цвета. Привлекают внимание участки 1 и 2 (Вытегорский район) с высокой плотностью исследуемых объектов, площади этих участков затрагивают территории соседних регионов. В связи с чем возможно формирование межрегиональных туристских экологических маршрутов.

²⁷ Например, по состоянию на начало июня 2023 года на втором месте по числу функционирующих глэмпингов находится Ленинградская область (43 ед.). Соседние регионы тоже вошли в топ-10: Республика Карелия – 18 ед., Тверская область – 15 ед., Ярославская область – 11 ед. Источник: Названы регионы России с самым большим числом глэмпингов и ценами на них // РБК. URL: <https://realty.rbc.ru/news/649bfcd9a794707bfbdd4b5?from=copy>

Природный потенциал для их реализации представлен различными ООПТ, включающими в себя уникальные карстовые озера. Организация маршрутов возможна по согласованию с Департаментом природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области²⁸. В дальнейшем их можно объединить в Вытегорский туристский кластер. Таким образом, муниципалитету удастся реализовать свой туристско-рекреационный потенциал и увеличить туристский поток.

Участок 3, включающий территорию Верховажского округа, отличается высокой плотностью исследуемых объектов (см. рис. 5), что может указывать на их востребованность среди местного населения и туристов. Несмотря на то, что в абсолютных показателях турпоток в муниципалитет невелик, число лиц, размещенных в КСР в 2022 году, выросло в два раза к 2021 году и на 15% к 2019 году (см. табл. 1). Этому могло способствовать участие региона в акселерационной программе «Вовлечение сельского населения в развитие туризма», где Верховажский округ представлял проект «Территория гостеприимства Рогачиха»²⁹. Развитию туризма также может содействовать расположение региона рядом с федеральной трассой М-8. Средняя интенсивность движения на вологодском участке автотрассы составляет около 7780 автомобилей в сутки³⁰. Разумеется, важно учесть тот факт, что основной поток автомобилистов направлен в Архангельскую область, однако это не отменяет возможности создать точку притяжения туристов в Верховажском округе. Как показал пространственный анализ, дорога М-8 характеризуется самой доступной природо-рожной инфраструктурой для автотуристов

среди исследуемых автотрасс (см. табл. 2). Организация экологического и сельского видов туризма посредством создания турмаршрутов, КСР позволит задействовать туристско-рекреационный потенциал не только региона, но и автомобильной трассы федерального значения.

Участок 4, включающий территории Кирилловского и Череповецкого районов, перспективен для реализации кольцевого автомобильного маршрута для туристов, в особенности за счет использования дороги общего назначения 19Н-022. Большинство турмаршрутов Вологодской области основываются на посещении г. Череповец, Вологда и Кириллов, схема посещения которых представлена углом (например, Вологда – Череповец, Череповец – Вологда – Кириллов). Таким образом, подразумевается постоянное возвращение к точке начала маршрута, чаще всего в Вологду или Череповец, поскольку там размещены аэропорты, крупные железнодорожные вокзалы, а также города связаны качественной дорожной инфраструктурой. В то же время реализация потенциала местной дороги позволит сократить временные издержки на путешествие, сделать уже известный маршрут более гибким для самостоятельных туристов. Небольшой участок 19Н-022 длиной 13 км отремонтирован в 2023 году³¹. На 2024 год интенсивность движения на участке составляет 2391 автомобилей в сутки, однако нормативное состояние дороги – 36%³², что указывает на необходимость ее ремонта. Организация кольцевого маршрута позволит увеличить туристский поток на маршруте, что будет способствовать социально-экономическому развитию прилегающих территорий.

²⁸ Особо охраняемые природные территории // Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Вологодской области. URL: <https://dpr.gov35.ru/deyatelnost/deyatelnost-strukturnykh-podrazdeleniy/deyatelnost-strukturnykh-podrazdeleniy-dpr/osobo-okhranyaemye-prirodnye-territorii>

²⁹ Туристический проект Верховажского района борется за выход в финал всероссийского конкурса // Cultinfo. URL: <https://cultinfo.ru/news/2022/4/turisticheskiy-proekt-verkhovazhskogo-rayona-boret>

³⁰ М-8 «Холмогоры» Москва – Ярославль – Вологда – Архангельск // СКДФ.РФ. URL: <https://скдф.рф/roads/89862>

³¹ Связывающую Череповец и Кириллов дорогу отремонтируют к осени 2023 года // Информационное агентство «ВологдаРегион». URL: <https://vologdaregion.ru/news/2023/5/31/svyazyvayuschuyu-cherepovec-i-kirillov-dorogu-otremontiruyut-k-oseni-2023-goda>

³² Т. е. 36% дорог от всего маршрута соответствует нормативным требованиям. Источник: Автомобильная дорога Воскресенское – Иванов Бор – Кириллов // СКДФ.РФ. URL: <https://скдф.рф/roads/1980044>

В качестве площадок для размещения инфраструктуры предлагаются территории, соседствующие с турцентрами Вологодской области, объектами культурного и природного наследия, а также сельскими поселениями. Рост турпотока позволит раскрыть потенциал малонаселенных территорий, что обусловит их социально-экономическое развитие и вовлечение жителей в сферу туризма.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования рассмотрена специфика придорожной инфраструктуры Вологодской области, что нашло отражение в результатах анализа транспортной доступности исследуемых объектов в пространстве региона. Апробация разработанного подхода на материалах Вологодской области наглядно отразила слабодоступные участки автомобильных трасс, характеризующихся значительными временными издержками на перемещение между АЗС по пути к крупным туристским центрам. Результаты геоинформационного моделирования показали, что на периферийных территориях, где расположены центры притяжения туристов (г. Великий Устюг, Тотма, Вытегра), транспортная доступность придорожной инфраструктуры низкая в силу незначительного количества АЗС на маршрутах в целом.

Следует констатировать, что в ближайшем будущем устойчивый спрос россиян на автопутешествия сохранится. На это указывают данные социологических опросов ВЦИОМ. В целях усиления позиций в борьбе за внутреннего потребителя тур-услуг Вологодской области следует уделить внимание повышению уровня транспортной доступности объектов придорожной и дорожной инфраструктуры. Основываясь на

результатах осуществленной работы, выделим следующие направления, которые будут способствовать этому.

1. Разработка региональной концепции развития придорожного сервиса, создание которой активно поддерживается в рамках реализации Концепции развития автомобильного туризма в РФ до 2035 года³³. Документ позволит очертить векторы развития данного сектора в регионе, разработать меры поддержки в целях привлечения инвесторов к развитию придорожной инфраструктуры. В вопросах развития автотуризма и повышения уровня транспортной доступности туристских территорий примечателен опыт Республики Башкортостан³⁴, где в результате реализации подобного стратегического документа зафиксирован значительный рост объектов придорожной инфраструктуры. Так, в республике в период 2011–2024 гг. появилось 877 новых АЗС, 881 модернизирована³⁵.

2. Обновление дорожного полотна в целях обеспечения безопасной, быстрой и комфортной поездки автотуристов. Согласно данным Вологдастата, по состоянию на 2023 год 66% автомобильных дорог общего пользования Вологодской области не отвечают нормативным требованиям. В связи с этим растет необходимость приведения автодорог в нормативное состояние, в первую очередь на маршрутах, ведущих к центрам притяжения туристов. Обновление дорожного покрытия возможно в рамках национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги». Только за 2024 год в регионе было отремонтировано около 400 км дорог³⁶. Качественные автомобильные дороги позволят туристам сократить время в пути и использовать его непосредственно на туристскую деятельность.

³³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2024 г. № 1025-р. URL: <http://government.ru/docs/all/153130>

³⁴ Концепция развития придорожного сервиса на территории Республика Башкортостан на 2020–2024 гг. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570973408>

³⁵ Радий Хабиров рассказал о поддержке сферы придорожного сервиса в Башкирии // МК.RU. URL: <https://ufa.mk.ru/economics/2024/10/28/radiy-khabirov-rasskazal-o-podderzhke-sfery-pridorozhnogo-servisa-v-bashkirii.html>

³⁶ В Вологодской области сдали в 1,4 раза больше отремонтированных дорог // ТАСС. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/19235123>

3. Формирование условий для строительства многофункциональных зон придорожного сервиса и модернизации существующих АЗС по современным стандартам. На основе полученных результатов геоинформационного моделирования предложены варианты модернизации маршрутов посредством организации дополнительных объектов придорожной и туристской инфраструктуры с учетом имеющегося туристско-рекреационного потенциала территорий. Важность расширения сети придорожной инфраструктуры в регионах РФ обозначена также в специальной программе развития туриз-

ма с участием малого и среднего бизнеса³⁷, что вновь подтверждает актуальность проведенного анализа.

Научная новизна исследования заключается в разработке методического подхода к определению транспортной доступности объектов придорожной инфраструктуры. Результаты обладают практической значимостью, поскольку наглядно демонстрируют слабо доступные участки дорожной сети. Они могут быть использованы органами власти при проектировании и модернизации объектов транспортной, придорожной и туристской инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Валькова Т.М., Шабалин А.Д., Шабалина Н.В. (2019). Особенности развития автомобильного туризма в России // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: Естественные науки. № 3. С. 56–66. DOI: 10.18384/2310-7189-2019-3-56-66
- Лавриненко П.А., Ромашина А.А., Степанов П.С., Чистяков П.А. (2019). Транспортная доступность как индикатор развития региона // Проблемы прогнозирования. № 6 (177). С. 136–146.
- Леонидова Е.Г., Кудревич А.Ю. (2022). Оценка временной доступности придорожного сервиса в регионе в контексте роста потребления туристских услуг // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 39–56. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.4
- Леонидова Е.Г. (2021). Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4
- Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. (2020). К вопросу об активизации потребительского и инвестиционного внутреннего спроса // Проблемы развития территории. № 1 (105). С. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4
- Павлюк Я.В., Алейников А.С. (2019). Особенности геоинформационного моделирования туристско-рекреационного потенциала (на примере Белгородской области) // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. Т. 5. № 2. С. 26–45. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-4
- Потапов И.А. (2016). Методические подходы к анализу транспортно-географического положения рекреационных объектов (на примере Архангельской области) // Сервис в России и за рубежом. Т. 10. № 4 (65). С. 43–55. DOI: 10.12737/20182
- Романова И.А. (2013). Проблемы развития автомобильного туризма в России // Известия Сочинского гос. ун-та. № 4-1 (27). С. 159–164.
- Рубцов С.В. (2013). Методический подход к размещению сервисных зон автотуризма // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. № 1. С. 33–39.
- Сафиуллин М.Р. (2021). Придорожный сервис региона как условие развития внутреннего туризма (на примере Республики Башкортостан) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7. № 1. С. 170–174. DOI: 10.37279/2309-7663-2021-7-1-170-174

³⁷ Предприниматели могут онлайн подать заявку на участие в проектах по созданию инфраструктуры для автотуризма // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/predprinimateli_mogut_onlayn_podat_zayavku_na_uchastie_v_proektah_po_sozdaniyu_infrastruktury_dlya_avtoturizma.html

- Цветков А.Ю. (2022). Логистические основы развития арктического туризма в России // Арктика и Север. № 46. С. 190–204. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.190
- Шелег Н.С., Коротыш Д.П. (2020). Экономико-географическая оценка потенциала объектов придорожного сервиса на магистральных автомобильных дорогах Республики Беларусь // Весці БДПУ. Т. 3. № 1. С. 62–68.
- Штейнгольц Б.И., Назаркина В.А. (2015). Автомобильный туризм в современной России: точки роста // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 4 (22). С. 225–231.
- Якунин П.Н. (2011). Оценивание транспортной доступности для целей организации предпринимательской деятельности по доставке туристов в удаленные дестинации // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 6. № 4. С. 160–170.
- Canh N.P., Thanh S.D. (2020) Domestic tourism spending and economic vulnerability. *Annals of Tourism Research*, 85. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103063
- Debooshere R., El-Geneidy A.M., Levinson D. (2018). Accessibility-oriented development. *Journal of Transport Geography*, 70, 11–20. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2018.05.015
- Mansour S., Alahmadi M., Abulibdeh A. (2022). Spatial assessment of audience accessibility to historical monuments and museums in Qatar during the 2022 FIFA World Cup. *Transport Policy*, 127, 116–129. DOI: 10.1016/j.tranpol.2022.08.022
- Niedzielska M.A., Kucharski R. (2019). Impact of commuting, time budgets, and activity durations on modal disparity in accessibility to supermarkets. *Transportation Research Part D*, 75 (1), 106–120.
- Niemeier D.A. (1997). Accessibility: an evaluation using consumer welfare. *Transportation*, 24, 377–396. Available at: <https://doi.org/10.1023/A:1004914803019>
- Romo-Martin A., Perez-Acebo H. (2019). Service and rest areas in toll motorways in Poland: Study of distribution and facilities. *Transport Problems*, 14, 155–164. DOI: 10.20858/tp.2019.14.2.14
- Śleszyński P., Olszewski P., Dybicz T., Goch K., Niedzielski M. (2023). The ideal isochrone: Assessing the efficiency of transport systems. *Research in Transportation Business & Management*, 46. DOI: 10.1016/j.rtbm.2021.100779
- Tahmasbi B., Haghshenas H. (2019). Public transport accessibility measure based on weighted door to door travel time. *Computers, Environment and Urban Systems*, 76, 163–177.
- Tao S., Corcoran J., Rowe F., Hickman M. (2018). To travel or not to travel: «Weather» is the question. Modelling the effect of local weather conditions on bus ridership. *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*, 86, 147–167.
- Xu J., Wang P. (2022). Study on distribution characteristic of tourism attractions in international cultural tourism demonstration region in South Anhui in China. *PLoS ONE*, 17. DOI: 10.1371/journal.pone.0269948

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арина Юрьевна Кудревич – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: arina.kudrevich@yandex.ru)

Kudrevich A.Yu.

SPATIAL ANALYSIS OF TRANSPORT ACCESSIBILITY OF ROADSIDE INFRASTRUCTURE FACILITIES: THE VOLOGDA REGION CASE

Restrictions by Western countries on Russian tourists, rising prices for railroad tickets and airline tickets have intensified demand for independent road trips. The growing number of road tourists

has attracted additional attention of the authorities to the issues of accessibility of the country's roadside infrastructure, including gas stations. The importance of creating comfortable and safe conditions for car travel around the country, including in promising regions, has increased. The Vologda Region, with its natural and cultural tourist potential, is a promising region for the development of motor tourism. In this regard, the aim of the study is to analyze the transport accessibility of the Vologda Region roadside infrastructure for motor tourists. In the course of the work, we applied general scientific research methods such as analysis, synthesis, comparison, generalization, as well as geoinformation modeling in the QGIS software environment. On the basis of the developed methodological approach that allows estimating time costs between gas stations, we identified road sections with a lack of transport infrastructure facilities, and proposed promising options for additional location of such facilities. The scientific novelty of the research consists in the development of a methodological approach to determining the transport accessibility of objects of tourist interest, including roadside infrastructure, taking into account temporal and spatial characteristics. The information base is formed by the works of Russian and foreign scientists dealing with the problems of transport accessibility of roadside and tourist infrastructure objects, official statistical data, the results of sociological surveys. The findings are of practical relevance, allowing the identification of road sections with poor infrastructure, the transformation of which would improve road safety and travel comfort. This will help to increase the demand for tourist products of the Vologda Region. The research results can be taken into account by the authorities in the design and modernization of transport, roadside and tourist infrastructure facilities.

Tourism, domestic tourism, automobile tourism, transport accessibility, roadside infrastructure, Vologda Region.

REFERENCES

- Canh N.P., Thanh S.D. (2020) Domestic tourism spending and economic vulnerability. *Annals of Tourism Research*, 85. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103063
- Debooshere R., El-Geneidy A.M., Levinson D. (2018). Accessibility-oriented development. *Journal of Transport Geography*, 70, 11–20. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2018.05.015
- Lavrinenko P.A., Romashina A.A., Stepanov P.S., Chistyakov P.A. (2019). Transport accessibility as an indicator of regional development. *Problemy prognozirovaniya= Studies on Russian Economic Development*, 6(177), 136–146 (in Russian).
- Leonidova E.G. (2021). Russian tourism during the COVID-19: Assessing effect of stimulating domestic demand for the country and regions' economy. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4 (in Russian).
- Leonidova E.G., Kudrevich A.Yu. (2022). Assessment of the time accessibility of rest areas in the region in the context of the growth of tourism services consumption. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(5), 39–56. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.4 (in Russian).
- Leonidova E.G., Rumyantsev N.M. (2020). Revisiting the increasing consumer and investment domestic demand. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 1(105), 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4 (in Russian).
- Mansour S., Alahmadi M., Abulibdeh A. (2022). Spatial assessment of audience accessibility to historical monuments and museums in Qatar during the 2022 FIFA World Cup. *Transport Policy*, 127, 116–129. DOI: 10.1016/j.tranpol.2022.08.022
- Niedzielskia M.A., Kucharskib R. (2019). Impact of commuting, time budgets, and activity durations on modal disparity in accessibility to supermarkets. *Transportation Research Part D*, 75(1), 106–120.

- Niemeier D.A. (1997). Accessibility: an evaluation using consumer welfare. *Transportation*, 24, 377–396. Available at: <https://doi.org/10.1023/A:1004914803019>
- Pavlyuk Ya.V., Aleinikov A.S. (2019). Features of geoinformational modeling of tourism and recreational potential (on the example of the Belgorod region). *Nauchnyi rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa=Research Result. Business and Service Technologies*, 5(2), 26–45. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-4 (in Russian).
- Potapov I.A. (2016). Methodological approaches to the analysis of transport-geographical location of recreational objects (the example of Arkhangelsk region). *Servis v Rossii i za rubezhom*, 10, 4(65), 43–55. DOI: 10.12737/20182 (in Russian).
- Romanova I.A. (2013). Problems of automobile tourism development in Russia. *Izvestiya Sochinskogo gos. un-ta*, 4-1(27), 159–164 (in Russian).
- Romo-Martin A., Perez-Acebo H. (2019). Service and rest areas in toll motorways in Poland: Study of distribution and facilities. *Transport Problems*, 14, 155–164. DOI: 10.20858/tp.2019.14.2.14
- Rubtsov S.V. (2013). Methodological approach to the location of service zones of motor tourism. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, 1, 33–39 (in Russian).
- Safullin M.R. (2021). Roadside service of the region as a condition for the development of domestic tourism (on the example of the Republic of Bashkortostan). *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, 7(1), 170–174. DOI: 10.37279/2309-7663-2021-7-1-170-174 (in Russian).
- Sheleg N.S., Korotysh D.P. (2020). Economic-geographic estimation of potential of road service on the highways of the Republic of Belarus. *Vestsi BDPU*, 3(1), 62–68 (in Russian).
- Shteingol'ts B.I., Nazarkina V.A. (2015). Automobile tourism in modern Russia: Points of growth. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 4(22), 225–231 (in Russian).
- Śleszyński P., Olszewski P., Dybicz T., Goch K., Niedzielski M. (2023). The ideal isochrone: Assessing the efficiency of transport systems. *Research in Transportation Business & Management*, 46. DOI: 10.1016/j.rtbm.2021.100779
- Tahmasbi B., Haghshenasa H. (2019). Public transport accessibility measure based on weighted door to door travel time. *Computers, Environment and Urban Systems*, 76, 163–177.
- Tao S., Corcoran J., Rowe F., Hickman M. (2018). To travel or not to travel: “Weather” is the question. Modelling the effect of local weather conditions on bus ridership. *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*, 86, 147–167.
- Tsvetkov A.Yu. (2022). Logistic basis for the development of Arctic tourism in Russia. *Arktika i Sever*, 46, 190–204. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.190 (in Russian).
- Valkova T.M., Shabalin A.D., Shabalina N.V. (2019). Caravanning tourism development in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser.: Estestvennye nauki*, 3, 56–66. DOI: 10.18384/2310-7189-2019-3-56-66 (in Russian).
- Xu J., Wang P. (2022). Study on distribution characteristic of tourism attractions in international cultural tourism demonstration region in South Anhui in China. *PLoS ONE*, 17. DOI: 10.1371/journal.pone.0269948
- Yakunin P.N. (2011). Assessment of transport accessibility for the purposes of organizing entrepreneurial activity on delivery of tourists to remote destinations. *Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A.S. Pushkina*, 6(4), 160–170 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arina Yu. Kudrevich – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: arina.kudrevich@yandex.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.6

УДК 338.01 | ББК 65.05

© Захарова Ж.А., Сураев М.В.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО КЛАСТЕРА ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО МАКРОРЕГИОНА

ЖАННА АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРОВА

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: zjane77@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4384-3940; ResearcherID: AAG-3848-2019

МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ СУРАЕВ

Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина

Звездный городок, Московская область, Российская Федерация

e-mail: msuraev@mail.ru

На фоне нестабильной международной политической обстановки, ограничившей ряд зарубежных туристических направлений и давшей импульс для развития внутреннего туризма, возникла необходимость формирования конкурентоспособной туристско-рекреационной системы, которая может обеспечить запросы потребителей туристско-рекреационных услуг на качественном уровне. Как свидетельствует зарубежный и российский опыт, одной из таких систем выступает отраслевая кластеризация. При этом межрегиональный характер специализированного кластера позволяет достичь синергетического эффекта, что не всегда возможно в рамках одного региона. Цель исследования – определить предпосылки формирования межрегионального туристско-рекреационного кластера Верхневолжского макрорегиона (Владимирская, Ярославская, Ивановская, Костромская области) на основе расчета индекса потенциала кластеризации и рассмотрения показателей развития туристско-рекреационной сферы объединяемых регионов. Отмечается, что на сегодняшний день существуют объективные

Для цитирования: Захарова Ж.А., Сураев М.В. (2024). Предпосылки формирования межрегионального туристско-рекреационного кластера Верхневолжского макрорегиона // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 70–90. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.6

For citation: Zakharova Zh.A., Suraev M.V. (2024). Prerequisites for the formation of interregional tourism and recreation cluster of the Upper Volga macro-region. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 70–90. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.6

предпосылки для формирования межрегионального кластера Верхневолжского макрорегиона в туристско-рекреационной сфере. Вместе с тем указанный факт не приводит к полному и равномерному освоению туристско-рекреационного потенциала региона, что требует придать этим процессам планомерный характер (государственное регулирование). Определены факторы, сдерживающие развитие туристско-рекреационной сферы в формировании межрегионального туристско-рекреационного кластера, и предложены направления совместной работы органов власти интегрируемых регионов для их минимизации. В ходе исследования применялись общенаучные методы (анализ и синтез), экономико-статистические методы, методы идентификации кластеров и оценки потенциала кластеризации регионов. Новизна проведенного исследования заключается в межрегиональном характере оценки потенциала формирования туристско-рекреационного кластера. Указанный аспект повышает ресурсную обеспеченность кластера и создает предпосылки для получения дополнительных положительных эффектов от его функционирования. Результаты работы могут быть интересны профильным структурным подразделениям органов государственной власти регионов (Министерству предпринимательства и туризма Владимирской области, Министерству туризма Ярославской области, Департаменту туризма администрации Ивановской области и Департаменту культуры и туризма администрации Костромской области), а также исследователям, занимающимся вопросами межрегиональной интеграции, неравномерного социально-экономического развития территорий.

Макрорегион, туристско-рекреационный потенциал региона, интеграция, индекс локализации и потенциала кластеризации, туристско-рекреационный кластер.

Введение

Одной из основных проблем, отмеченных в документах стратегического планирования России¹, является высокая дифференциация регионов по показателям социально-экономического развития. Даже в рамках отдельного региона зачастую наблюдаются процессы неравномерного, несбалансированного пространственного развития территории (развивается областной центр и стагнируют сельские поселения). Вместе с тем территория региона может обладать множеством положительных характеристик. Однако существует ряд противоречий, которые сводят на нет его привлекательность (Zakharova, Vogatyrev, 2020). При этом одним из инструментов сглаживания межтерриториальных диспропорций в социально-экономическом развитии и разрешении противоречий регионального развития является межрегиональная интеграция.

На сегодняшний день процессы интеграции, формирования макрорегионов в большей степени носят объективный характер. Необходимо отметить, что в первую очередь речь идет не о простом объединении нескольких регионов в один, а об объективных процессах, способствующих формированию единого экономического пространства в определенном направлении. Интеграция способствует повышению эффективности функционирования регионов посредством совместного использования ресурсов, углубления хозяйственных связей, создания новых форм и условий ведения хозяйственной деятельности (Раев, 2023). Несмотря на то, что в документах стратегического планирования говорится о возможностях формирования макрорегионов в определенных направлениях², на практике им уделяется недостаточно внимания.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400; О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208.

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

В работе рассматривается туристическое направление интеграции, хотя существуют и другие направления межрегиональных связей, такие как кооперационные связи технологического характера (например, прядильные предприятия Владимирской области интегрируют с текстильными предприятиями Ивановской области); связи материально-технического снабжения; процессы, связанные с расширением рынка сбыта; организационно-управленческие (появление и развитие крупных структур, функционирующих на территории нескольких регионов); кредитно-финансовые (банки, находящиеся на территории Владимирской, Ивановской областей, являются филиалами более крупных структур, расположенных в Москве и Нижнем Новгороде); направление, связанное с закупочной деятельностью (субъекты хозяйственной деятельности из одного региона выходят на торги, получают контракт и выполняют его в другом регионе); амбициозные проекты, реализуемые на межрегиональном уровне³, финансовое взаимодействие (горизонтальные субсидии и горизонтальные бюджетные кредиты) (Климанов и др., 2021), образовательное и др.

Развитие туристско-рекреационного направления как одного из наиболее перспективных в укреплении межрегиональных связей вызвано прежде всего необходимостью удовлетворения физиологической потребности человека в отдыхе и восстановлении сил, стремлении к перемене мест, расширению кругозора и др. (Bunghez, 2016). В его пользу говорит возможный экономический эффект от развития туристско-рекреационной сферы, так как, по оценкам специалистов, для обслуживания од-

ного туриста в среднем необходимо девять человек⁴. Идея интеграционного объединения и формирования межрегионального туристического кластера неоднократно обсуждалась на уровне правительств Ивановской, Владимирской, Костромской, Ярославской областей. В стратегиях рассматриваемых регионов применяется кластерный подход, в том числе по отношению к сфере туризма⁵. Однако в этих же стратегиях недостаточно внимания уделяется межрегиональному взаимодействию в развитии туристско-рекреационной сферы.

В большинстве исследований также рассматриваются туристско-рекреационные кластеры только отдельно взятых регионов. Примерами таких сформированных кластеров являются туристско-рекреационный кластер в Ярославской области; автотуристский кластер «Золотые ворота» и туристско-рекреационный кластер «Белокуриха» в Алтайском крае (Ахметшина, Зульфакарова, 2016); туристско-рекреационный мегакластер «Усадьбы Подмосковья» в Московской области (Нагорная, Шевцова, 2018); туристско-рекреационный кластер Северо-Кавказских минеральных вод (Киселева и др., 2017) и др. При этом, как показывает практика, для развития кластеров удается привлечь и бюджетные, и внебюджетные инвестиции на принципах государственно-частного партнерства.

В соответствии с современными научными представлениями под кластером понимают цепочку технологически связанных между собой предприятий, объединенных по географическому, логистическому, отраслевому и другим признакам (Бондаренко, 2015). Объединение организаций в кластерные структуры позволяет соединить имею-

³ Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б., Боровкова Н.В. [и др.] (2017). Региональное воспроизводство: фундаментальные вопросы теории и практики (по материалам областей Верхневолжья): науч. изд. / под общ. ред. Е.Е. Николаевой. Иваново: Ивановский гос. ун-т 308 с.

⁴ Данилова Д. (2013). Силки на туриста. Как правильно развивать туризм в России // Русский репортер. № 10 (288). С. 46–49. URL: <http://mediator-rus.com/images/onas/RR-SPECПРОЕКТ-1.pdf>

⁵ Об утверждении стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года: Указ Губернатора Владимирской области от 2 июня 2009 г. № 10 // Официальный сайт Министерства экономического развития и промышленности Владимирской области. URL: <https://econom.avо.ru/strategia>

щийся экономический потенциал и повысить конкурентоспособность кластера в целом. Признаки кластера можно представить правилом четырех «К»:

1) концентрация предприятий одной или смежных отраслей в единой географической точке;

2) конкурентоспособность выпускаемой продукции;

3) конкуренция за завоевание и удержание клиента;

4) кооперация с высокой степенью развитости.

Безусловно, существуют общие базовые черты кластеров, а также определенная отраслевая специфика их построения. Специфика туристско-рекреационного кластера состоит в концентрации на определенной территории различных предприятий и организаций (в основном малого и среднего бизнеса), предлагающих разнообразные туристско-рекреационные услуги (Изиева, Амирова, 2017).

Под туристско-рекреационным кластером в современной литературе понимается система взаимосвязанных фирм, организаций, учреждений и связанных с ними органов государственной исполнительной власти, формирующих и обслуживающих туристические потоки с использованием туристско-рекреационного потенциала региона (Старокожева, Полянских, 2013). Деятельность кластера должна быть направлена не только на использование, но и на наращивание туристско-рекреационного потенциала (сохранение, реновацию и использование природных ресурсов, объектов культурно-исторического наследия, а также строительство, реконструкцию, эксплуатацию объектов туристической индустрии, объектов, предназначенных для санаторно-курортного лечения, медицинской реабилитации и отдыха граждан, добычу и использование природных лечебных ресурсов) (Рунаева, 2016).

В работах для выявления предпосылок, потенциала кластеризации регионов применяются различные подходы, наиболее часто – расчет коэффициента локализации

вида экономической деятельности (Голяшев, Кельман, 2014; Головин, 2016; Гайнанов и др., 2019). Так, В.Н. Андреев, Е.Н. Наумова на основе оценки динамики коэффициентов локализации по видам экономической деятельности в субъектах Северо-Западного федерального округа делают вывод о целесообразности и нецелесообразности формирования региональных и межрегиональных кластеров исследуемых субъектов в различных отраслях (Андреев, Наумова, 2012).

В ряде исследований для оценки потенциала кластеризации видов экономической деятельности региона используется сочетание количественной и качественной оценки. Преимущественно количественная оценка включает расчет коэффициента локализации, хотя в отдельных работах встречаются и ее дополнения. Так, А.А. Батталова количественную оценку наряду с коэффициентом локализации дополняет оценкой социально-экономических параметров отрасли и коэффициентом интеграции. К качественной оценке исследователь относит проведение SWOT-анализа и оценку обеспеченности ресурсной базы предполагаемого кластера. При этом на основе данных расчета коэффициента интеграции и его установленных предельных значений принимается решение о возможности и невозможности создания кластера (Батталова, 2013). О.Н. Кострюкова, Е.Г. Карпова для идентификации кластера в сфере туризма к количественной оценке добавляют качественную: выявление туристской доминанты (причины совершения туристических поездок) на основе статистических данных и экспертной оценки; оценку факторов, способствующих повышению конкурентоспособности кластера (Кострюкова, Карпова, 2011). Д.А. Гайнанов, Р.Ф. Гатауллин, С.Ш. Аслаева, В.А. Головин количественную оценку (коэффициент локализации) дополняют качественной оценкой – вычислением коэффициента интенсивности (эффективности) локализации, который определяется отношением коэффициентов локализации на основе численности занятых и оборота предприятий (Головин, 2018; Гайнанов и др., 2019).

А.Н. Шмидт, А.Ю. Банников для количественной оценки потенциала кластеризации используют комплексный подход, основанный на корреляции таких показателей, как индекс территориальной концентрации («пространственная составляющая»), индекс локализации («экономическая составляющая») и коэффициент душевого производства («социальная составляющая») (Шмидт, Банников, 2016).

Интересны подходы к идентификации кластеров на основе построения математических моделей. Т.К. Кириллова предлагает проводить оценку значимых кластерных групп с помощью программного продукта, базирующегося на алгоритмах иерархического кластерного анализа и методике поиска сгущений⁶. Для оценки специализации пространственно-локализованного рекреационного кластера Т.К. Кириллова и С.И. Носков предлагают математическую динамическую модель оценки взаимовлияния факторов экономического развития территории, позволяющую оценить степень взаимовлияния имеющихся факторов развития и выбрать направления комплексной специализации (Носков, Кириллова, 2013).

В работах Р.И. Сухова, М.В. Якименко, Е.В. Жертовской представлены модели интегрального показателя оценки туристского потенциала, с помощью которых можно проводить комплексную оценку факторов внутренней и внешней среды для создания и функционирования туристско-рекреационного кластера с позиции ресурсного туристского потенциала (Якименко, Жертовская, 2018; Сухов, 2019).

Несмотря на многообразие и комплексность подходов, выявлению потенциала и условий формирования межрегиональных туристических кластеров уделяется недостаточно внимания, хотя для их создания есть определенные предпосылки.

Методология

В основе межрегионального туристско-рекреационного кластера лежат интеграционные процессы, имеющие на первых этапах стихийное начало (Baggio, Sainaghi, 2011) и нуждающиеся впоследствии в государственном регулировании. Масштаб и скорость этих процессов зависят от наличия потенциала кластеризации в туристско-рекреационной сфере объединяющихся регионов.

Для выявления потенциала кластеризации используем расчет коэффициента локализации по виду экономической деятельности (ВЭД) «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» в исследуемых регионах. Чаще всего основными параметрами, используемыми для расчета коэффициента локализации, выступают среднегодовая численность занятых и оборот по ВЭД (McGrath, 2008), хотя в литературе не отрицается возможность применения других параметров: количество новых предприятий, добавленная стоимость⁷. Вместе с тем следует отметить, что ВЭД «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» хотя и является сердцевинной туристско-рекреационной сферы экономики региона, не учитывает в полной мере весь оборот, поступающий от туризма. Так, туристы могут посещать регион, путешествуя на теплоходе по реке Волге, в данном случае они не останавливаются в гостинице и не питаются в ресторанах и кафе, но заказывают экскурсии, посещают музеи, покупают сувенирную продукцию. Поэтому для расчета коэффициента локализации будем использовать такие параметры, как среднегодовая численность занятых по ВЭД «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» (K1) и валовая добавленная стоимость туристской индустрии в экономике субъекта РФ (K2). Следует учесть, что стати-

⁶ Кириллова Т.К. (2013). Формирование пространственно локализованных рекреационных кластеров в экономике региона: дис. ... канд. экон. наук.: 08.00.05: Экономика и управление народным хозяйством: региональная экономика. Улан-Уде. 206 с.

⁷ Handbook of Research on Innovation and Clusters (2008). Ed. by C. Karlsson. Cheltenham (UK), Northampton (USA): Edward Elgar.

стическое наблюдение по последнему индикатору в региональном разрезе ведется только с 2019 года. Как известно, коэффициент локализации показывает, во сколько раз концентрация данного ВЭД региона отличается от среднего уровня по стране (Растворцева, 2018).

Для расчета используем формулу:

$$LQ_x = \frac{X_{ir}/X_{iR}}{X_{Ir}/X_{IR}},$$

где:

X_{ir} – исследуемый параметр отрасли i в регионе r ;

X_{iR} – исследуемый параметр для отрасли i по стране в целом;

X_{Ir} – исследуемый параметр по всей экономике для региона r ;

X_{IR} – исследуемый параметр по всей экономике страны в целом.

Границей отделения специализированных ВЭД от неспециализированных для любого территориального образования является единица. Если $LQ_x > 1$, то это свидетельствует о повышенной локализации данного ВЭД в регионе по сравнению со средним уровнем в стране и целесообразности создания кластера. Соответственно, если во всех исследуемых регионах коэффициент локализации больше 1, то можно говорить о возможности создания межрегионального туристско-рекреационного кластера.

Также в работе был рассчитан индекс потенциала кластеризации (ИПК) по методике А.Н. Шмидт и А.Ю. Банникова. ИПК больше 1 свидетельствует о целесообразности создания кластера. В отличие от методики А.Н. Шмидт и А.Ю. Банникова нами при расчетах индекса локализации был использован не оборот по ВЭД, а показатель валовой добавленной стоимости туристской индустрии в экономике региона.

Далее на основе данных Федеральной службы государственной статистики проводился анализ ключевых показателей развития туристско-рекреационной сферы исследуемых регионов за период с 2005 по 2023 год, а именно: числа коллективных средств

размещения (КСР), санаторно-курортных организаций (СКО) и количества мест в них; численности лиц, размещенных в КСР и СКО; числа дней пребывания в регионе на 1 туриста; дохода на 1 КСР и СКО; числа турфирм и численности обслуженных туристов. Выбранные показатели характеризуют наличие и использование потенциала туристско-рекреационной сферы региона. Выбор периода исследования (2005–2023 гг.) обусловлен необходимостью оценки влияния макроэкономических и глобальных факторов (кризисные явления, пандемия, международная политическая обстановка) на развитие туристско-рекреационной сферы. Анализ показателей за исследуемый период позволит выявить основные тенденции и проблемные участки в развитии туристско-рекреационной сферы объединяемых регионов. При этом результаты проведенного анализа дадут возможность определить основные направления государственного регулирования в развитии межрегионального сотрудничества в туристско-рекреационной сфере.

Результаты

Результаты расчетов индекса локализации и потенциала кластеризации представлены в *табл. 1*.

Согласно расчету коэффициента локализации, на 2022 год значение показателя по среднегодовой численности занятых (К1) больше 1 наблюдается только во Владимирской области, а значение коэффициента локализации по валовой добавленной стоимости (К2) больше 1, наоборот, отмечается во всех регионах (Ивановская, Костромская, Ярославская области), кроме Владимирской области. При этом по последнему показателю Костромской и Ярославской областям в 2022 году удалось нарастить потенциал кластеризации. Вместе с тем все исследуемые регионы имеют потенциал кластеризации в туристско-рекреационной сфере. Конечно, он больше выражен по значениям коэффициента локализации в Ярославской, Ивановской и Костромской областях, ввиду того что

Таблица 1. Коэффициенты оценки потенциала кластеризации

Регион	K1 – коэффициент локализации по среднегодовой численности занятых по ВЭД «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания»			K2 – коэффициент локализации по валовой добавленной стоимости туристской индустрии		ИПК	
	2010 год	2019 год	2022 год	2019 год	2022 год	2019 год	2022 год
Владимирская область	1,4	1,23	1,2	0,9	0,85	4,9	4,53
Ивановская область	0,77	0,9	0,85	1,17	1,1	6,36	5,4
Костромская область	0,74	1,27	0,9	1,17	1,23	1,43	1,37
Ярославская область	0,89	0,9	0,93	1,13	1,35	4,57	5,2

Рассчитано по:
 K1 – Среднегодовая численность занятых в экономике. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-02.htm;
 Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности/ URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-04-2.htm;
 K2 – Валовая добавленная стоимость туристской индустрии экономики субъекта РФ. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FVDS_ti-okved2_vrp.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK;
 ИПК – Численность населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf; Площадь территории регионов РФ. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2F2023%2F04-03%2FqJq0FaE%2FEjegod_02-01_2022.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

туристы посещают эти регионы в рамках круизов по Волге. Однако и Владимирская область имеет хорошие перспективы, так как коэффициент рассчитывался по данным на 2022 год, когда отрасль в регионе еще не в полной мере смогла восстановиться после пандемии коронавируса. Данные расчета индекса потенциала кластеризации подтверждают обозначенные выше аспекты. По всем регионам ИПК больше единицы.

При этом, с точки зрения политэкономического подхода, необходимо учитывать объективные процессы, предпосылки формирования межрегионального туристско-рекреационного кластера Верхневолжского макрорегиона, а именно:

- близкое территориальное расположение регионов к друг другу и к регионам – потенциальным потребителям туристско-рекреационных услуг (Москва, Московская область, Санкт-Петербург⁸, Нижегородская область);

- вхождение исследуемых регионов (Владимирская, Ярославская, Ивановская и Костромская области) в туристический маршрут «Золотое кольцо России»;

- развитую инфраструктуру автомобильного и железнодорожного транспорта: возможности перемещения туристов как

автомобильным транспортом, так и сообщением Ласточка «Москва – Иваново» через Владимир или «Нижний Новгород – Иваново» с расчетом на туристов Москвы, Московской и Нижегородской областей;

- известные дестинации, привлекающие значительное число туристов: город Суздаль (Владимирской области), Плес (Ивановской области), Ростов (Ярославской области) и др.; так, в 2023 году Суздаль посетило 2 млн туристов;

- наличие значительного потенциала водных ресурсов (реки Ока, Клязьма и Волга), что позволяет использовать этот потенциал для развития межрегиональных водных туристических направлений и маршрутов;

- значительную лесистость территорий;

- возможность посещения туристами в рамках одного путешествия сразу нескольких регионов, находящихся в географической близости друг с другом, и др.

В 2022 году по сравнению с 2019 годом индекс потенциала кластеризации в исследуемых регионах, кроме Ярославской области, снижался, что еще раз подчеркивает необходимость определения факторов, сдерживающих развитие туристско-рекреационной сферы и формирование специализированного кластера.

⁸ Сбераналитика. Инфопанель «Туризм». URL: https://tourism.sberanalytics.ru/?instance=tourism&role=tourism2110-depers&period=y2019-12-31&page=1&tgeo_region=%D0%A1%D1%C&hgeo0=1

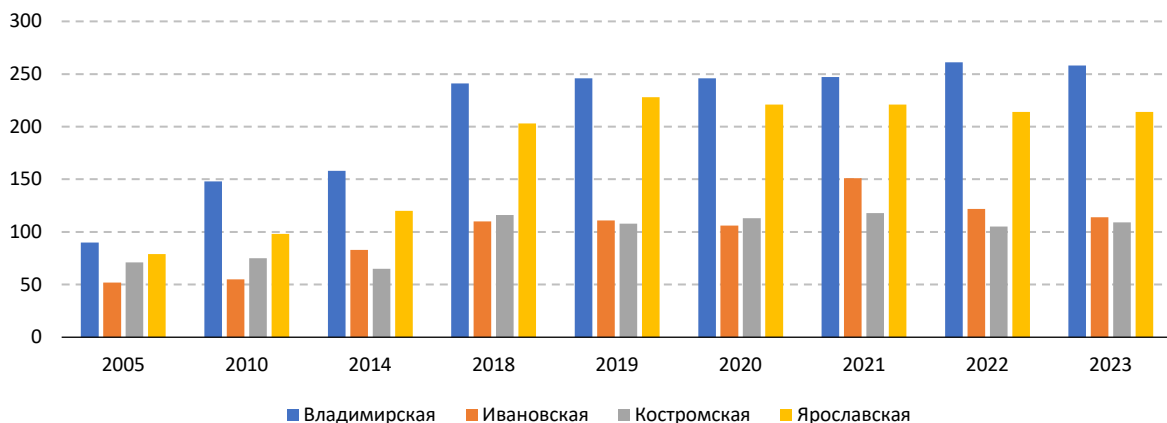

Рис. 1. Число коллективных средств размещения, ед.

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

Число коллективных средств размещения во всех исследуемых регионах за период с 2005 по 2023 год увеличивалось (рис. 1).

Данные свидетельствуют о развитии и, следовательно, востребованности этого направления экономической деятельности. Вместе с тем с 2022 года в связи с санкционной политикой наблюдается незначительное снижение показателя. Наибольшее число коллективных средств размещения на 2023 год зафиксировано во Владимирской (258 ед.) и Ярославской (214 ед.) областях. При этом, несмотря на пандемию, в регионах, кроме Ивановской области, не произошло сильного снижения числа КСР, чему способствовала переориентация на развитие внутреннего туризма.

Наибольшее число мест в КСР характерно для Ярославской области (рис. 2), что может свидетельствовать о наличии среднего и крупного капитала в развитии исследуемого направления в регионе.

Во Владимирской области при росте числа коллективных средств размещения число мест в них практически не увеличилось, что, как и в Ивановской и Костромской областях, свидетельствует о преобладании в туристско-рекреационной сфере малого и среднего предпринимательства (Захарова, Сураев, 2022).

Об использовании туристско-рекреационного потенциала региона свидетельствует показатель численности лиц, размещенных в КСР (рис. 3).

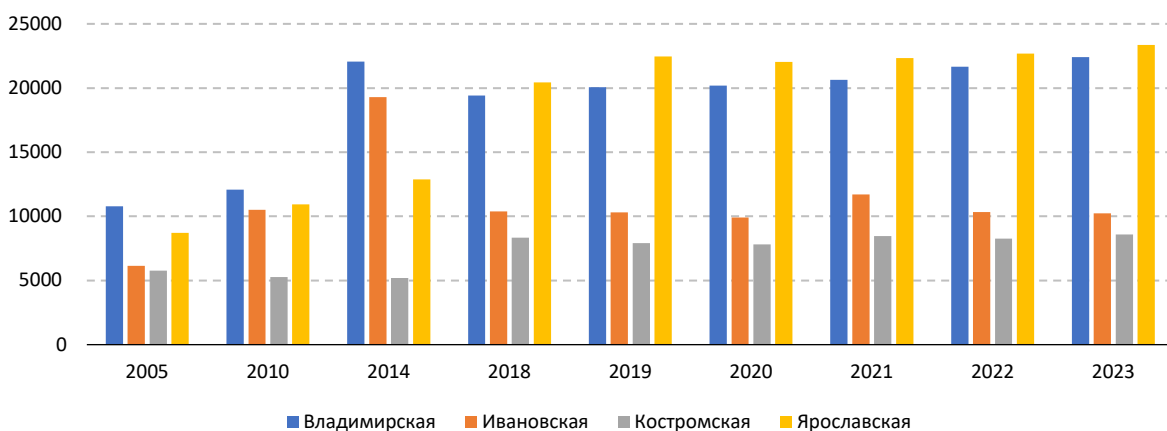

Рис. 2. Количество мест в коллективных средствах размещения

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

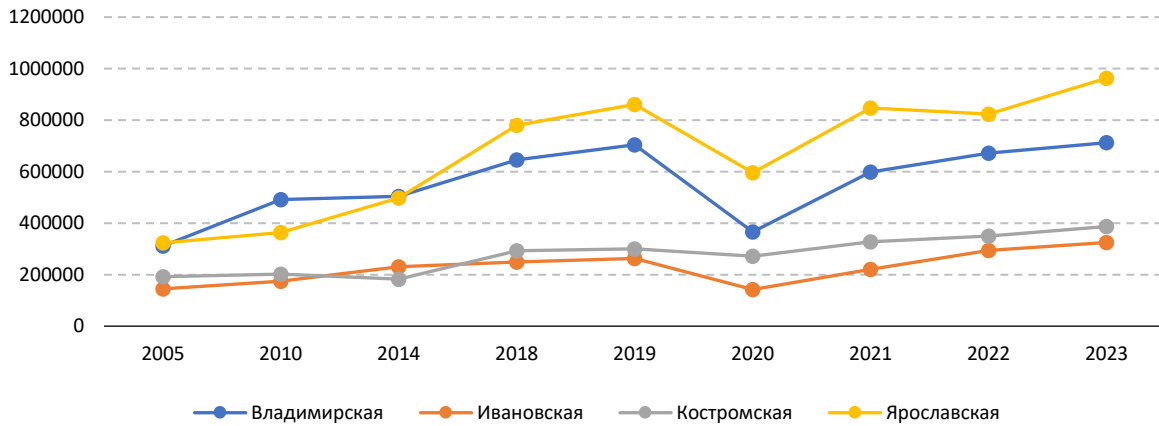

Рис. 3. Численность лиц, размещенных в КСР, чел.

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

Практически на протяжении всего исследуемого периода и в 2023 году наибольшее значение показателя численности размещенных лиц отмечалось в Ярославской области (около 1 млн человек). При этом всем регионам в 2023 году удалось восстановить и превысить значение показателя, фиксируемого до его падения в 2020 году.

В Костромской области по сравнению с Владимирской, Ивановской и Ярославской областями снижение показателя в 2020 году оказалось не таким значительным. Данный факт, скорее всего, свидетельствует о том, что и до 2020 года в регионе преобладал внутренний туризм, а в других субъектах сильное падение прежде всего было вызвано сокращением числа иностранных туристов.

Так, во Владимирской области в 2020 году по сравнению с 2019 годом снижение численности иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения, составило 28 раз, в Ярославской области – 9,5 раза (Захарова, Сураев, 2022).

Еще один показатель развития туристско-рекреационной сферы – среднее число ночевок на одного туриста в коллективных средствах размещения (рис. 4). Наибольшая продолжительность пребывания на территории региона в КСР наблюдается в Ивановской области – 4 ночевки. Во Владимирской, Ярославской и Костромской областях преимущественно число ночевок составляет 3, то есть регионы в основном ориентированы на туристов выходного дня.

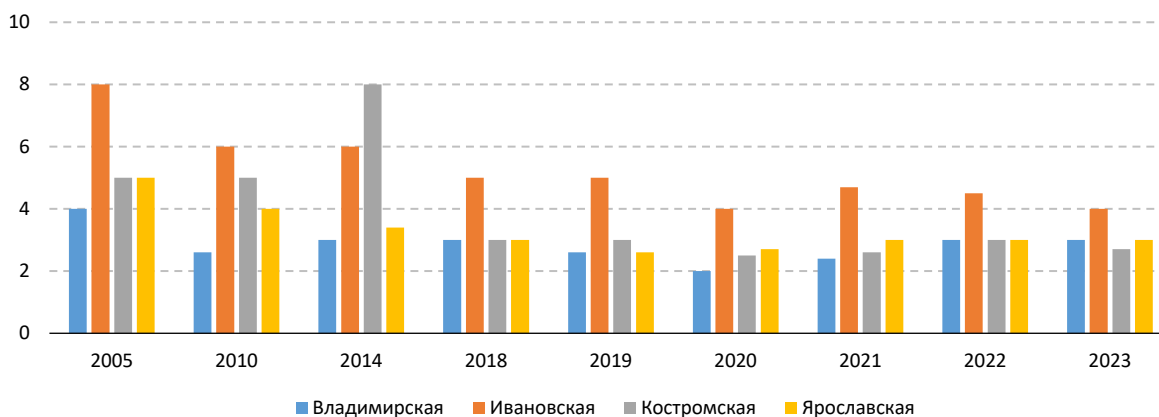

Рис. 4. Число ночевок на одного туриста в коллективных средствах размещения, ед.

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

При этом во всех регионах по сравнению с 2005 годом можно отметить снижение числа ночевки на одного размещенного туриста.

Показатель результативности и эффективности работы туристско-рекреационной сферы – это уровень дохода коллективных средств размещения. По всем исследуемым регионам в 2023 году наблюдался рост среднего показателя дохода на единицу КСР (рис. 5).

Владимирской, Костромской и Ярославской областям уже в 2021 году удалось преодолеть сильное снижение доходности коллективных средств размещения 2020 года в условиях распространения пандемии коронавируса, что свидетельствует о высокой адаптации отрасли, переориентации на внутренний туризм и запросы потребителей туристско-рекреационных услуг.

Самый высокий доход на одно КСР отмечается в Ярославской области – 33,9 млн рублей, что еще раз подчеркивает наличие более крупного капитала в этой сфере, а также возможности предоставления наиболее широкого спектра услуг в гостиничном бизнесе по сравнению с другими регионами.

После 2020 года в связи с высокой заболеваемостью населения коронавирусом и необходимостью восстановления сил после перенесенной болезни во всех регионах наблюдается востребованность такого вида туризма, как реабилитационный, оздоровительный. Данный факт отразился на росте числа санаторно-курортных организаций во Владимирской, Ивановской и Ярославской областях в 2021 году по сравнению с 2020 годом (рис. 6).

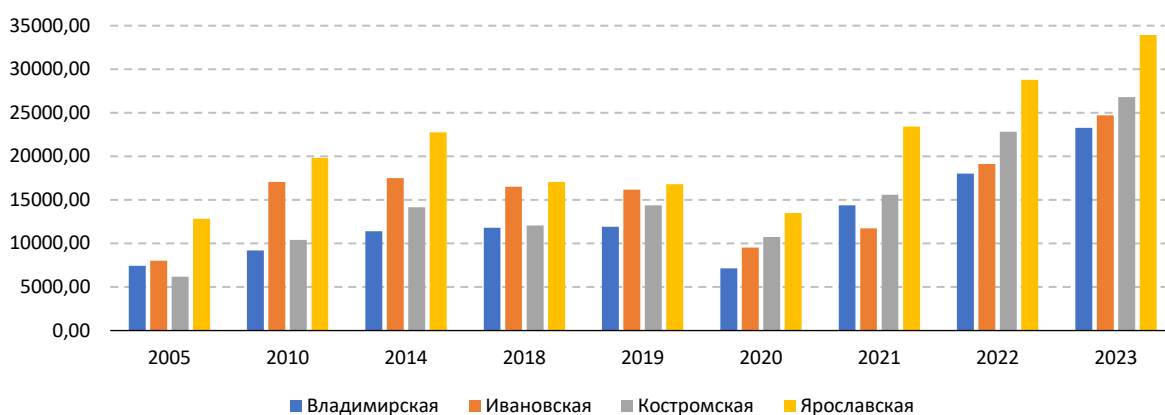

Рис. 5. Средний доход на одно коллективное средство размещения, тыс. руб.

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

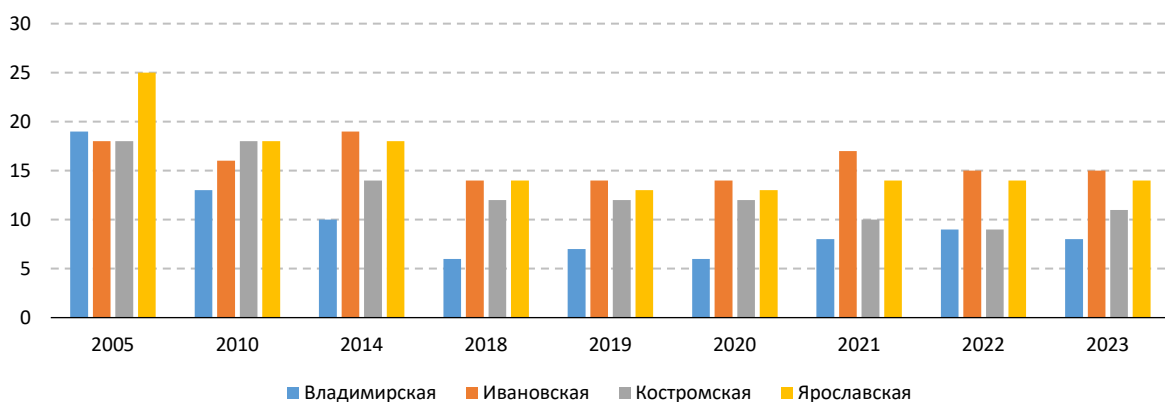

Рис. 6. Число санаторно-курортных организаций, ед.

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

Наибольшее число СКО в 2023 году зафиксировано в Ивановской (15 ед.) и Ярославской (14 ед.) областях, а наименьшее – во Владимирской области (8 ед.). То есть можно сказать, что Владимирская область незначительно специализируется на оздоровительном виде туризма. Это подтверждается данными по показателю числа мест в СКО (рис. 7).

Наибольшее число мест в 2023 году характерно для Ивановской (4293 места) и Ярославской (3951 место) областей. При этом в Ивановской области наблюдается резкое снижение числа мест в СКО по сравнению с 2014 годом, что, скорее всего, связано с закрытием части санаторно-курорт-

ных организаций ввиду снижения спроса и из-за предпочтения россиян оздоравливаться за рубежом. Однако эта тенденция меняется.

По численности размещенных в СКО лиц в 2023 году лидирует Ярославская область (94910 человек; рис. 8).

Однако при меньшем числе мест в СКО и существенном росте численности размещенных лиц можно констатировать наибольшую загруженность СКО Ярославской области по сравнению с СКО Ивановской области. Это свидетельствует о более полном использовании потенциала туристско-рекреационной сферы в Ярославской области, чем в других регионах.

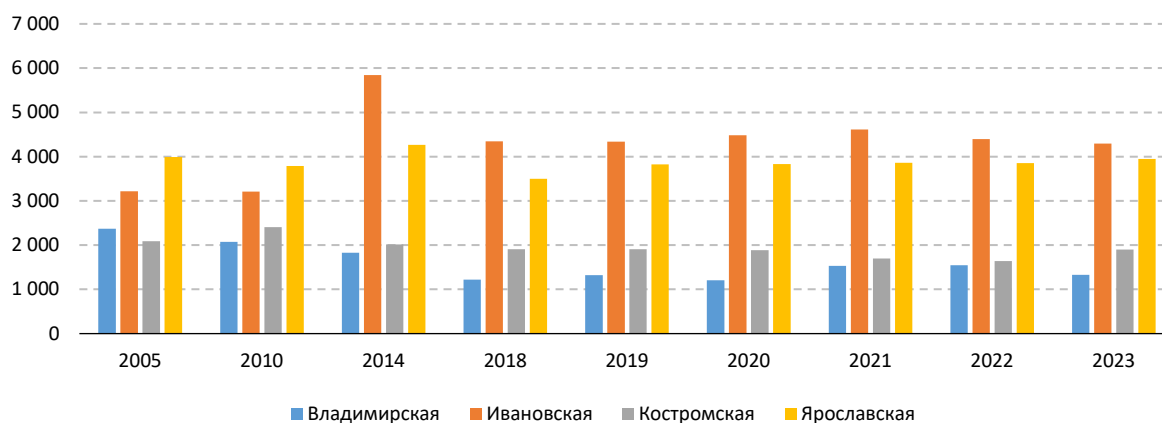

Рис. 7. Число мест в санаторно-курортных организациях, ед.

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

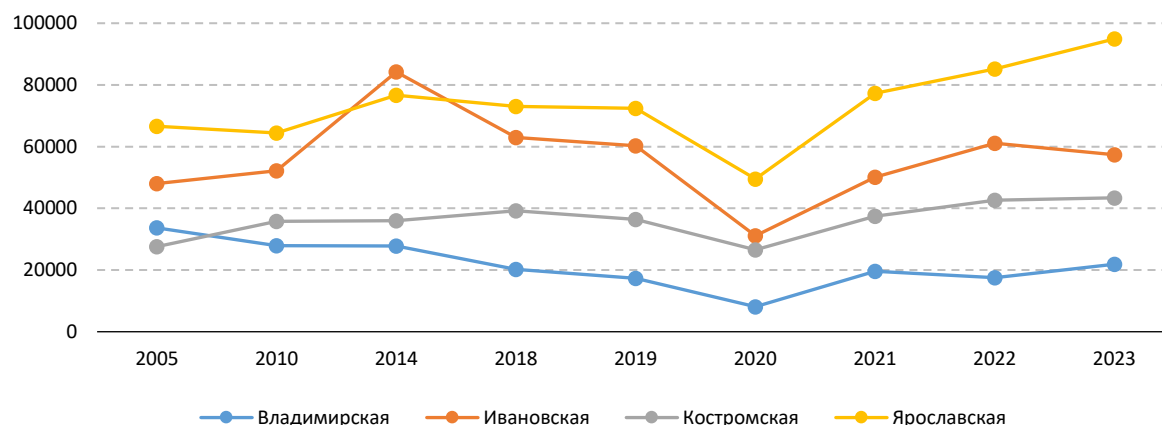

Рис. 8. Численность размещенных в СКО лиц, чел.

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

Однако, если мы рассматриваем такой показатель, как среднее число ночевок в СКО (рис. 9), то наибольшее их число в 2023 году отмечалось во Владимирской и Ивановской областях – по 13 ночевок, в Ярославской – 9, а в Костромской области – 6.

Вместе с тем уровень доходов на одну санаторно-курортную организацию в 2023 году был самым высоким в Ярославской области – 140,1 млн руб. (рис. 10). Данный факт говорит о том, что в рамках меньшего по времени пребывания СКО этого региона удается привлечь большее число туристов

и реализовать спектр более высокооплачиваемых услуг. Самое низкое значение показателя наблюдалось во Владимирской области – 47,9 млн руб.

Следует также отметить, что во всех рассматриваемых регионах средний доход на одно КСР значительно ниже, чем доход на одну СКО. То есть развитие оздоровительного туризма вносит большой вклад в освоение туристско-рекреационного потенциала региона по сравнению с другими видами (историко-познавательным, туризмом выходного дня, деловым, паломническим и др.).

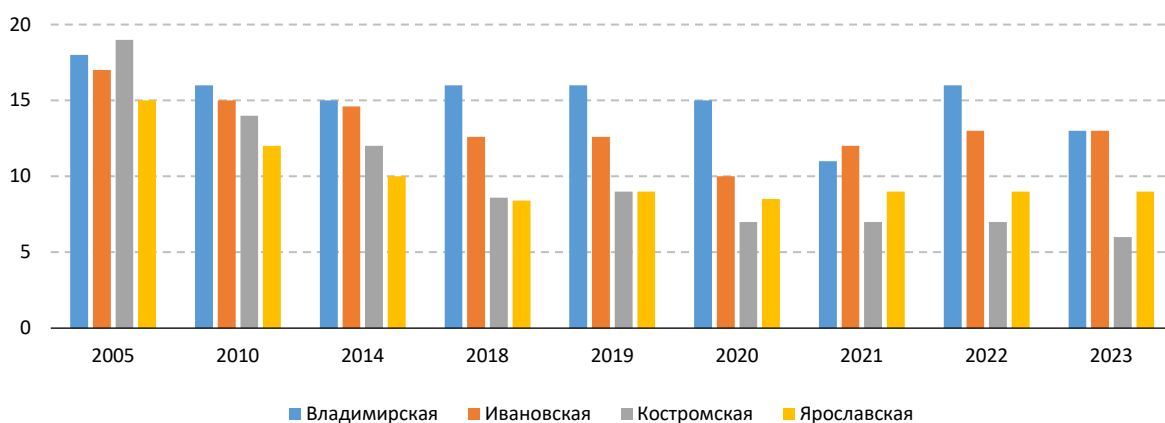

Рис. 9. Среднее число ночевок на одного размещенного в СКО

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

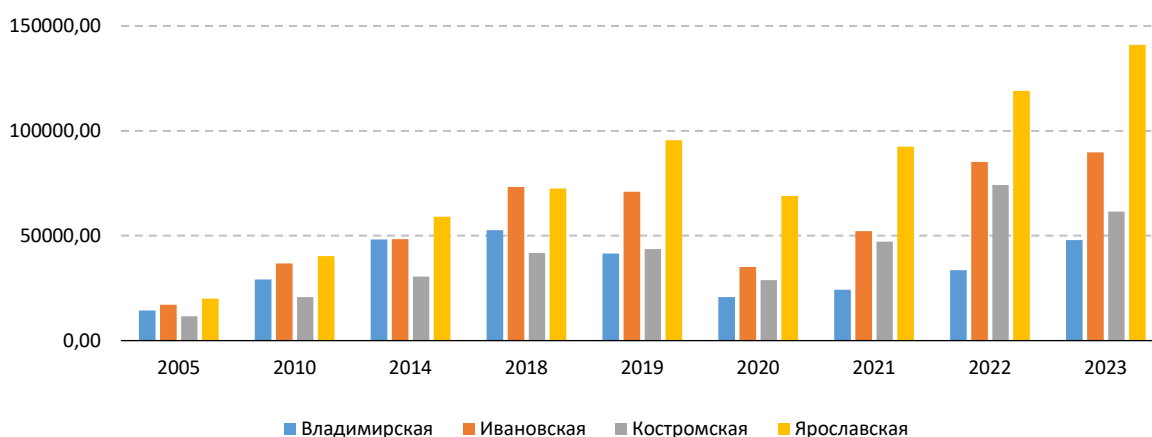

Рис. 10. Доходы на одну СКО, тыс. руб.

Источник: Основные показатели деятельности коллективных средств размещения по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2002 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FKSR_god_sub.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

Еще один анализируемый показатель – число туристических фирм (рис. 11).

Наибольшее число турфирм отмечается во Владимирской (170) и Ярославской (155) областях. При этом во всех регионах в 2023 году по сравнению с 2022 годом наблюдается рост показателя.

Работу в туристической сфере ярко характеризует показатель численности обслуженных туристов (проданных туров; рис. 12–15). В этом смысле первые позиции занимает Ярославская область. В 2023 году туристическими фирмами Ярославской области реализовано более 30 тысяч туров. Невысокие позиции занимает Костромская область (12,38 тыс. реализованных туров).

Интересно, что в 2005 году и с 2020 года во всех исследуемых регионах численность туристов, которые приобрели туры по России, превысила число туристов, отправленных в зарубежные страны. С одной стороны, это является результатом нестабильной политической (начало санкций недружественных стран), экономической (снижение уровня жизни населения) и эпидемиологической обстановки (закрытие границ в результате пандемии коронавируса в 2020 году), с другой стороны, такое положение дел характеризует уровень работы региональных отделений туристических фирм и их способность адаптироваться к изменениям внешней среды,

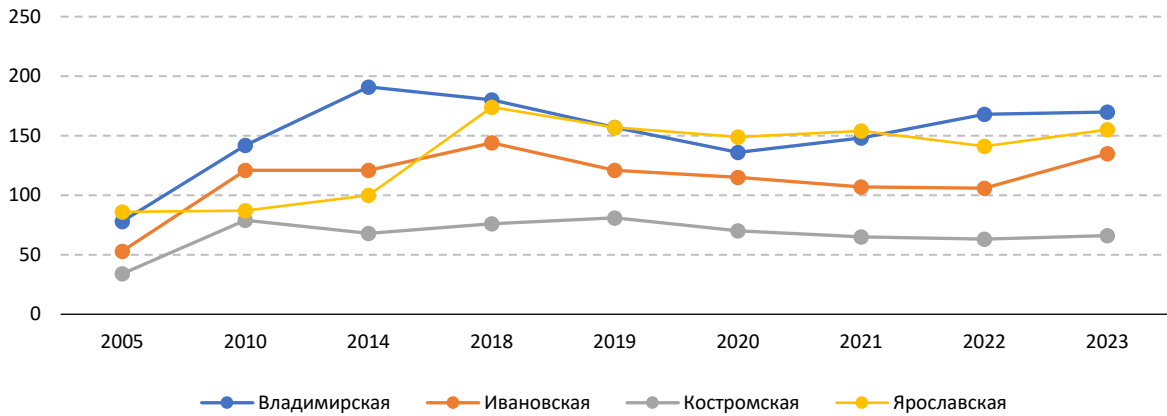

Рис. 11. Число турфирм

Источник: Основные показатели деятельности туристских фирм по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2004 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftur_god_2023.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

Рис. 12. Число турпакетов, реализованных турфирмами Ярославской области

Источник: Основные показатели деятельности туристских фирм по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2004 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftur_god_2023.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK

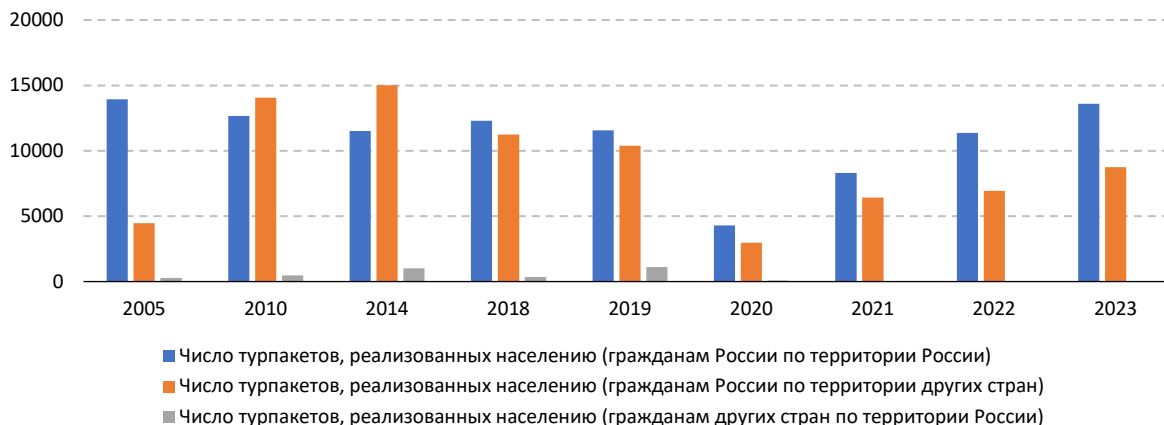

Рис. 13. Число турпакетов, реализованных турфирмами Владимирской области

Источник: Основные показатели деятельности туристских фирм по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2004 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftur_god_2023.xlsx&wdOrigin=BROUSELINK

Рис. 14. Число турпакетов, реализованных турфирмами Ивановской области

Источник: Основные показатели деятельности туристских фирм по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2004 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftur_god_2023.xlsx&wdOrigin=BROUSELINK

Рис. 15. Число турпакетов, реализованных турфирмами Костромской области

Источник: Основные показатели деятельности туристских фирм по Российской Федерации и субъектам Российской Федерации (с 2004 года). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftur_god_2023.xlsx&wdOrigin=BROUSELINK

а также реализовать возможность развития внутреннего туризма.

Таким образом, развитие туристско-рекреационной сферы и процесс формирования межрегионального туристско-рекреационного кластера Верхневолжского макрорегиона сдерживают невысокий уровень загрузки и доходности растущего числа коллективных средств размещения и мест в них (Владимирская, Костромская области); недостаточная диверсификация видов туризма, реализуемых на территории регионов, преобладание туризма выходного дня, историко-познавательного, делового туризма при слабой специализации оздоровительного, экологического и других видов туризма (Владимирская, Костромская область); преобладание в туристско-рекреационной сфере исследуемых регионов малого и среднего предпринимательства, отсутствие крупных структур, что делает эту сферу еще более неустойчивой к воздействиям факторов внешней среды, ограничивает рынок (Владимирская, Ивановская, Костромская область); недостаточно эффективная работа туристических фирм, привлекающих туристов (Ивановская, Костромская область).

То есть потенциал туристско-рекреационной сферы как драйвера социально-экономического развития рассматриваемых регионов используется явно недостаточно.

При этом, как уже отмечалось выше, процессы, связанные с развитием туристско-рекреационного направления, давно набирают обороты, что подтверждается расчетами коэффициента локализации и индекса потенциала кластеризации. В регионах растет число коллективных средств размещения, санаторно-курортных организаций и мест в них, увеличивается число лиц, размещенных в КСО и СКО, количество туристических фирм и др. Однако зачастую эти процессы носят стихийный,

в отдельных случаях экспансионный характер. Результатом является формирование отдельных туристско-рекреационных зон, принимающих на себя основной поток туристов и выполняющих объединительные функции. В то же время в исследуемых регионах есть перспективы развития других территорий (например, Углич и Мышкин в Ярославской области, Муром и Александров во Владимирской области, Юрьево, Палех, Кинешма в Ивановской области). Соответственно, главной задачей органов государственной власти в развитии межрегионального туристско-рекреационного кластера выступает регулирование этих процессов для придания им планомерного характера⁹. Разрабатываемые программные мероприятия должны носить межрегиональный характер и быть направленными на нивелирование факторов, сдерживающих развитие туристско-рекреационной сферы и процесс формирования межрегионального туристско-рекреационного кластера.

Если рассмотреть программы по развитию туризма в объединяемых регионах, то следует отметить отсутствие в них направлений межрегионального сотрудничества. Наиболее существенные цели и объемы финансирования программных мероприятий отмечены в Ярославской области (табл. 2).

Вместе с тем для развития межрегионального туристско-рекреационного кластера необходимы:

- инициирование и реализация совместными усилиями крупномасштабных проектов, требующих значительных инвестиций и представляющих интерес для всех регионов (например, по освоению бассейна рек Волги, Клязьмы);
- совместная работа по привлечению инвесторов в реализацию таких проектов, в том числе на основе механизмов государственно-частного партнерства;

⁹ Бабаев Б.Д., Бабаев Д.Б., Боровкова Н.В. [и др.] (2017). Региональное воспроизводство: фундаментальные вопросы теории и практики (по материалам областей Верхневолжья): науч. изд. / под общ. ред. Е.Е. Николаевой. Иваново: Иван. гос. ун-т. 308 с.

Таблица 2. Направления, целевые ориентиры и объемы финансирования государственных программ по развитию туризма в объединяемых регионах

Государственная программа	Целевые индикаторы программы	Объем финансирования, тыс. руб.
Постановление администрации Владимирской области от 29 января 2021 года № 40 «О государственной программе Владимирской области «Развитие туризма во Владимирской области» (с изменениями на 9 августа 2023 года)	Увеличение числа туристских поездок к 2030 году – не менее 1,26 млн человек; количество общественных инициатив, направленных на развитие туризма, обеспеченных грантовой поддержкой, к 2030 году – не менее 136 проектов	657254,8
Постановление Правительства Ярославской области от 27 марта 2024 года № 403-п. «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Развитие туризма и индустрии гостеприимства в Ярославской области» на 2024–2030 годы»	Увеличение числа туристских поездок к 2030 году – до 2,3 млн человек; обеспечение граждан современной туристической инфраструктурой, в том числе посредством увеличения номерного фонда до 9456 единиц, к 2030 году; увеличение поддержанных общественных и предпринимательских инициатив, направленных на развитие туризма, до 15 единиц к 2030 году; увеличение средней численности работников туристической индустрии до 12,6 тыс. человек к 2030 году	3021158,2
Постановление Правительства Ивановской области от 6 декабря 2017 года № 455-п (ред. от 15.12.2021) «Об утверждении государственной программы Ивановской области «Развитие культуры и туризма в Ивановской области»	Увеличение общего объема туристского потока в Ивановскую область в 2024 году до 956 тысяч человек	389354,8
Постановление администрации Костромской области от 24 июля 2023 года № 308-а «Об утверждении государственной программы Костромской области «Развитие туризма в Костромской области»	Рост доли туристов в общей структуре туристического потока до 65%; обеспечение прироста туристического потока до 1,3 млн человек в 2030 году	113260,0
Составлено по: СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/407428774/?ysclid=m2isu20bof429670188		

– разработка и реализация совместно государственных программ развития территорий, способствующих диверсификации видов туризма, например «Государственной программы по развитию реабилитационно-го туризма»;

– поддержка туристических фирм при реализации туристических продуктов на территории объединяемых регионов;

– совместная работа по подаче заявок на получение ресурсов федерального центра для развития межрегиональной инфраструктуры в рамках формирующегося туристско-рекреационного кластера.

Выводы

Хотя интеграционные процессы регионов нашли отражение в документах стратегического развития федерального центра, на сегодняшний день органами государственной власти субъектов РФ каких-либо значимых действий в их формировании и развитии не предпринимается. Вместе с тем

в определенных направлениях (производственное, управленческое, образовательное, экономическое, финансовое, туристско-рекреационное и др.) наблюдаются объективные процессы объединения регионов, формирующих единое экономическое пространство (макрорегионов).

Туристско-рекреационное направление как одно из наиболее перспективных направлений интеграции давно набирает обороты, что подтверждают расчеты коэффициента локализации, индекса потенциала кластеризации исследуемых регионов и данные статистики. Этот факт связан как с востребованностью туристско-рекреационной сферы со стороны населения (высокий уровень урбанизации, высокий темп жизни, экономической активности приводят к желанию отдохнуть, восстановить силы и др.), так и со стороны предпринимателей (рост числа коллективных мест размещения, санаторно-курортных организаций, номеров и мест в них, числа тури-

стических фирм и др.). Однако туристско-рекреационный потенциал как драйвер социально-экономического развития рассматриваемых регионов используется недостаточно, наблюдается неравномерное освоение этого потенциала на территории регионов, в связи с чем требуется совместная работа органов государственной власти по развитию межрегионального туристско-рекреационного кластера (совместные проекты, программы, совместная подача заявок на получение ресурсов федерального центра и др.), позволяющая сгладить противоречие между потенциалом саморазвития туристско-рекреационной сферы объединяемых регионов и возможностями его реализации.

Создание межрегионального туристско-рекреационного кластера регионов Верхневолжья приведет к оптимизации экономической деятельности, что будет означать устранение межрегиональных диспропорций, структурные сдвиги в экономике; наиболее полному освоению и наращиванию туристско-рекреационного потенциала объединяемых регионов; ускорению экономического роста в результате сочетания стихийных процессов интеграционного характера с регулирующими воздействиями органов государственной власти; расширению туристского рынка и повышению его

конкурентоспособности; созданию условий для ускоренного развития туристско-рекреационной сферы объединяемых регионов; повышению привлекательности объединяемых регионов как сферы активного предпринимательства и делового сотрудничества; формированию положительного образа регионов и др.

Таким образом, в результате исследования обоснованы предпосылки и определен потенциал кластеризации регионов Верхневолжья в туристско-рекреационной сфере, отличающийся использованием при его расчете параметра валовой добавленной стоимости туристской индустрии в экономике региона; выявлены факторы, сдерживающие развитие туристско-рекреационной сферы в формировании специализированного кластера с учетом межрегионального характера; определены направления совместной работы органов власти интегрируемых регионов для их минимизации. Результаты исследования могут быть использованы в целях развития региональной отраслевой экономики в части сокращения пространственной неравномерности при формировании межрегиональных кластеров в туристско-рекреационной сфере, что обеспечивает их вклад в теорию и практику кластеризации региональных социально-экономических систем.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В.Н., Наумова Е.Н. (2012) Подходы к оценке эффективности функционирования региональных кластеров // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. № 4. С. 34–41.
- Ахметшина Э.Р., Зулфикарова Л.Ф. (2016). Туристско-рекреационный кластер – оптимальный объект для реализации механизма государственно-частного партнерства // Вестник экономики, права и социологии. № 3. С. 13–16.
- Батталова А.А. (2013). Оценка потенциала кластеризации отрасли // Наукоедение. Вып. 6. С. 1–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-potentsiala-klasterizatsii-otrasli/viewer> (дата обращения 02.11.2024).
- Бондаренко В.А. (2015). О ключевых характеристиках кластера и соотношении понятия «кластер» в зарубежной и отечественной литературе // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. № 8. С. 29–33.
- Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш. (2019). Локализация и эффективность видов экономической деятельности в Республике Башкортостан // Вестник Томского гос. ун-та. Экономика. № 47. С. 67–79. DOI: 10.17223/19988648/47/5

- Головин В.А. (2016). Методические подходы к количественной оценке региональных экономических кластеров // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. № 4 (44). С. 17–26.
- Головин В.А. (2018). Графическая модель динамической оценки эффективности регионального экономического кластера // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 141–158.
- Голяшев А.В., Кельман Ю.В. (2014). Индекс локализации в социальной и экономической географии: традиция и новые подходы // Мир науки, культуры, образования. № 3 (46). С. 376–380.
- Захарова Ж.А., Сураев М.В. (2022). Проблемы и перспективные направления развития туристско-рекреационной сферы региона в условиях пандемии COVID-19 // Региональная экономика: теория и практика. Т. 20. № 4 (499). С. 775–796. DOI: 10.24891/re.20.4.775
- Изиева З.М., Амирова М.М. (2017). Туристический кластер в стратегии развития региона // Экономика и предпринимательство. № 9-3 (86). С. 1040–1042.
- Киселева Н.Н., Орлянская А., Иляева Ю. (2017). Развитие Кавказских Минеральных Вод в контексте политики импортозамещения на туристическом рынке России // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. № 4 (439). С. 658–675 DOI: 10.24891/re.15.4.658
- Климанов В.В., Казакова С.М., Яговкина В.А. (2021). Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления // Регионология. Т. 29. № 2 (115). С. 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282
- Кострюкова О.Н., Карпова Е.Г. (2011). Методы идентификации туристических кластеров в системе регионального туризма // Проблемы современной экономики. № 4. С. 374–378.
- Нагорная М.С., Шевцова В.В. (2018). Практика государственно-частного партнерства в сфере сохранения культурного наследия России // Управление в современных системах. № 1 (17). С. 34–43.
- Носков С.И., Кириллова Т.К. (2013). Математическая модель взаимовлияния факторов экономического развития территории // Фундаментальные исследования. № 6-4. С. 892–894.
- Раев Ю.В. (2023). Оптимизация пространственного развития макрорегиона (региона) на основе программно-целевого и кластерного подходов на примере Центрального федерального округа Российской Федерации // Градостроительство. № 1-2 (83-84). С. 22–36.
- Растворцева С.Н. (2018). Экономическая эффективность регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 1. С. 84–99. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.6
- Рунаева А.И. (2016). Классификация собственности в туристско-рекреационном кластере // Новая наука: стратегии и векторы развития. № 11. С. 254–257.
- Старокожева Г.И., Полянских Е.А. (2013). Кластеризация как основа модернизации индустрии туризма в регионах РФ // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер.: Экономика. Экология. № 1. С. 108–114.
- Сухов Р.И. (2019). Определение совокупности факторов, определяющих условия для создания и функционирования туристско-рекреационного кластера с позиции ресурсного туристского потенциала: географический и историко-культурный аспекты // Успехи современного естествознания. № 10. С. 113–119. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37223> (дата обращения 02.11.2024).
- Шмидт А.Н., Банников А.Ю. (2016). Подходы к идентификации региональных кластеров // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. № 1 (13). URL: <https://regrazvitie.ru/podhody-k-identifikatsii-regionalnyh-klasterov> (дата обращения 02.11.2024).
- Якименко М.В., Жертовская Е.В. (2018). Разработка интегрального показателя оценки туристского потенциала с позиции применения кластерного подхода к развитию туризма // Инженерный вестник Дона. № 4 (51). С. 77.
- Baggio R., Sainaghi R. (2011). Complex and chaotic tourism systems: towards a quantitative approach. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 3 (6), 840–861.

- Bunghez C.L. (2016). The importance of tourism to a destination's economy. *Journal of Eastern Europe Research in Business & Economics*, 20, 1–9.
- McGrath H. (2008). *Industrial Clusters in Local and Regional Economies: A Post Porter Approach to the Identification and Evaluation of Clusters in North Dublin*. Dublin (Ireland): Glasnevin Publishing.
- Zakharova Z.A., Bogatyrev V.V. (2020). *Economic Contradictions in the Regions that Lack the Capacity of Self-Development. Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes and Future Perspectives*. Plekhanov Russian University of Economics. Luxembourg: Springer Nature. DOI: 10.1007/978-3-030-15160-7_64

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жанна Александровна Захарова – доктор экономических наук, доцент, профессор, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (Российская Федерация, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24; e-mail: zjane77@mail.ru)

Максим Викторович Сураев – инструктор летчик-космонавт отряда космонавтов, Центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина (Российская Федерация, 141160, Московская область, пгт Звездный городок; e-mail: msuraev@mail.ru)

Zakharova Zh.A., Suraev M.V.

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF INTERREGIONAL TOURISM AND RECREATION CLUSTER OF THE UPPER VOLGA MACRO-REGION

Against the background of the unstable international political situation, which limited a number of foreign tourist destinations and gave impetus to the development of domestic tourism, there is a need to form a competitive tourist and recreational system that can meet the demands of consumers of tourist and recreational services at a qualitative level. Foreign and Russian experience shows that one of such systems is sectoral clustering. At the same time, the interregional nature of a specialized cluster allows achieving a synergetic effect, which is not always possible within one region. The aim of the study is to determine the prerequisites for the formation of an interregional tourism and recreation cluster of the Upper Volga macro-region (Vladimir, Yaroslavl, Ivanovo, Kostroma regions) based on the calculation of the clustering potential index and consideration of the indicators of tourism and recreation development of the united regions. We note currently existing objective prerequisites for the formation of an interregional cluster of the Upper Volga macro-region in tourism and recreation. At the same time, this fact does not lead to a full and uniform development of the region's tourist and recreational potential, which requires to give these processes a systematic character (state regulation). The article identifies the factors constraining the development of tourism and recreation sphere in the formation of interregional tourism and recreation cluster, and proposes the directions of joint work of the authorities of the integrated regions for their minimization. The research applies general scientific methods (analysis and synthesis), economic and statistical methods, methods for identifying clusters and assessing the potential of clustering of regions. The research novelty lies in the interregional character of the assessment of the potential for the formation of tourism and recreation cluster. This aspect increases the resource endowment of the cluster and creates prerequisites for obtaining additional positive effects from its functioning. The results of the work may be of interest to specialized structural subdivisions of regional government bodies (Ministry of Entrepreneurship and Tourism of the Vladimir Region, Ministry of Tourism of the Yaroslavl Region, Department of Tourism of the Ivanovo Region administration and Department of Culture and Tourism of the Kostroma Region

administration), as well as researchers dealing with the issues of interregional integration, uneven socio-economic development of territories.

Macro-region, tourism and recreational potential of the region, integration, localization index and clustering potential, tourism and recreational cluster.

REFERENCES

- Akhmetshina E.R., Zulfakarova L.F. (2016). Tourist and recreation cluster as an optimal facility to implement mechanisms of public-private partnership. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 3, 13–16 (in Russian).
- Baggio R., Sainaghi R. (2011). Complex and chaotic tourism systems: towards a quantitative approach. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 3(6), 840–861.
- Battalova A.A. (2013). Assessment of industry clustering potential. *Naukovedenie*, 6, 1–8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-potentsiala-klasterizatsii-otrasli/viewer> (accessed: November 2, 2024; in Russian).
- Bondarenko V.A. (2015). On key characteristics of a cluster and correlation of the concept of “cluster” in foreign and domestic literature. *Infrastrukturnye otrasli ekonomiki: problemy i perspektivy razvitiya*, 8, 29–33 (in Russian).
- Bunghez C.L. (2016). The importance of tourism to a destination’s economy. *Journal of Eastern Europe Research in Business & Economics*, 20, 1–9.
- Gainanov D.A., Gataullin R.F., Aslaeva S.Sh. (2019). Localization and efficiency of economic activities in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ekonomika*, 47, 67–79. DOI: 10.17223/19988648/47/5 (in Russian).
- Golovin V.A. (2016). Methodological approaches to quantitative evaluation of regional economic clusters. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial’nye nauki*, 4(44), 17–26 (in Russian).
- Golovin V.A. (2018). Graphic model of dynamic assessment of the effectiveness of regional economic cluster. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2, 141–158 (in Russian).
- Golyashev A.V., Kelman Yu.V. (2014). The location quotient in social and economic geography: The tradition and new approaches. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya*, 3(46), 376–380 (in Russian).
- Izieva Z.M., Amirova M.M. (2017). Tourism cluster in the regional development strategy. *Ekonomika i predprinimatel’stvo=Journal of Economy and Entrepreneurship*, 9-3(86), 1040–1042 (in Russian).
- Kiseleva N.N., Orlyanskaya A., Ilyeva Yu. (2017). Development of the Caucasian Mineral Waters region in the context of import substitution policy in the tourist market of Russia. *Regional’naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 15, 4(439), 658–675 DOI: 10.24891/re.15.4.658 (in Russian).
- Klimanov V.V., Kazakova S.M., Yagovkina V.A. (2021). Tools of interregional cooperation in the public administration system. *Regionology=Russian Journal of Regional Studies*, 29, 2(115), 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282 (in Russian).
- Kostruykova O.N., Karpova E.G. (2011). Methods of identification of tourist clusters in the system of regional tourism. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 4, 374–378 (in Russian).
- McGrath H. (2008). *Industrial Clusters in Local and Regional Economies: A Post Porter Approach to the Identification and Evaluation of Clusters in North Dublin*. Dublin (Ireland): Glasnevin Publishing.
- Nagornaya M.S., Shevtsova V.V. (2018). Practice of public-private partnership in the field of cultural heritage preservation in Russia. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 1(17), 34–43 (in Russian).
- Noskov S.I., Kirillova T.K. (2013). Mathematical model of interference of factors of economic development of the territory. *Fundamental’nye issledovaniya=Fundamental Research*, 6-4, 892–894 (in Russian).

- Raev Yu.V. (2023). Optimization of spatial development of macro-region (region) on the basis of program-target and cluster approaches on the example of the Central Federal District of the Russian Federation. *Gradostroitel'stvo*, 1-2(83-84), 22–36 (in Russian).
- Rastvortseva S.N. (2018). Economic activity in Russian region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(1), 84–99. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.6 (in Russian).
- Runaeva A.I. (2016). Classification of property in the tourism and recreation cluster. *Novaya nauka: strategii i vektory razvitiya*, 11, 254–257 (in Russian).
- Shmidt A.N., Bannikov A.Yu. (2016). Approaches to identification of regional clusters. *Regional'noe razvitie: elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, 1(13). Available at: <https://regrazvitie.ru/podhody-k-identifikatsii-regionalnyh-klasterov> (accessed: November 2, 2024; in Russian).
- Starokozheva G.I., Polyanskikh E.A. (2013). Clusterization as a condition for the modernization of the tourism industry in Russian region. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser.: Ekonomika. Ekologiya*, 1, 108–114 (in Russian).
- Sukhov R.I. (2019). Determination of the set of factors determining the conditions for the creation and functioning of the tourist-recreational cluster from the position of resource tourism potential: Geographical and historical-cultural aspects. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya=Advances in Current Natural Sciences*, 10, 113–119. Available at: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37223> (accessed: November 2, 2024; in Russian).
- Yakimenko M.V., Zhertovskaya E.V. (2018). Development of an integral indicator of tourism potential assessment from the position of application of the cluster approach to tourism development. *Inzhenernyi vestnik Dona*, 4(51), 77 (in Russian).
- Zakharova Z.A., Bogatyrev V.V. (2020). *Economic Contradictions in the Regions that Lack the Capacity of Self-Development. Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes and Future Perspectives*. Plekhanov Russian University of Economics. Luxembourg: Springer Nature. DOI: 10.1007/978-3-030-15160-7_64
- Zakharova Zh.A., Suraev M.V. (2022). Challenges and opportunities for development of the tourist and recreational sphere of the region in the context of the COVID-19 pandemic. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 20, 4(499), 775–796. DOI: 10.24891/re.20.4.775 (in Russian).
- Zakharova Zh.A., Suraev M.V., Andreev V.N., Naumova E.N. (2012) Approaches to assessing the efficiency of regional clusters functioning. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*, 4, 34–41 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanna A. Zakharova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev (24, Minin Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; e-mail: zjane77@mail.ru)

Maksim V. Suraev – instructor pilot-cosmonaut of the Cosmonaut Squadron, Yu.A. Gagarin Research & Test Cosmonaut Training Center (Urban-Type Settlement Zvezdny Gorodok, Moscow Region, 141160, Russian Federation; e-mail: msuraev@mail.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АПК

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.7

УДК 338:31(470.13) | ББК 66.09(32)

© Иванов В.А.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СЕВЕРНОЕ СЕЛО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация

e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru

ORCID: [0000-0001-9184-6172](https://orcid.org/0000-0001-9184-6172); ResearcherID: [J-8136-2018](https://orcid.org/J-8136-2018)

Сельское хозяйство и село в Коми прошли сложный длительный путь развития. Менялись формы землепользования, управления деревней. Это обусловило выбор цели исследования – выявление этапов, оценка исторического опыта развития северного сельского хозяйства и села. Теоретико-методологической основой исследования выступили труды экономистов и историков по проблемам северного сельского хозяйства и села. Использовались аналитический монографический, логический, статистический и системный методы. Информационной базой послужили данные региональной и федеральной служб государственной статистики. В статье рассмотрена эволюция развития отраслей крестьянского хозяйства; выявлена необходимость ведения комплексного хозяйства; проанализированы методы и трудности коллективизации сельского хозяйства; показано состояние материальной базы колхозов, сельскохозяйственного производства, изменение социального облика деревни, развитие несельскохозяйственных видов деятельности. Исследовано развитие сельского хозяйства и местной промышленности на селе в период суровых испытаний Великой Отечественной войны. Установлено, что в период послевоенного восстановления удалось превзойти довоенный уровень производства продукции земледелия и животноводства. Дан анализ развития отрасли и социальных преобразований на селе за более чем 30-летний период до либеральных рыночных реформ. Показано позитивное влияние модернизационных процессов на развитие аграрного сектора и села. Оценено влияние формирования капиталистического производства на аграрный сектор, северное село и уровень продовольственного самообеспечения. Результаты исследования могут быть полезны органам государственной власти и местного самоуправления при разработке стратегии сельского развития северного региона. Направления будущих исследований связаны с решением социальных и экономических проблем северного села.

Исторические этапы, крестьянское хозяйство, село, сельское хозяйство, продовольственное самообеспечение, сельские территории, Коми край, Республика Коми.

Для цитирования: Иванов В.А. (2024). Сельское хозяйство и северное село: исторические этапы // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 91–111. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.7

For citation: Ivanov V.A. (2024). Agriculture and the northern village: Historical stages. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 91–111. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.7

Введение

Коренные изменения, связанные с преобразованием форм собственности, переходом с плановой экономики на капиталистический путь развития, обуславливают важность исследования исторического опыта развития сельского хозяйства и деревни. На фоне усиления внешнеполитического и санкционного давления Европейского Союза и США на Россию, а также кризисной ситуации в аграрном секторе и на сельских территориях возникла острая необходимость переоценки прошлого и разработки новых подходов в теории и практике развития северного сельского хозяйства и села.

Исследованию развития сельского хозяйства посвящены труды отечественных и зарубежных ученых. Основные исторические эпохи аграрной политики и управления сельским хозяйством рассмотрены в работе академика А.А. Шутькова (Шутьков, 2022). Изучению аграрной науки и политики в России в XVIII–XX вв. посвящена монография академика А.А. Никонова (Никонов, 1995).

Отметим зарубежные работы по истории стран Скандинавии¹ (Hadeager et al., 1988; Smitt, 2003; Heikkinen, 2006), т. к., по мнению П. Кауппала, для Европейского Севера, и Республики Коми в частности, интерес представляет путь развития сельского хозяйства Скандинавии и прежде всего Финляндии (Кауррала, 1998). В работе профессора Франческо Мантино изучена политика сельского развития в Европе в период 1970–2006 гг. (Мантино, 2010).

Применительно к XX веку А.А. Попов и А.Ф. Сметанин выделяют два крупных периода, отличающиеся по содержанию социально-экономических процессов, происходящих в коми деревне. Первый период – 1920-е гг., второй – конец 1920-х – середина 80-х гг. (Попов, Сметанин, 1995). Сложный и противоречивый путь развития северной деревни в XX веке рассмотрен в работе (Иванов и др., 1995). Анализ сельского хозяйства и самообеспеченности продуктами питания населения российского Севера и Арктики в

плановый и постсоветский периоды нашел отражение в публикации (Иванов, 2022).

Вместе с тем в научных исследованиях отсутствуют последовательная периодизация и анализ развития сельского хозяйства и села в условиях Севера, поэтому цель данной статьи – выявление этапов, оценка исторического опыта развития сельского хозяйства и села в условиях Севера. Для достижения цели планируется решить следующие задачи:

- выделить этапы развития северного сельского хозяйства и села;
- дать оценку историческим аграрным преобразованиям;
- с учетом кризисной ситуации в сельском хозяйстве и на селе переосмыслить содержание рыночных реформ.

Научная новизна исследования заключается в анализе развития северного сельского хозяйства и села с начала возникновения земледелия и животноводства на основе единоличного хозяйства до формирования многоукладной аграрной экономики. Исследование исторических аграрных преобразований требует учета их особенностей для развития сельского хозяйства и села в современных условиях.

Исторические этапы развития северного сельского хозяйства и села

Сельское хозяйство и село в Коми имеют многовековую историю. Они испытали немало экспериментов и реорганизаций, подверглись реформированию. Житель северного региона прошел путь от крестьянина-единоличника общины до крестьянина-колхозника, совхозного рабочего, крестьянина-фермера и наемного работника коллективного предприятия.

Основу периодизации развития сельского хозяйства и села составили следующие положения:

- эволюция крестьянских хозяйств и коми деревни в досоциалистической России;
- возникновение и развитие колхозной деревни;

¹ Det Svenska Jordbrukets Historia (1998). Stockholm: Natur och kultur.

- сельское хозяйство и деревня в годы Великой Отечественной войны и в восстановительный период;
- социально-экономические преобразования сельского хозяйства и села в 1960–1980-е гг. на основе интенсификации и индустриализации производства и обустройства сельских территорий;
- переход от плановой экономики к капиталистическому пути развития.

Анализ этих исторических социально-экономических процессов позволяет выделить пять основных этапов развития сельского хозяйства и села. Первый – развитие на основе единоличного хозяйства. Он охватывает время с момента возникновения крестьянского хозяйства (XI век) до коллективизации (1927 год). Второй этап – коллективизация сельского хозяйства (1928–1940 гг.), третий – сельское хозяйство и село в годы Великой Отечественной войны и в период восстановления (1941–1950 гг.), четвертый – аграрный сектор и социальное развитие села в 1960–1991 гг., пятый – сельское хозяйство и сельские территории в период формирования капиталистического способа производства (с 1992 года по настоящее время).

Развитие сельского хозяйства на основе единоличного хозяйства

Формы хозяйствования на земле в Коми крае складывались одновременно с заселением территории в течение многих столетий. Заселение началось, по новым данным археологов, в VI веке н. э. и происходило постепенно. В ходе колонизации первоначально осваивались наиболее удобные для поселения места по берегам рек и озер. Длительное время основу хозяйства составляли охота, рыбная ловля, различные ремесла².

С XI–XIV вв. появилась подсечно-огневая система земледелия, сохранившаяся вплоть до XVIII века, а начиная с XII века местное население постепенно переходит к

пашенному земледелию. Поля обрабатывались примитивными орудиями: деревянной сохой и бороной из еловых сучьев.

В XVI веке получили развитие отрасли земледелия и животноводства. Из зерновых культур сеяли в основном ячмень, рожь и овес. Из огородных культур наибольшее распространение имела репа, являвшаяся важным продуктом питания. Высокий урожай она давала на подсеке, поскольку на урожайность положительно влияло наличие в почве золы. Картофелеводство в крае начало развиваться с 40-х гг. XIX века (Котов, 1996).

В конце XVI века заметно возросла отрасль животноводства. Жители края разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, а в Прилузье еще и свиней. Население северных волостей с середины XVII века стало заниматься оленеводством, позаимствовав его у ненцев. Основное поголовье оленей было сконцентрировано у коми-ижемцев. Ижемцы создали свою систему оленеводства, включающую круглосуточный выпас и «окарауливание оленей», уточнение времени перекочевки к морю, своевременный забой и селекцию оленей. Эта система используется в странах Скандинавии³ (Muuttoranta, 2012).

В начале XX века на северных территориях продолжали развиваться земледелие и скотоводство. В Усть-Сысольском и Яренском уездах земледелие велось в основном трехпольным севооборотом со значительным сохранением подсечного и залежного хозяйства. В Печорском уезде в зерновом хозяйстве господствовало однополье. Крестьяне несколько лет подряд сеяли ячмень на одном и том же участке⁴.

Основными сельскохозяйственными культурами, которые высевались в крае, были рожь, ячмень, овес, пшеница, лен, конопля, картофель. Льноводство было наиболее развито в Прилузье. В целом в начале XX века посевные площади в Коми крае расширились на 10% – с 25349 десятин в 1901–

² Атлас Республики Коми (2001). Москва: Дизайн. Информация. Картография. С. 7.

³ Soumen maatalouden historia (2003). Ed. Jutikkala E. Helsinki.

⁴ История Коми с древнейших времен до современности (2011). 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур. Т. 2. С. 66.

1905 г. до 27804 десятин в 1911–1915 гг. При этом доля Усть-Сысольского уезда в общей запашке увеличилась с 58 до 59,6%, а доля Яренского уезда уменьшилась с 32,4 до 30,8%. Доля Печорского уезда увеличилась незначительно – с 9,6 до 10%⁵.

Поголовье рогатого скота в 1912 году в сравнении с 1902 годом увеличилось на 22%, лошадей – на 24%, мелкого скота (овец и свиней) – на 26% (Котов, 1996).

Средняя урожайность зерновых в крае была выше, чем в Архангельской и Вологодской губерниях, а в Усть-Сысольском уезде в озимом клине оказалась вполне сопоставимой с урожаями в Финляндии. Обеспеченность населения в целом по Коми краю своим зерном в 1901–1915 гг. составляла 27,3%, картофелем – 38,2% (Котов, 1996).

Из-за суровых климатических условий возможности развития земледелия и животноводства были ограничены. Сельскохозяйственные занятия крестьян не могли служить надежным источником доходов для существования семьи, поэтому требовалось ведение комплексного хозяйства (земледелие, скотоводство, оленеводство, лесное хозяйство и разнообразные промыслы). Основной доход крестьянам приносили неземледельческие занятия (Цой, 1986).

Управление деревней, землеустройством, землепользованием и землевладением крестьян вплоть до 1917 года осуществляла община. Ее функции сводились к административным и социальным мерам. Столыпинская аграрная реформа не внесла существенных изменений в жизнь крестьян, правительственные законы о крестьянском землевладении и землепользовании не распространялись на территории Коми края (Чупров, 1999).

Развитие крестьянского хозяйства ограничивалось наличием отсталых сельскохозяйственных орудий. В 1910 году 35 тыс.

хозяйств края имели 300087 сох, 5000 косуль и только 392 плуга, причем 377 плугов были деревянными и лишь 15 железными. На 100 орудий вспашки приходилось 84 сохи. Если в среднем по России соха и сабан занимали 56,0% от всех орудий вспашки, то в Коми крае – до 98,7%. В среднем по России в 1910 году одно улучшенное орудие приходилось на 82,5 хозяйств. Обеспеченность такими орудиями хозяйств коми крестьян была в 29,5 раза ниже среднероссийского уровня. Сложные сельскохозяйственные машины практически отсутствовали. На весь край приходилось три конных молотилки, 26 ручных молотилок и 73 веялки⁶. Замена примитивных орудий происходила очень медленно. В начале XX века единственной двигательной системой в сельском хозяйстве оставалась лошадь.

Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война на 1918–1920 гг. нанесли тяжелый удар по сельскому хозяйству Коми. В 1922 году по сравнению с 1913 годом посевные площади сельскохозяйственных культур сократились на 7,5%, производство зерна – на 8,2%, картофеля – на 25,2%⁷. Данные по поголовью скота и производству продукции животноводства отсутствуют.

Благоприятно отразилась на развитии крестьянских хозяйств новая экономическая политика (НЭП). За годы НЭПа укрепилась материальная база, выросли посевы сельскохозяйственных культур, поголовье скота, объемы производства продукции земледелия (табл. 1).

Посевные площади и поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств в 1928 году превысили уровень 1913 года в 1,6 раза, валовые сборы зерна – в 1,4 раза, картофеля – в 3,2 раза (рис. 1). Урожайность озимой ржи увеличилась с 9 до 9,8 ц/га, ячменя – с 10,9 до 11,7 ц/га, овса – с 8 до 11 ц/га, картофеля – с 96 до 108 ц/га⁸.

⁵ История Коми с древнейших времен до современности (2011). 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур. Т. 2. С. 67.

⁶ Сельскохозяйственные машины и орудия Европейской и Азиатской России в 1910 году (1913). Санкт-Петербург. С. 2–3, 10–11.

⁷ Коми АССР за 50 лет (1971): стат. сб. / Статуправление. Сыктывкар.

⁸ История Коми с древнейших времен до современности (2011). 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур. Т. 2. С. 328.

Таблица 1. Крестьянское хозяйство Коми в годы НЭПа

Показатель	1922 год	1928 год
Сельскохозяйственный инвентарь и техника, шт.		
Плуги конной тяги	1717	14250
Сеялки	25	252
Бороны зиг-заг	15	750
Сенокосилки	98	336
Конные грабли	51	93
Жатки	4	56
Триера и сортировки	21	216
Молотилки ручно-конные	17	139
Посевная площадь с.-х. культур в хозяйствах всех категорий, тыс. га	27,2	47,8
в том числе:		
зерновые культуры	24,2	38,1
технические культуры	1,4	4,1
картофель	1,5	4,0
овощи	0,1	0,5
кормовые культуры	-	1,1
Поголовье скота, тыс. гол.		
крупный рогатый скот	70,6	167,9
в том числе:		
коровы	51,0	93,0
свины	1,6	18,5
овцы	58,4	155,4
лошади	33,4	60,7
Производство продукции, тыс. т		
зерно	21,8	33,8
картофель	10,1	43,2

Источник: Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. / Комистат. Сыктывкар. С. 42, 53, 59, 65.

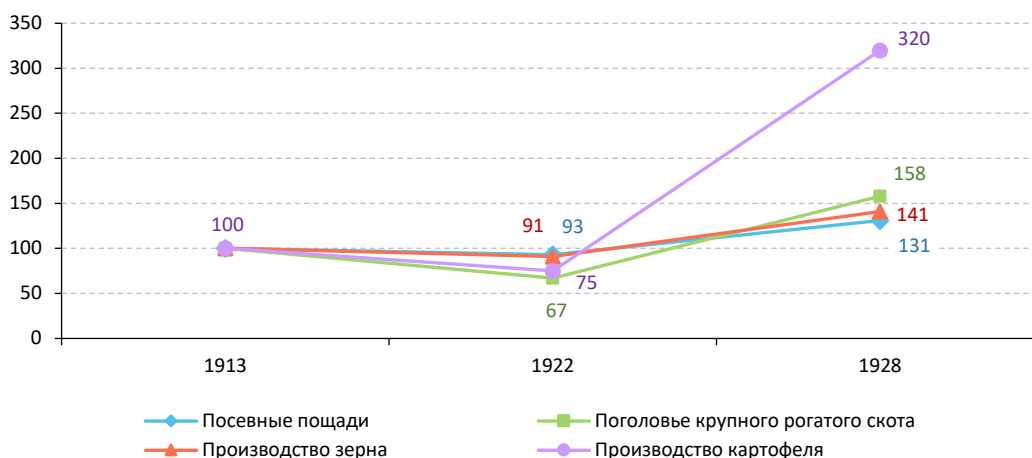

Рис. 1. Динамика посевных площадей, поголовья крупного рогатого скота и производства продукции растениеводства (1913 = 100%)

Составлено по: Коми АССР за 50 лет (1971): стат. сб. / Статуправление. Сыктывкар. С. 70, 77, 78, 79.

В XIX – начале XX века в сельской местности Коми края получила развитие местная промышленность, связанная с переработкой сельскохозяйственного сырья, производством предметов хозяйственного

обихода. Возникли кожевенные, салотопильные, маслодельные, кузнечные, дегтярные и смолокурные предприятия, в Ижемской волости развивалось замшевое производство. Немаловажную роль в жизне-

деятельности крестьян продолжали играть охотничий и рыболовный промыслы. В домашнем хозяйстве развивалось прядение и ткачество. Особенно росло в Печорском уезде маслодельное производство. Печорское масло, отличающееся своим качеством, увозили в Москву, его скупали чердынские купцы. К началу Первой мировой войны из Печорского уезда вывозилось около 10 тыс. пудов масла в год. Всего в крае в 1914 году вырабатывалось около 50 тыс. пудов масла⁹.

Курс на сплошную ускоренную коллективизацию сельского хозяйства привел к ликвидации крестьянского хозяйства как в целом по стране, так и в Коми. И только в ходе рыночных реформ конца XX века началось восстановление крестьянско-фермерского уклада. Сейчас этот социальный тип не играет существенной роли в производстве аграрной продукции.

Коллективизация сельского хозяйства (1928–1940 гг.)

Ускорению коллективизации сельского хозяйства способствовала политика государства. Увеличивалась государственная помощь колхозам кредитами, устанавливались налоговые льготы, возросло оснащение машинами и орудиями. С целью укрепления материально-технической базы колхозов были организованы прокатные пункты, тракторные колонны, машинно-тракторные станции (МТС). Первая МТС в Коми возникла в 1932 году, в 1936 году было уже 7 МТС с тракторным парком в 163 единицы, которые обслуживали 180 колхозов. Количество тракторов возросло к концу 1940 года до 56, зерноуборочных комбайнов – до 74 единиц. МТС явились особой формой помощи крестьянам со стороны государства¹⁰.

В период коллективизации значительно возросла оснащенность отрасли сельскохозяйственными машинами и орудиями. За 1928–1936 гг. обеспеченность трактора-

ми увеличилась в 194 раза, плугами тракторными – в 152, плугами конными – в 2, сеялками – в 4,2, конными граблями – в 14,4, жатками – в 8,2, молотилками – в 4,2 раза¹¹.

Посевные площади всех культур увеличились с 0,3 тыс. га в 1928 году до 77,4 тыс. в 1940 году, в том числе зерновых – с 0,2 до 55 тыс. га, картофеля – с 0,1 до 5,6 тыс. га. В то же время в ходе массовой коллективизации произошло снижение поголовья отдельных видов животных. За 1928–1940 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 14%, в том числе коров – на 27%, оленей – на 18%, овец и коз – на 27%¹².

Итогом коллективизации стала концентрация в колхозах посевов, поголовья животных и производства продукции. В 1940 году в колхозах было сосредоточено 86% посевов, в том числе 97% зерновых культур, 45% картофеля, 37% овощей, 64% кормовых культур, 64% крупного рогатого скота, 69% лошадей и 66% овощей. На их долю приходилось 97% производства зерна, 36% картофеля, 34% овощей, 29% мяса всех видов, 39% молока¹³.

В 1930-е гг. начала развиваться механизация полеводства. Вспашка стала полностью проводиться плугами. Косы-горбуши были заменены косилками на площадях, пригодных для машинной обработки. Вошли в использование жатки, молотилки, другая техника.

Большое значение стало уделяться развитию кормовой базы животноводства, улучшению качества крупного рогатого скота. С 1931 года впервые стало применяться силосование кормов, начались работы по скрещиванию малопродуктивного местного скота зырянского и печорского типов с холмогорской породой. Кроме того, в республику из других областей страны завозили племенной скот. Рост численности поголовья позволил добиться в последующие годы повышения продуктивности скота.

⁹ История Коми с древнейших времен до современности (2011). 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур. Т. 2. С. 78.

¹⁰ Там же. С. 378.

¹¹ Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. / Комистат. Сыктывкар.

¹² Коми АССР за 50 лет (1971): стат. сб. Сыктывкар; Сельское хозяйство Республики Коми (2001): стат. сб. Сыктывкар.

¹³ Коми АССР за 50 лет (1971): стат. сб. Сыктывкар.

В годы коллективизации возросло количество животноводческих помещений – коровников, телятников, свинарников, конеферм и т. д. В сельском хозяйстве начали применяться минеральные удобрения, проводится осушение земель, расчистка закустаренных сельхозугодий, что позволило существенно расширить посевные площади. Использовались такие агротехнические мероприятия, как многопольные севообороты, предпосевная обработка семян, расширение сортовых посевов¹⁴.

Коллективизация изменила социальный облик крестьянства. Началась массовая подготовка квалифицированных кадров, появилась административно-управленческая прослойка, в деревню стали поступать специалисты сельского хозяйства. Их подготовку осуществляли Ульяновский сельскохозяйственный и Ижемский зооветеринарный техникумы. В 1936 году в Сыктывкаре открылась школа механизации сельского хозяйства. При рай-

центрах была развернута сеть по подготовке и переподготовке руководителей колхозов, счетоводов, заведующих молочно-товарными фермами, колхозных ветеринарных работников и других специалистов низшего звена.

Кадры механизаторов и других специалистов для вновь создаваемых МТС готовились в школе тракторных механиков в Архангельске, Академии социалистического земледелия, высших сельскохозяйственных школах, а также в местных техникумах¹⁵.

Число дипломированных специалистов возросло со 130 человек в 1937 году до 267 в 1940 году. В то же время уровень обслуживания этой отрасли хозяйства специалистами высшей и средней квалификации был низким, не хватало зоотехников, ветеринаров и других специалистов сельскохозяйственного профиля¹⁶.

Принимаемые меры положительно сказались на развитии сельского хозяйства (табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели развития сельского хозяйства в Коми республике (хозяйства всех категорий)

Показатель	1928 год	1932 год	1940 год
Посевная площадь, тыс. га	47,8	57,2	90,1
В том числе:			
зерновые культуры	38,1	42,6	57,0
технические культуры	4,1	5,0	6,0
картофель	4,0	5,0	12,4
овощи	0,5	1,2	1,9
кормовые культуры	1,1	3,4	12,8
Урожайность, ц/га			
зерновые	8,9	11,2	10,1
картофель	108	97	101
овощи	98
Поголовье животных, тыс. гол.			
крупный рогатый скот	167,9 ²⁾	95,5	131,5
в том числе:			
коровы	93,0 ²⁾	66,2	64,1
свины	18,5 ²⁾	7,7	40,4
овцы и козы	155,4 ²⁾	93,2	117,6
лошади	60,7 ²⁾	46,4	66,1
олени	175,0 ⁴⁾	121,0 ³⁾	144,0
Производство продукции, тыс. т			
зерно	33,8	47,7	57,6
картофель	43,2	48,6	125,0
овощи	18,6

Источник: Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. / Комистат. Сыктывкар. С. 53, 59, 63, 65.

¹⁴ История Коми с древнейших времен до современности (2011). 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур. Т. 2. С. 376–377.

¹⁵ Там же. С. 377.

¹⁶ Там же.

В период НЭПа и коллективизации сельского хозяйства в сельской местности республики получили развитие несельскохозяйственные виды деятельности. В 1921–1940 гг. были построены Усть-Цилемский замшевый завод, Усть-Усинский консервный завод, Сереговский известковый завод, Визинский районный промкомбинат, Пустошский крахмало-паточный завод, Усть-Войская точильная механизированная фабрика, кирпичный завод в Усть-Усе, Мутницкий и Пустошский льнозаводы, Усть-Вымская точильная фабрика, Визингский и Ижемский деревообрабатывающие промкомбинаты, реконструированы Ньючимский чугунолитейный завод, Сереговский сользавод (Турубанов, Тюкавина, 2023, с. 61, 62, 88). На этих предприятиях работали сельские жители. За годы коллективизации на селе увеличилось число детских яслей и садов, образовательных, медицинских и культурных учреждений.

Принимаемые меры положительно сказались на производстве продукции. Валовые сборы зерна в колхозах за 1928–1940 гг. увеличились в 1,7 раза, картофеля – в 2,9 раза. В 1940 году показатель самообеспеченности населения картофелем составил 267%, овощами – 38%, мясом – 26%, молоком – 51% и яйцом 13%.

Оценивая коллективизацию сельского хозяйства как исторический этап, отметим, что она представляла собой противоречивый процесс. На многие десятилетия было остановлено развитие частнособственнического уклада. Политика ускоренного становления колхозного строя сопровождалась ликвидацией самого активного, предпринимчивого слоя крестьян.

Коллективизация изменила социальный статус крестьянина, ухудшила материальное положение крестьянской семьи. Основным источником дохода в семьях колхозников стало личное подсобное хозяйство. Однако, несмотря на сложные процессы коллективизации, в деревне были созданы условия для увеличения производства продукции сельского хозяйства. Колхозы, совхозы и хозяйства населения стали основой обеспечения продовольственной безопасно-

сти населения республики в канун Великой Отечественной войны.

Сельское хозяйство и село в годы Великой Отечественной войны и период послевоенного восстановления (1941–1950-е гг.)

В годы Великой Отечественной войны деревня и ее жители подверглись суровым испытаниям. Сельские труженики отдавали все силы, для того чтобы бесперебойно снабжать армию продовольствием. В первые месяцы войны из колхозов Коми АССР ушли на фронт более 10 тыс. человек. Сельское хозяйство лишилось почти трети трудоспособных колхозников, в том числе основной массы механизаторов МТС, агрономов, зоотехников и других специалистов. Ушедших на фронт мужчин в сельском хозяйстве заменили женщины и подростки. Женщины составили до 80% всех подготовленных в годы войны механизаторов (Безносова, 1995, с. 5).

За годы войны увеличились посевы зерновых культур, картофеля, овощей открытого грунта, а также поголовье овец и коз, оленей. До начала 1943 года удавалось обеспечивать рост численности крупного рогатого скота и свиней. Уменьшение численности лошадей связано с привлечением их для нужд армии (табл. 3).

Увеличение посевных площадей не привело к росту валовых сборов зерновых культур, картофеля. В 1945 году в сравнении с 1940 годом производство зерна во всех категориях хозяйств сократилось на 21,4 тыс. т, или на 37%, картофеля – соответственно на 22,4 тыс. т, или на 18%. Производство овощей за этот период повысилось на 23%. Сокращение поголовья продуктивного скота (кроме овец и коз) сопровождалось уменьшением производства мяса и молока. За годы войны производство мяса в колхозах сократилось на 28%, молока – на 8%, а настриг шерсти возрос в 2,2 раза¹⁷.

¹⁷ Коми АССР к 50-летию советской власти (1967): стат. сб. Сыктывкар; Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (1982): сб. документов и материалов. Сыктывкар; Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. Сыктывкар.

Таблица 3. Посевные площади сельскохозяйственных культур и поголовье животных в хозяйствах всех категорий Коми АССР в 1941–1945 гг.

Показатель	Год				
	1941	1942	1943	1944	1945
Посевная площадь – всего, тыс. га	97,9	117,4	125,5	122,0	109,3
в том числе:					
зерновые культуры	58,9	68,7	74,8	75,9	71,4
технические культуры	6,4	7,8	8,2	2,6	1,0
картофель	14,8	20,7	22,4	22,6	18,2
овощи открытого грунта	2,7	4,9	5,8	7,0	6,9
кормовые культуры	15,1	15,3	14,3	13,9	11,8
Поголовье животных, тыс. гол.					
крупный рогатый скот	133,9	137,9	131,9	122,3	120,8
в том числе:					
коровы	63,0	63,5	59,1	58,0	59,4
свиньи	31,1	33,1	25,4	17,9	19,0
овцы и козы	91,6	97,3	94,5	83,0	96,5
лошади	61,8	54,6	43,9	38,8	42,1
олени	135,6	133,7	146,4	155,5	171,9

Источник: Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1982): сб. документов и материалов. Сыктывкар.

Количество совхозов и других государственных хозяйств возросло с 191 единицы в 1940 году до 1216 единиц в 1945 году. Число хозяйств рабочих и служащих за этот период увеличилось в семь раз (с 6,1 тыс. до 44,2)¹⁸. В годы войны большое развитие получило коллективное и индивидуальное огородничество (Турубанов, Тюкавина, 2023, с. 112).

Ценой неимоверных усилий приходилось поддерживать уровень производства сельскохозяйственной продукции и увеличивать ее поставки государству. Среднегодовые поставки сельскохозяйственной продукции государству в 1941–1945 гг. превышали уровень 1940 года. Колхозы Коми АССР поставляли государству 12 видов продуктов растениеводства и животноводства. За период войны они сдали 47,3 тыс. т зерна, 89 тыс. т картофеля, 15,5 тыс. т овощей, 14 тыс. т мяса, 85,6 тыс. т молока, большое количество шерсти, кожи, пушнины (Жеребцов и др., 1996, с. 232).

В годы войны значительно ослабла материально-техническая база сельского хозяйства. Если перед войной в республике имелось 247 грузовых машин, то к концу 1945

года их стало всего 77. Техника была изношена, ее приходилось часто ремонтировать, используя запчасти разобранных тракторов и машин. Благодаря этому парк тракторов в 1945 году по сравнению с 1940 годом увеличился на 9%, зерновых комбайнов – на 5%¹⁹.

В первые послевоенные годы колхозы и совхозы оказались в бедственном положении. Материально-техническая база сельскохозяйственного производства была подорвана. Оставалась мелочная регламентация сельскохозяйственных предприятий, отсутствовали материальные стимулы к труду. Собственных средств для развития производства колхозы практически не имели. Большую часть продукции по низким ценам необходимо было в обязательном порядке сдавать государству.

На колхозное крестьянство кроме административного давления со стороны государства оказывалось и экономическое давление. При этом особое значение придавалось налогам. Сельскохозяйственный налог носил прогрессивный характер.

Деревня нуждалась в срочной помощи государства. В начале 1950-х гг. были приняты важные политические, организацион-

¹⁸ История Коми с древнейших времен до современности (2011). 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур. Т. 2. С. 396.

¹⁹ Агрпромышленный комплекс Республики Коми (2011): история и современность: стат. сб. Сыктывкар.

ные и экономические меры, направленные на увеличение производства сельскохозяйственной продукции и решение проблем села. Особое значение имел сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, наметивший первоочередные меры государственной помощи сельскому хозяйству. В соответствии с его решениями повышались закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, снижались сельхозналоги и обязательные поставки государству. С колхозов была списана задолженность²⁰.

Со второй половины 1950-х гг. в связи с интенсивным освоением природных ресурсов Коми АССР и быстрым ростом населения, особенно в северных районах, остро встала проблема ускоренного развития местной сельскохозяйственной базы. Для этого принимались решения, направленные на развитие подсобных хозяйств на предприятиях угольной, нефтяной и газовой промышленности. Организация подсобных хозяйств позволяла в короткие сроки гарантировать снабжение населения молоком, овощами, диетическим яйцом. В то же время это была одна из форм межотраслевого перераспределения рентных доходов от предприятий топливно-энергетического комплекса сельскому хозяйству (Канев, 1985, с. 86, 87).

В период послевоенного восстановления сельского хозяйства внесение минеральных удобрений под посевы сельскохозяйственных культур увеличилось с 0,8 тыс. т в 1950 году до 2,8 тыс. т в 1960 году (в 3,5 раза). Происходило оснащение сельского хозяйства тракторами и основными видами техники. За 1940–1960 гг. количество тракторов возросло в 1,8 раза, машин для посева – в 3,0 раза, зерноуборочных комбайнов – в 2,4 раза²¹.

Комплекс мер, связанных с увеличением государственной помощи сельскому хозяйству, укреплением материально-техниче-

ской базы отрасли, участием предприятий топливно-энергетического комплекса в создании подсобных хозяйств, позволил Коми АССР в 1960 году превзойти довоенный уровень по посевам картофеля на 6,5%, кормовых культур – в 4,2 раза, поголовью коров – на 6,2%, свиней – в 2,7 раза. Урожайность картофеля за этот период увеличилась в 1,6 раза, овощей – в 2,2 раза, надой молока на корову в колхозах – в 2,1 раза, в совхозах – в 2,6 раза²².

За 1950–1960 гг. повысилась самообеспеченность населения картофелем со 132 до 140%, молоком – с 49,5 до 50,2%. Однако на конец восстановительного периода не удалось повысить уровень самообеспеченности остальными продуктами питания. В 1960 году по сравнению с 1940 годом уровень самообеспеченности картофелем уменьшился на 127 процентных пунктов (п. п.), овощами – на 19 п. п., мясом – на 3,7 п. п., молоком – на 1,2 п. п., яйцом – на 7 п. п., что было обусловлено ростом численности населения в республике. За 1940–1960 гг. ее население увеличилось на 504,7 тыс. человек, в том числе городское – на 466,7 тыс. человек²³.

В годы войны на селе развивались не-сельскохозяйственные виды деятельности. В Усть-Усинском, Усть-Цилемском, Ижемском, Кожвинском и Удорском районах организованы мастерские для пошива меховой обуви для нужд Красной Армии, в Сысольском, Усть-Куломском, Удорском и Летском районах – пищевые комбинаты. К концу войны в республике функционировало 17 райпромкомбинатов, много других предприятий и мастерских.

Быстро развивалась в годы Великой Отечественной войны местная и кооперативная промышленность, валовая продукция которой в 1945 году превысила довоенный уровень в 2,4 раза (Турубанов, Тюкавина, 2023, с. 168).

²⁰ История Коми с древнейших времен до современности (2011). 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Анбур. Т. 2. С. 467.

²¹ Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. Сыктывкар.

²² Там же.

²³ Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: утв. Приказом Минздрава РФ от 19 августа 2016 г. № 614.

В послевоенный период (1945–1960 гг.) в сельской местности значительное развитие получили лесной сектор, производство деревянных изделий (игрушек, лыж), кирпича, гончарных и гипсовых изделий.

Аграрный сектор и социальное развитие села в 1960–1991 гг.

Стратегия развития аграрного сектора на данном этапе определялась интенсификацией его производства на основе укрепления материально-технической базы, которая постепенно выравнивалась с промышленностью. Развитие материально-технической базы достигалось с помощью политики в области капиталовложений. В Республике Коми среднегодовой объем капитальных вложений государства и колхозов в сельское хозяйство в 1986–1990 гг. по сравнению с 1961–1965 гг. увеличился в 11,1 раза. Их доля в общем объеме инвестиций в народное хозяйство региона в эти годы возросла с 2,1 до 4,7%.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства наблюдалось также в периферийных сельских районах республики, к которым отнесены Усть-Цилемский, Ижемский, Удорский, Троицко-Печорский, Усть-Куломский и Койгородский районы. За 1980–1990 гг. здесь в сельхозорганизациях объем капитальных вложений увеличился в 4,7 раза, фондооснащенность возросла в 2,1 раза.

Рост капиталовложений позволил значительно увеличить ввод производственных мощностей и поставки техники.

В республике были построены пять птицефабрик (четыре по производству яиц и одна по выращиванию бройлеров), свинокомплекс и два молочных комплекса по 800 коров. Перевод птицеводства на промышленную основу позволил практически решить задачу обеспечения потребностей населения в яйце. В 1990 году уровень самообеспеченности населения яйцом составил 94%²⁴.

Парк тракторов за 1960–1990 гг. увеличился в 4,2 раза, кормоуборочных комбайнов – в 6 раз, картофелеуборочных машин – в 13,3 раза, доильных установок (за 1965–1990 гг.) – в 3 раза. Следствием технической оснащенности явилось повышение уровня механизации работ. Уровень механизации сева и посадки овощей в совхозах возрос с 18% в 1965 году до 91% в 1990 году; кошения всех видов растений – с 43 до 100%, уборки картофеля – с 43 до 100%, в том числе комбайнами – с 5 до 38%. В 1990 году уровень комплексной механизации на фермах крупного рогатого скота составил 54%, на комплексах по производству молока – 75%, свинины – 80%²⁵.

Следствием механизации производственных процессов стало значительное снижение затрат труда на производство единицы основных видов продукции сельского хозяйства. В 1990 году по сравнению с 1965 годом в сельхозорганизациях затраты труда на производство 1 ц картофеля сократились в 1,4 раза, овощей открытого грунта – в 2,4 раза, молока – в 1,9 раза, прирост живой массы свиней – в 4,5 раза²⁶.

В республике проводилась большая работа по подготовке и повышению квалификации кадров. Подготовка осуществлялась в основном в профессионально-технических училищах, а также непосредственно на производстве. В середине 1980-х гг. для сельского хозяйства ежегодно подготавливалось около 2,3 тыс. квалифицированных рабочих. На начало 1990-х гг. каждый пятый работавший в отрасли имел высшее образование (Терентьев, 2013).

Интенсификация растениеводства была направлена на повышение плодородия пахотных земель. Воспроизводство почвенного плодородия обеспечивалось ежегодным внесением значительного объема минеральных и органических удобрений. За 1965–1990 гг. внесение минеральных удобрений на один гектар посева сельхозкультур увеличилось в 2,4 раза (с 57 до 135 кг),

²⁴ Сельское хозяйство в Республике Коми: ст. сб. Сыктывкар, 2001.

²⁵ Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность: стат. сб. Сыктывкар, 2011.

²⁶ Данные бухгалтерской отчетности сельхозорганизаций Республики Коми.

органических удобрений – в 1,5 раза (с 12 до 18 т)²⁷. Значительно ускорились темпы проведения мелиоративных и культуртехнических работ. Площадь мелиорированных земель в 1986–1990 гг. по сравнению с 1976–1980 гг. выросла в 1,6 раза. Доля мелиорированных земель в общей площади сельхозугодий в 1990 году составляла 14%²⁸.

В аграрном секторе внедрялись севообороты, новые сорта сельскохозяйственных культур, новые технологии их возделывания, применялись меры по повышению плодородия земли, научно обоснованные системы земледелия, системы интенсивного кормопроизводства, прогрессивные технологии заготовки кормов, механизированные технологии производства семян трав.

Важнейшим направлением социальной политики в дореформенный период было сближение условий и уровня жизни городского населения и крестьян. В 1990 году уровень оплаты труда в сельском хозяйстве составлял 82% от уровня по народному хозяйству²⁹.

В сельской местности возросли темпы строительства объектов социальной инфраструктуры, улучшилось благоустройство жилищного фонда. В Республике Коми в 1986–1990 гг. по сравнению с 1976–1980 гг. за счет средств государства и колхозов ввод жилых домов увеличился в 1,8 раза, дошкольных учреждений – в 3 раза³⁰.

Четко прослеживалась тенденция повышения уровня обеспечения сельского населения различными видами услуг социально-бытового назначения. В республике объем бытовых услуг на душу населения за 1985–1990 гг. увеличился на 35%. В 1990 году по сравнению с 1980 годом в расчете на 1000 человек сельского населения торговая площадь магазинов возросла на 24%, а количество мест в предприятиях общественного питания – на 38%³¹.

Интенсификация сельского хозяйства способствовала наращиванию производства продукции и росту его эффективности. В период 1960–1980 гг. в республике среднегодовые темпы прироста производства продукции на душу населения, выполненные с помощью регрессионных уравнений, составили 1,5%, на единицу земельной площади – 4,3%, производительности труда в общественном секторе – 4,4%. Причем показатели урожайности картофеля, овощей, однолетних и многолетних трав, надоя молока, среднесуточного прироста живой массы свиней превышали показатели в целом по Северному и Северо-Западному районам³².

Динамика производства продукции растениеводства и животноводства до начала 1990-х гг. была положительной (за исключением производства картофеля за 1975–1990 гг.; *рис. 2*). Наиболее высокими стали темпы наращивания объемов мяса птицы и свинины. За 1970–1990 гг. при общем увеличении производства мяса всех видов в 2,4 раза производство мяса птицы возросло в 11,5 раза, свинины – в 4,1 раза³³. Это результат реализации программы промышленного развития птицеводства и свиноводства.

Аграрная политика способствовала улучшению продовольственного самообеспечения населения мясом и яйцом. Наилучшие показатели самообеспечения картофелем, овощами и молоком были достигнуты в первой половине 1970-х гг. (*табл. 4*).

С учетом завоза продовольствия потребление жителями республики продукции животноводства существенно возросло. Потребление на душу населения мяса и мясопродуктов в 1990 году по сравнению с 1960 годом увеличилось в 1,5 раза, молока и молокопродуктов – в 1,6 раза, яиц и яйцопродуктов – в 5,7 раза. Потребление молока и молокопродуктов, яиц, сахара и кондитер-

²⁷ Сельское хозяйство Республики Коми (2011): стат. сб. Сыктывкар; Агропромышленный комплекс: история и современность (2011): стат. сб. Сыктывкар.

²⁸ Развитие агропромышленного комплекса РСФСР (1991): стат. сб. / Госкомстат РСФСР. Москва.

²⁹ Сельское хозяйство Республики Коми (2001): стат. сб. Сыктывкар.

³⁰ Развитие агропромышленного комплекса РСФСР (1991): стат. сб. Москва.

³¹ Там же.

³² Расчеты автора на основе данных Госкомстата РСФСР.

³³ Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. Сыктывкар.

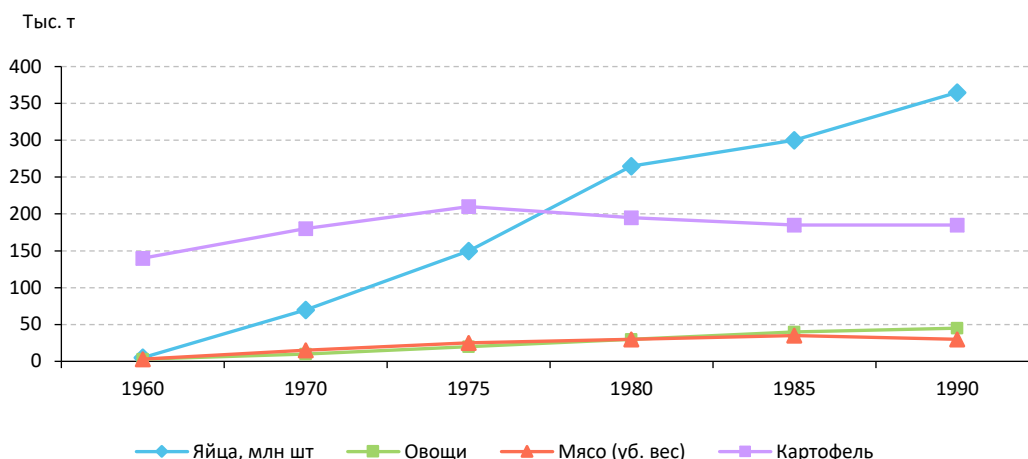

Рис. 2. Динамика производства основных видов продукции растениеводства и животноводства в хозяйствах всех категорий Республики Коми за 1960–1990 гг.

Составлено по: Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар.

Таблица 4. Уровень самообеспеченности населения Республики Коми продукцией сельского хозяйства относительно рациональных норм потребления, %

Продукция	Год						
	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Картофель	140	136	142	142	129	101	73
Овощи	17,1	13,9	20,5	21,4	17,5	16,4	11,3
Мясо	21,8	20,0	22,1	26,0	32,9	38,1	41,9
Молоко	50,9	47,4	60,8	75,6	50,1	46,8	44,9
Яйца	5,2	10,7	27,3	50,5	80,0	85,8	101,8

Рассчитано по: Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. / Комистат. Сыктывкар. С. 59, 74; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: утв. Приказом Минздрава РФ от 19 августа 2016 года № 614.

ских изделий на душу населения превысило рациональные нормы³⁴.

Вместе с тем в проведении аграрной и социальной политики наблюдались противоречия. Руководством страны вводились ограничения на развитие личных подсобных хозяйств населения. Негативно сказалось проведение политики «неперспективных деревень». Не учитывались региональные условия для развития сельского хозяйства. Яркий пример игнорирования ведения земледелия в экстремальных природных условиях – посевы кукурузы в начале 1960-х гг. В 1962 году в совхозах Коми этой теплолюбивой культурой было занято 2,9 тыс. га пашни (31% от общей площади силосных культур и 14% от всех

посевов кормовых культур). Урожайность зеленой массы кукурузы составила лишь 44 ц/га, а себестоимость 1 ц – 3,70 руб.; эти показатели по многолетним травам – соответственно 71 ц/га и 1,11 руб.³⁵

В сельском хозяйстве и на селе оставалось много нерешенных проблем. Несмотря на увеличение фондооснащенности, фондовооруженности и наращивание валового производства, негативные тенденции в развитии аграрного сектора сохранялись: низкая урожайность культур, продуктивность скота, производительность труда, эффективность использования ресурсов, высокий уровень потерь произведенной продукции, отставание производственной и социальной инфраструктуры в сельской местности,

³⁴ Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. Сыктывкар; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: утв. Приказом Минздрава РФ от 19 августа 2016 г. № 614.

³⁵ Данные годовых отчетов совхозов Министерства сельского хозяйства Коми АССР.

отток трудоспособного населения в города и т. д. И все же процессы, происходящие в сельском хозяйстве Республики Коми в до-реформенный период, можно рассматривать именно как модернизацию и в аспекте увеличения производства аграрной продукции, повышения уровня самообеспечения продуктами питания, и в плане социального развития села.

Сельское хозяйство и сельские территории в период формирования капиталистического способа производства

Рыночные реформы 1990-х гг. в России, осуществляемые по программе США (Гарвардский проект), были основаны на максимальной свободе предпринимательства, конкуренции, либерализации и открытости рынка, либерализации и приоритете частной собственности, разгосу-

дарствлении и приватизации, свободном ценообразовании, отказе государственных органов власти от прямого участия в хозяйственной деятельности субъектов. Для сельского хозяйства в Вашингтоне была разработана программа «Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России»³⁶, нижегородская модель.

Рыночные реформы без учета требований экономических законов, мировой практики, региональных особенностей, менталитета крестьян крайне негативно отразились на аграрном секторе. За 1990–2022 гг. в Республике Коми производство картофеля сократилось в 2,5 раза, мяса – в 1,5 раза, молока – в 3,3 раза, яиц – в 3 раза. Существенное снижение производства продукции животноводства произошло в 1990-е гг. (табл. 5).

Таблица 5. Производство продукции сельского хозяйства в Республике Коми за 1990–2022 гг., тыс. т

Показатель	Год								
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Картофель									
Сельхозорганизации	53,7	34,0	26,9	11,3	3,5	5,3	1,8	1,8	5,1
Хозяйства населения	73,8	199,7	190,4	104,0	83,8	104,1	55,1	48,9	44,3
Фермерские хозяйства	0,0	2,2	2,1	1,6	1,3	3,3	1,6	1,1	1,6
Все категории	127,5	235,9	218,9	116,5	88,6	112,7	58,5	51,8	51,0
Овощи									
Сельхозорганизации	18,7	16,4	12,1	5,4	4,7	4,5	12,6	12,1	11,7
Хозяйства населения	2,1	15,9	21,8	18,5	16,1	16,2	14,7	14,9	13,0
Фермерские хозяйства	–	0,0	0,3	0,6	0,1	0,6	0,2	0,1	0,3
Все категории	20,8	32,3	34,2	24,5	20,9	21,3	27,5	26,7	25,0
Мясо скота и птицы (в убойном весе)									
Сельхозорганизации	30,4	12,8	7,8	10,5	14,6	19,8	24,0	24,8	24,5
Хозяйства населения	7,7	9,3	6,5	4,2	2,9	1,8	1,2	1,1	1,1
Фермерские хозяйства	–	0,2	0,2	0,3	0,4	0,5	0,4	0,5	0,5
Все категории	8,1	22,3	14,5	15,0	17,9	22,1	25,6	26,4	26,1
Молоко									
Сельхозорганизации	175,1	90,6	53,0	35,8	32,9	36,2	38,5	38,2	38,4
Хозяйства населения	31,9	50,2	51,7	40,1	24,5	12,9	8,4	7,0	7,2
Фермерские хозяйства	–	1,6	1,2	1,9	4,2	7,4	8,2	8,8	8,8
Все категории	207,	142,4	105,9	78,6	61,6	56,5	55,1	54,0	54,4
Яйцо, млн шт.									
Сельхозорганизации	356,9	185,6	170,6	174,7	165,7	114,3	119,2	115,7	116,3
Хозяйства населения	8,5	8,8	2,2	1,4	2,0	2,9	3,8	3,7	4,7
Фермерские хозяйства	–	0,1	0,0	0,1	0,2	1,2	1,1	1,2	1,2
Все категории	365,4	194,5	172,8	176,2	167,9	118,4	124,1	120,6	122,2

Составлено по: Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар.

³⁶ Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России (1995): сборник. Москва: [б. н.]. 168 с.

Наиболее высокие темпы падения были характерны для производства говядины и телятины. За годы реформ оно сократилось в 7,3 раза, что привело к снижению доли мяса крупного рогатого скота с 37% в 1990 году до 7% в 2022 году.

Сокращение производства продукции скотоводства и яйца способствовало снижению самообеспеченности этими видами продукции. За 1990–2022 гг. уровень самообеспеченности населения молоком и молочными продуктами уменьшился с 40 до 28%, говядиной и телятиной – с 56 до 13%, яйцом – с 94 до 55%. Показатель по мясу птицы вырос с 24 до 71%, по свинине остался на прежнем уровне (табл. 6).

Спад производства продукции был обусловлен сокращением инвестиций и деградацией ресурсного аграрного потенциала. Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства в общей сумме инвестиций за 1990–2022 гг. снизились с 5,7 до 0,6% при удельном весе сельского хозяйства в валовом региональном продукте, равном 1,5%. Темпы снижения инвестиций в аграрный сектор оказались более чем в четыре раза выше, чем в целом по республике. Основные фонды в отрасли изношены почти на половину, а в большинстве сельских районов – на 70–80%. Резко сократились показатели по вводу в действие отдельных производствен-

ных мощностей за счет нового строительства, расширения и реконструкции. Если ввод помещений для крупного рогатого скота в 1990 году составлял 2,8 тыс. мест, то в среднем за последние пять лет – 0,7 тыс.³⁷

В Республике Коми посевные площади за 1990–2022 гг. уменьшились в 3,2 раза, в том числе картофеля – в 4,2 раза, овощей – в 2 раза, поголовье крупного рогатого скота – в 6,3 раза, свиней – в 3,9 раза, птицы – в 2,4 раза.

Значительно снизились показатели приобретения технических средств и потребления энергетических ресурсов. В результате количество тракторов за 1990–2022 гг. сократилось в 12 раз, машин для посева – в 15 раз, пресс-подборщиков – в 6,2 раза, кормоуборочных комбайнов – в 6 раз, картофелеуборочных – в 22 раза, машин для внесения твердых органических удобрений – в 47 раз, машин для внесения жидких органических удобрений – в 13 раз, доильных установок – в 13 раз, потребление электроэнергии на производственные цели – в 1,9 раза, объем энергетических мощностей – в 7,8 раза³⁸.

Таким образом, оценка среднегодовых объемов производства аграрной продукции на разных исторических этапах в Коми показала, что наиболее благоприятным для развития сельского хозяйства был период 1960 – начала 1990-х гг., предшествовавший рыночным реформам (табл. 7).

Таблица 6. Уровень самообеспеченности населения Республики Коми основными видами аграрной продукции, %

Продукция	Год								
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Картофель	68	117	99	87	84	93	94	89	92
Овощи и бахчевые культуры	16	40	39	32	25	26	35	35	37
Мясо и мясопродукты	39	37	27	24	26	32	38	39	43
в том числе:									
говядина и телятина	56	47	31	22	18	14	11	13	13
свинина	55	32	12	9	14	27	51	53	55
мясо птицы	24	8	12	26	41	39	62	67	71
оленина	120	110	90	50	60	90	49	108	112
Молоко и молокопродукты	40	56	46	33	25	24	27	26	28
Яйца и яйцопродукты	94	83	61	66	64	49	50	49	55

Рассчитано по: Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы: стат. сб. Сыктывкар; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: утв. Приказом Минздрава РФ от 19 августа 2016 года № 614.

³⁷ Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. Сыктывкар.

³⁸ Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы: стат. сб. Сыктывкар.

Таблица 7. Производство продукции сельского хозяйства в Коми в основные исторические периоды (в среднем за год), тыс. т

Продукция	1913–1921 гг.	1922–1928 гг.	1928–1940 гг.	1941–1959 гг.	1960–1991 гг.	1992–2022 гг.
Зерновые культуры	22,9	27,8	46,4	36,3	6,7	0,3
Картофель	11,8	26,7	84,6	113,7	177,8	88,8
Овощи	2,4	8,6	13,6	16,1	26,1	24,1
Молоко	22,2	100,2	191,6	73,5
Мясо (уб. вес)	1,3	7,4	23,2	20,7
Яйца, млн шт.	6,5	11,8	171,6	150,1

Составлено по: Агропромышленный комплекс Республики Коми: история и современность (2011): стат. сб. / Комистат. Сыктывкар. С. 59, 74; Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар.

Либеральные реформы обострили социально-экономические проблемы северного села. Для сельской местности Коми характерна неразвитость транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. До 2020 года на селе не строились дороги и фельдшерско-акушерские пункты. Из общего объема бюджетных средств, направляемых на развитие сельской инфраструктуры, за 2003–2023 гг. доля финансовых средств на их строительство составила 0,7 и 0,06% соответственно³⁹.

На селе большая часть автомобильных дорог – грунтовые, состояние которых остается неудовлетворительным. Низкая обеспеченность сельских дорог с твердым покрытием не позволяет сельскому населению своевременно получить услуги образования, здравоохранения, культуры, бытового обслуживания. По данным Т.Е. Дмитриевой, транспортная доступность Сыктывдинского, Корткеросского, Сысольского, Койгородского и Прилузского районов находится в пределах часа и характеризуется хорошей устойчивостью. Удорский, Троицко-Печорский, Ижемский и Усть-Цилемский районы имеют двух- и трехчасовую доступность. Многие малолюдные деревни Удорского, Усть-Куломского, Троицко-Печорского районов характеризуются недоступностью или малоустойчивой автодорожной доступностью (Дмитриева и др., 2006, с. 45, 46, 48).

В связи с большой пространственной протяженностью сельских территорий, вы-

сокими удельными затратами на строительство газотранспортных сетей преобладающая часть (84%) сельского населения Республики Коми проживает в негазифицированных населенных пунктах. Из 684 сельских населенных пунктов только 34 подключены к системе снабжения сетевым газом. Полностью негазифицированными остаются Сысольский, Койгородский, Прилузский, Корткеросский, Усть-Куломский, Удорский, Ижемский, Усть-Цилемский районы (Чайка, 2014, с. 137).

Большинство жителей сельских населенных пунктов лишены элементарных коммунальных удобств. Обеспеченность жилищного фонда села водопроводом в 3,2 раза, канализацией – в 4 раза, центральным отоплением и газом – в 2,3 раза, горячим водоснабжением – в 9,8 раза, ваннами – в 7,3 раза, напольными электроплитами – в 3,1 раза ниже, чем в городе.

В результате политики оптимизации социальной инфраструктуры, снижения объемов ее финансирования в 2022 году по сравнению с 1990 годом количество дошкольных учреждений сократилось в 2,8 раза, общеобразовательных школ – в 2,4 раза, учреждений культурно-досугового типа – в 1,5 раза, общедоступных библиотек – в 1,3 раза⁴⁰. Существенно снизилось число фельдшерско-акушерских пунктов. Если в 1985 году их насчитывалось 418, в 1990 году – 395, то в 2022 году – 287 ед.⁴¹, т. е. за этот период их количество уменьшилось в 1,5 раза.

³⁹ Данные Министерства сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми.

⁴⁰ Статистический ежегодник Республики Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар.

⁴¹ Развитие агропромышленного комплекса РСФСР (1991): стат. сб. / Госкомстат РСФСР. Москва.

Рыночная трансформация сопровождалась ухудшением демографической ситуации на селе. За 1990–2022 гг. численность сельского населения, несмотря на преобразования городских поселков в сельские населенные пункты, сократилась на 141,4 тыс. человек, или на 47%. В среднем за год численность населения уменьшалась на 6,1 тыс. человек. Среднегодовые темпы снижения составили 3,2%, причем темпы сокращения были самыми высокими в период 1990–2010 гг. Наибольшее сокращение за эти годы произошло в Княжпогостском (6,7 раза), Троицко-Печорском (3,4 раза), Удорском (2,4 раза), Усть-Вымском (2,4 раза), Усть-Куломском (1,8 раза) районах⁴².

В результате убыли сельского населения происходит обезлюдивание сельских территорий. В районах со 100%-ной численностью сельского населения количество жителей на 1 кв. км за 1990–2022 гг. уменьшилось с 1,9 до 1,2 человек. Наиболее высокие темпы снижения плотности сельского населения наблюдались в Усть-Цилемском (2 раза), Усть-Куломском (1,9 раза), Койгородском, Прилузском и Сысольском (1,7 раза), Корткеросском (1,6 раза), наиболее низкие – в Сыктывдинском и Ижемском (1,3 раза) районах⁴³.

Коэффициент рождаемости сельского населения в Коми снизился с 14,4% в 1990 году до 9,1% в 2022 году. Уровень смертности сельского населения выше по сравнению с городом (17,9 против 13,1 смертей на 1 тыс. жителей в 2022 году). Коэффициент смертности на селе за 1990–2022 гг. вырос с 9,5 до 17,9, а городского населения – с 6,8 до 13,1. Значительный рост смертей сельского населения произошел в Койгородском, Усть-Куломском и Усть-Цилемском районах (2 раза)⁴⁴. Повышение уровня смертности на селе в основном связано с более низким по сравнению с городом уровнем медицинского обслуживания, усилением алкоголизации, большим числом смертей от несчастных случаев и самоубийств.

На селе идет процесс старения населения. Доля жителей трудоспособного возраста уменьшилась с 56,1% на начало 1991 года до 53,5% на начало 2023 года. Этот показатель в сельской местности ниже по сравнению с городом (в городе 58,6%). Падение доли населения трудоспособного возраста происходит за счет старения и уменьшения численности населения моложе трудоспособного возраста. За рассматриваемый период доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась с 15,1 до 27,8%; доля населения моложе трудоспособного возраста уменьшилась с 28,8 до 19,7%⁴⁵.

Сельские территории северного региона характеризуются высоким уровнем бедности, превышающим почти двукратно этот показатель для городских жителей. Бедность вынуждает значительную часть сельского населения отказываться от покупки потребительских товаров, качественных продуктов питания, потребления общеобразовательных, медицинских и других услуг⁴⁶.

Анализ и оценка реализации национального проекта «Развитие АПК», трансформированного в Госпрограмму развития агропродовольственного сектора, свидетельствует о положительных тенденциях. Произошло существенное увеличение объемов субсидий в аграрную отрасль, что позволило избежать убыточности большинству сельхозтоваропроизводителей, добиться модернизации мясного птицеводства и свиноводства, роста заработной платы работников сельского хозяйства. В то же время за 2005–2022 гг. выявлено сокращение численности работников отрасли, обрабатываемых земельных площадей, поголовья скота и птицы, падение производства говядины и телятины в 2,3 раза, молока – в 1,4 раза, яйца – в 3,9 раза. В этот период в хозяйствах населения снизилось производство продукции и уменьшилась ее доля в структуре валовой продукции⁴⁷. Меры, предпринятые в рамках разрозненных программ развития сельских территорий, не привели к обустройству села.

⁴² Демографический ежегодник Республики Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Демографический ежегодник Республики Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат.

⁴⁶ Социально-экономические индикаторы бедности (2023): стат. сб. / Росстат. Москва.

⁴⁷ Сельское хозяйство в Республике Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар; Агропромышленный комплекс Республики Коми за соответствующие годы: стат. сб. / Комистат.

В рамках существующей капиталистической рыночной экономики невозможно обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий и агропродовольственного сектора. Их возрождение требует демонтажа существующей либерально-монетаристской модели и перехода социально-экономического развития России на плановую основу.

Заключение

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы.

Исходя из социально-экономических процессов, происходящих в северном сельском хозяйстве и на селе с начала возникновения земледелия и животноводства, выделено пять исторических этапов развития. Учет их особенностей позволяет выработать новые подходы к устойчивому развитию агропродовольственного сектора и сельских территорий.

В первые периоды колонизации Коми края основу крестьянского хозяйства составляли охота, рыбная ловля, различные промыслы. С XII века начинает развиваться пашенное земледелие на основе подсеčno-огненной системы. К концу XVI века заметно выросла роль животноводства. С середины XVII века в северных волостях получило развитие оленеводство. В начале XX века продолжали укрепляться земледелие и животноводство. Высокие темпы развития крестьянских хозяйств были достигнуты в период НЭПа. Ведение сельского хозяйства на основе частного крестьянского хозяйства способствовало повышению уровня самообеспечения населения продуктами питания.

В суровых климатических условиях, ограничивающих развитие земледелия, крестьяне в течение многовековой истории вели комплексное хозяйство. Многоотраслевое хозяйство, включающее земледелие, животноводство, лесное хозяйство и промыслы, обеспечивало крестьянским семьям приемлемый доход и позволяло развивать сельскохозяйственное производство. При формировании крестьянско-фермерского уклада в современных условиях особенно

актуально использовать исторический опыт функционирования многоотраслевого частного хозяйства.

Коллективизация сельского хозяйства, означавшая коренную ломку общественных отношений в деревне, на многие годы остановила развитие частного крестьянского хозяйства. Ускоренные темпы коллективизации позволили к концу 1930-х гг. сосредоточить в колхозах основную долю посевов сельхозкультур и поголовья скота.

Великая Отечественная война подвергла деревню и сельское хозяйство суровым испытаниям. Ценой невероятных усилий удалось поддерживать уровень производства сельхозпродукции и увеличить снабжение армии продовольствием. Принятые государством в первой половине 1950-х гг. важные политические и экономические меры позволили к 1960 году превзойти довоенный уровень производства продуктов питания.

Наиболее высокие темпы роста производства, эффективности сельского хозяйства, социального развития села были достигнуты в 1960–1991-е гг. Нарастание объемов аграрного производства обеспечивалось ускорением темпов интенсификации и индустриализации. Аграрная и социальная политика способствовала сближению условий и уровня жизни городского населения и крестьян.

Формирование капиталистического способа производства в начале 1990-х гг. ввергло северное сельское хозяйство и село в системный кризис. Либеральные рыночные реформы сопровождалась разрушением аграрного потенциала, падением производства картофеля, продукции скотоводства, свиноводства, яичного птицеводства, ухудшением демографической ситуации в сельской местности, прекращением строительства сельских дорог и социальных объектов, деградацией инфраструктуры села. Устойчивое развитие аграрного сектора и сельских территорий требует демонтажа существующей либерально-монетаристской модели и перехода социально-экономического развития страны на плановую основу.

ЛИТЕРАТУРА

- Безносова Н.П. (1995). Население Республики Коми в годы Великой Отечественной войны // Коми деревня в XX веке: история, современность, перспективы. Сыктывкар. 128 с.
- Дмитриева Т.Е., Акишин В.С., Зорина Е.Н. [и др.] (2016). Модернизация инфраструктуры развития сельских территорий / отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми республиканская типография. 241 с.
- Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. (1996). История Республики Коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во. 288 с.
- Иванов В.А. (2022). Аграрный сектор Севера и Арктики: исторический аспект, направления развития // Арктика: экология и экономика. Т. 4. № 4. С. 559–571.
- Иванов В.А., Терентьев В.В., Кузиванова Л.А. [и др.] (2002). Социально-экономические проблемы развития северной деревни: монография. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН. 336 с.
- Канев Г.В. (1985). Экономические проблемы сельского хозяйства Европейского Севера. Москва: Наука. 128 с.
- Котов П.П. (1996). Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX веков. Сыктывкар. С. 135–154.
- Мантино Ф. (2010). Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. ФАО; Милан: Business Media of the Sole 24 Ore. 272 с.
- Никонов А.А. (1995). Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX). Москва: Энциклопедия российских деревень. 574 с.
- Попов А.А., Сметанин А.Ф. (1995). Коми деревня в советский период. Сыктывкар. 25 с.
- Терентьев В.В. (2013). Кадровое обеспечение модернизации сельского хозяйства северных и арктических территорий (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (28). С. 151–165.
- Турубанов А.Н., Тюкавина И.А. (2023). Местная промышленность Коми АССР. 1921–1990 гг.: сб. документов и материалов / науч. ред. А.А. Попов. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ. 298 с.
- Цой Ун-Ен. (1986). Крестьянский отход в Коми крае в начале XX века // Крестьянство Коми края (досоветский период): труды Ин-та яз., лит. и истории Коми фил. АН СССР. Сыктывкар. Вып. 38. С. 52–69.
- Чайка Л.В. (2014). Энергетическая инфраструктура сельских поселений Республики Коми // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера: в 2 ч. Ч. II. Сыктывкар. С. 136–144.
- Чупров В.И. (1999). Коми деревня в начале XX века (1900–1917 гг.): землевладение, землепользование. Сыктывкар: СЛИ. 88 с.
- Шутьков А.А. (2022). Система управления агропромышленным комплексом: теория, методология, практика: монография. 4-е изд. Москва: Дашков и К°, 389 с.
- Hedeager L., Kristiansen K., Porsmose E. [et al.] (1988). *Det Danske Landbrugs-Historiev*. Bd. 1–4. Copenhagen: Landbohistorisk Selskab.
- Heikkinen H. (2006). Neo-entrepreneurship as an adaptation model of reindeer herding in Finland. *Nomadic peoples*, 10 (2), 187–208.
- Smitt J. (2003). *Norges Landbrug i Dette Aarhundrede*. Kristiana: P.T. Mailing.
- Muuttoranta K. (2012). *Regional Differences in Reindeer Herding Operations in Finland*. Available at: <http://doi.org/10.1080-09064702.2012.747560>
- Kauppalä P. (1998). *The Russian North. The Rise, Evolution and Current of State Settlement policy*. Helsinki.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентин Александрович Иванов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми научный центр УрО РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru)

Ivanov V.A.

AGRICULTURE AND THE NORTHERN VILLAGE: HISTORICAL STAGES

Agriculture and the village in the Komi Republic have undergone a complex long development path. The forms of land use and village management have changed. This conditioned the choice of the research objective – to identify the stages and evaluate the historical experience of development of northern agriculture and the village. The theoretical and methodological basis of the study is the works of economists and historians on the problems of northern agriculture and rural areas. We used analytical monographic, logical, statistical and systematic methods. The information base is provided by the data of regional and federal state statistics services. The article considers the evolution of the development of branches of peasant economy; reveals the necessity of complex farming; analyzes the methods and difficulties of collectivization of agriculture; shows the state of the material base of collective farms, agricultural production, changes in the social image of the village, the development of non-agricultural activities. We studied the development of agriculture and local industry in rural areas during the harsh trials of the Great Patriotic War. We established that it was possible to surpass the pre-war level of agricultural and livestock production in the period of post-war reconstruction. The paper analyzes the development of the industry and social transformations in rural areas for more than 30 years before the liberal market reforms. The work shows the positive impact of modernization processes on the development of the agrarian sector and the village. We assessed the impact of the formation of capitalist production on the agrarian sector, the northern village and the level of food self-sufficiency. The research results can be useful to public authorities and local self-government bodies in the working out of rural development strategy of the northern region. Future research directions are related to the solution of social and economic problems of the northern village.

Historical stages, peasant economy, village, agriculture, food self-sufficiency, rural territories, Komi Krai, Komi Republic.

REFERENCES

- Beznosova N.P. (1995). Population of the Komi Republic during the Great Patriotic War. In: *Komi derevnya v XX veke: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Komi Village in the Twentieth Century: History, Modernity, Prospects]. Syktyvkar (in Russian).
- Chaika L.V. (2014). Energy infrastructure of rural settlements of the Komi Republic. In: *Aktual'nye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Severa: v 2 ch. Ch. II* [Actual Problems, Directions and Mechanisms of Development of Productive Forces of the North: In 2 Parts. Part 2]. Syktyvkar (in Russian).
- Chuprov V.I. (1999). *Komi derevnya v nachale XX veka (1900–1917 gg.): zemlevladienie, zemlepol'zovanie* [Komi Village in the Early Twentieth Century (1900–1917): Land Tenure, Land Use]. Syktyvkar: SLI.
- Dmitrieva T.E., Akishin V.S., Zorina E.N. et al. (2016). *Modernizatsiya infrastruktury razvitiya sel'skikh territorii* [Modernization of Rural Development Infrastructure]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya.

- Hedeager L., Kristiansen K., Porsmose E. et al. (1988). *Det Danske Landbrugs-Historiev*. Bd. 1–4. Copenhagen: Landbohistorisk Selskab.
- Heikkinen H. (2006). Neo-entrepreneurship as an adaptation model of reindeer herding in Finland. *Nomadic Peoples*, 10(2), 187–208.
- Ivanov V.A. (2022). Agricultural sector of the North and the Arctic: Historical aspect, directions of development. *Arktika: ekologiya i ekonomika=Arctic: Ecology and Economy*, 4(4), 559–571 (in Russian).
- Ivanov V.A., Terent'ev V.V., Kuzivanova L.A. et al. (2002). *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy razvitiya severnoi derevni: monografiya* [Socio-Economic Problems of Northern Village Development: Monograph]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN.
- Kanev G.V. (1985). *Ekonomicheskie problemy sel'skogo khozyaistva Evropeiskogo Severa* [Economic Problems of Agriculture in the European North]. Moscow: Nauka.
- Kauppalä P. (1998). *The Russian North. The Rise, Evolution and Current of State Settlement policy*. Helsinki.
- Kotov P.P. (1996). *Dinamika urovnya zemledeliya v Komi krae v kontse XVIII – nachale XX vekov* [Dynamics of the Level of Farming in the Komi Krai in the Late 18th – Early 20th Century]. Syktyvkar (in Russian).
- Mantino F. (2010). *Sel'skoe razvitie v Evrope. Politika, instituty i deistvuyushchie litsa na mestakh s 1970-kh godov do nashikh dnei* [Rural Development in Europe. Policies, Institutions and Actors on the Ground from the 1970s to the Present Day]. Milan: Business Media of the Sole 24 Ore.
- Muuttoranta K. (2012). *Regional Differences in Reindeer Herding Operations in Finland*. Available at: <http://doi.org/10.1080-09064702.2012.747560>
- Nikonov A.A. (1995). *Spiral' mnogovekovoï dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX)* [The Spiral of Centuries of Drama: Agrarian Science and Politics in Russia (17th–20th)]. Moscow: Entsiklopediya rossiiskikh dereven'.
- Popov A.A., Smetanin A.F. (1995). *Komi derevnya v sovetskii period* [Komi Village in the Soviet Period]. Syktyvkar.
- Shut'kov A.A. (2022). *Sistema upravleniya agropromyshlennym kompleksom: teoriya, metodologiya, praktika: monografiya. 4-e izd.* [Management System of Agro-Industrial Complex: Theory, Methodology, Practice: Monograph. Forth Edition]. Moscow: Dashkov i K°.
- Smitt J. (2003). *Norges Landbrug i Dette Aarhundrede*. Kristiana: P.T. Mailing.
- Terent'ev V.V. (2013). Personnel support of modernization of agriculture in the northern and arctic territories (on the example of the Komi Republic). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 4(28), 151–165 (in Russian).
- Tsoi Un-En. (1986). Peasant withdrawal in the Komi Krai in the early twentieth century. In: *Krest'yanstvo Komi kraya (dosovetskii period): trudy In-ta yaz., lit. i istorii Komi fil. Vyp. 38* [Komi Peasantry (Pre-Soviet Period): Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Branch. Volume 38]. Syktyvkar (in Russian).
- Turubanov A.N., Tyukavina I.A. (2023). *Mestnaya promyshlennost' Komi ASSR. 1921–1990 gg.: sb. dokumentov i materialov* [Local Industry of the Komi ASSR. 1921–1990: Collection of Documents and Materials]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU.
- Zherebtsov I.L., Savel'eva E.A., Smetanin A.F. (1996). *Istoriya Respubliki Komi* [History of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentin A. Ivanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.8

УДК 314.1 | ББК 60.723

© Доброхлеб В.Г.

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РФ ВО ВТОРОМ И НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА ДОБРОХЛЕБ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: vdobrokhleb@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4864-8231; ResearcherID: B-1337-2017

Демографический вызов является одним из важнейших барьеров для социально-экономического развития России и может изменить ее положение как одной из наиболее населенных стран на карте мира. По прогнозам, наибольший прирост населения планеты до 2050 года обеспечат 8 государств: Демократическая Республика Конго, Египет, Эфиопия, Индия, Нигерия, Пакистан, Танзания и Филиппины. Это изменит порядок ранжирования крупнейших по численности населения стран мира. В таких условиях Россия к середине XXI века потеряет статус одной из наиболее населенных стран – в 2022 году в рейтинге наиболее населенных стран она занимала 9 место. Ее отличительными чертами являются полиэтничность и многоконфессиональность. Также специфика России заключается в том, что институализация этничности в рамках федеративного устройства оформлена наличием этнотерриториальных автономий в виде республик и автономных округов, что связывают, в том числе, с существованием примордиального видения этничности как на бытовом, так и на экспертном уровне. В условиях демографических вызовов, стоящих перед страной, актуальными как в научном, так и в прикладном аспекте становятся исследования демографической динамики в этнонациональных регионах. Научная проблема, на решение которой направлено данное исследование, состоит в выявлении и интерпретации изменений половозрастного состава населения этнонациональных регионов России во втором и начале третьего десятилетия XXI века, определении динамики численности населения национальных регионов за период с 2011 по 2023 год, а также в формировании предложений

Для цитирования: Доброхлеб В.Г. (2024). Динамика демографического старения этнонациональных регионов РФ во втором и начале третьего десятилетия XXI века // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 112–122. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.8

For citation: Dobrokhleb V.G. (2024). Demographic dynamics of the ethnonational regions of the Russian Federation in the twenties and early thirties of the 21st century. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 112–122. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.8

по корректировке направлений демографической политики в рамках Стратегии национальной политики РФ до 2025 года и на дальнейший период.

Демографическая динамика, половозрастная структура, этнотерриториальные автономии, демографический аспект национальной политики.

Введение

Демографический вызов является одним из важнейших барьеров для социально-экономического развития России и может изменить ее положение как одной из наиболее населенных стран на карте мира. Современные мировые демографические тенденции свидетельствуют о разнонаправленной динамике численности населения. В целом наблюдается замедление темпов роста численности населения мира, по прогнозам – более медленное увеличение примерно до 9,7 млрд человек в 2050 году и 10,4 млрд человек в 2100 году¹. Однако в ряде стран мира численность населения повышается быстрее. Наибольший прирост населения планеты до 2050 года обеспечат 8 государств: Демократическая Республика Конго, Египет, Эфиопия, Индия, Нигерия, Пакистан, Танзания и Филиппины. Это изменит порядок ранжирования крупнейших по численности населения стран мира. В таких условиях Россия к середине XXI века потеряет статус одной из наиболее населенных стран и не будет входить в число десяти государств с наибольшим населением. В 2022 году в рейтинге наиболее населенных стран Россия занимала 9 место. По данным ООН, численность населения мира в 2024 году достигла 8091,7 млн человек, увеличившись в сравнении с 2022 годом на 46,4 млн человек².

Одним из наиболее важных аспектов динамики населения как мира в целом, так и большинства стран остается процесс демографического старения. К середине XXI века доля населения в возрасте 65+ увеличится с 10 до 16% по миру в целом³. Повышение

доли старых людей в возрастной структуре населения приводит к изменению процесса его воспроизводства: смертность превышает рождаемость, что, несмотря на увеличение продолжительности жизни, в перспективе определяет процесс депопуляции (сокращения численности населения). По прогнозам ООН, население 61 страны (около трети стран мира) в период 2022–2050 гг. уменьшится на 1% и более, в первую очередь из-за сокращения рождаемости⁴.

Общая численность населения Российской Федерации по оценке на 1 января 2024 года составляла 146,1 млн человек, что на 296,6 тыс. человек меньше, чем в предыдущем периоде. В возрастной структуре населения 23,7% (34593,4 тыс. человек) – люди старше трудоспособного возраста. В сравнении с 2018 годом доля и численность населения старше трудоспособного возраста сократилась на 1,7% (2890,2 тыс. человек)⁵. Однако это связано не с позитивными изменениями в режиме воспроизводства населения. Сокращение численности и доли населения старших возрастных когорт обусловлено двумя основными причинами: во-первых, последствиями пандемии COVID-19, во-вторых, проведением пенсионной реформы 2018 года, в ходе которой был законодательно увеличен возраст выхода на пенсию. На фоне продолжающейся депопуляции и изменений возрастной структуры населения, связанных с процессом демографического старения, актуализируется потребность в исследованиях демографической динамики не только на макро-, но и на мезоуровне, включая рассмотрение

¹ World Population Prospects 2024: Summary of Results | DESA Publications. URL: <https://desapublications.un.org/publications/world-population-prospects-2024-summary-results> (accessed 06.10.2024).

² Там же

³ World Population Prospects 2022: Summary of Results. United Nations iLibrary. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210014380> (accessed 10.09.2024).

⁴ Там же.

⁵ Демография // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 19.08.2024).

трендов демографического развития, в том числе регионов с учетом этнической составляющей. Цель данного исследования состоит в выявлении трендов демографического старения этнонациональных регионов России во втором и начале третьего десятилетия XXI века. В ходе работы решались следующие задачи: обзор научных подходов к этнонациональным проблемам, структурирование национальных образований РФ по трендам и динамике общих показателей изменения численности населения на данных территориях; установление общих и отличительных особенностей динамики демографического старения в стране в целом и этнонациональных образованиях России; выявление особенностей динамики старения населения по полу; формирование предложений по совершенствованию демографической политики в рамках Стратегии национальной политики РФ до 2025 года и на дальнейший период.

Теоретические подходы к рассмотрению этносов

Исследователи отмечают, что в настоящее время Россия является полиэтничным и поликонфессиональным обществом. Специфика государственной структуры РФ заключается в институализации этничности, что обусловлено существованием в рамках федеративного устройства различных этнотерриториальных автономий (Этническое..., 2018), представленных четырьмя формами: 21 национальная республика, 3 территориальных республики, 4 автономных округа и 1 автономная область. Подчеркивается, что этнонациональные структуры в рамках федеративного устройства страны определяются примордиальным видением этничности как на бытовом, так и на экспертном уровне.

Дискуссии о происхождении и развитии этносов имеют длительную историю. Их участников, как правило, относят к двум основным направлениям – примордиализму и конструктивизму. Примордиализм — один

из теоретико-методологических подходов в общественных науках, рассматривающий крупные социальные группы, в первую очередь этнические и расовые, как имеющие изначально (примордиальные) присущие им характеристики. Известный русский ученый И.А. Сикорский во время Первой мировой войны опубликовал работу «Что такое нация и другие формы этнической жизни?», считающуюся одной из основополагающих в теории этносов (Сикорский, 1915). И в настоящее время примордиализм трактуется в качестве подхода к этническим общностям как к древним, устойчивым объединениям людей⁶. Его представители И.Г. Фихте, И.Г. Гердер, Ж.А. де Гобино, Н.Я. Данилевский еще в XIX веке предложили свои взгляды на проблемы расы, этноса и национальности. В XX развивались социобиологическое направление, представленное в работах С.М. Широкогорова (Широкогородов, 1923), теория этногенеза Л.Н. Гумилева (Гумилев, 1989), социокультурная концепция этноса Ю.В. Бромлея (Бромлей, 1983). Во второй половине XX века данное научное направление подверглось жесткой критике. Вместе с тем в обновленном виде этот подход рассматривается в настоящее время в трудах по этногеномике (Хуснутдинова, 2014) и является компонентом интегрального исследования этничности в работах С.В. Соколовского (Соколовский, 2011), В.А. Тишкова (Тишков, 1997) и др.

Сторонники широко распространенной теории конструктивизма декларируют, что нации являются идеалистическими образованиями, которые формируются человеческим сознанием. Течение конструктивизма представляют такие ученые, как Э. Смит (Smith, 1986), Э. Геллнер (Gellner, 1983), Э. Хобсбаум (Хобсбаум, 1998), Б. Андерсон (Андерсон, 2016; Anderson, 1991) и др. Есть исследователи, рассматривающие этногенез как процесс, имеющий как примордиальные, так и конструктивистские факторы (Комарофф, Комарофф, 2002).

⁶ Примордиализм // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/primordializm-d5b58a?ysclid=m1ru0ke5iu938290834> (дата обращения 02.10.2024).

Мы солидарны с академиком В.А. Тишковым⁷ в том, что именно демографические процессы и смена идентичности определяют этнический состав населения.

Этнонациональная структура РФ, динамика общей численности и половозрастной структуры населения национальных регионов

В рамках нашего исследования рассмотрим процесс естественного воспроизводства населения в показателях динамики общей численности населения этнонациональных регионов РФ между двумя последними Всероссийскими переписями населения 2010 и 2020 гг.

В ходе работы применялись методы статистического анализа, демографическое старение рассматривалось как динамический процесс, затрагивающий и Россию в целом, и ее этнонациональные регионы, использован комплексный подход.

Безусловно, этнический состав населения различных стран, в том числе России, определяют демографические факторы: во-первых, процессы естественного воспроизводства населения (т. е. соотношение процессов рождаемости и смертности), во-вторых, миграция. На формирование этнического состава оказывает влияние и смена идентичностей. Остановимся на анализе динамики процесса естественного воспроизводства населения и в связи с этим – на изменении возрастной структуры населения этнонациональных формирований РФ.

Россия – одно из самых больших полиэтничных государств мира. По данным последней Всероссийской переписи населения, в стране проживает более 190 национальностей⁸. Их перечень сформирован на основании самоопределения жителей страны.

В связи с этим все более актуальным направлением исследований становятся выявление и интерпретация трендов изменений численности и половозрастного состава населения в различных регионах

России, включая этнонациональные, во втором и начале третьего десятилетия XXI века, в том числе 21 национальной республике (Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карелия, Карачаево-Черкесия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Хакасия, Удмуртия, Чеченская Республика, Чувашия), 3 территориальных республиках (Крым, Донецкая, Луганская), 4 автономных округах (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий), 1 автономной области (Еврейская). Рассмотрим структуру населения национальных формирований с позиции их этнического состава.

Структура населения по национальному признаку в этнонациональных образованиях РФ существенно различается. Можно выделить как минимум три типа регионов:

- мононациональные, где представители национальных этносов составляют более восьмидесяти процентов населения: Чеченская Республика (96,4% чеченцы), Ингушетия (92,9% ингуши), Тыва (83,1% тувинцы);

- с преобладанием национальных этносов, где доля представителей национальных этносов превышает пятьдесят процентов от общей численности населения: Северная Осетия – Алания (осетины 64,0%), Кабардино-Балкария (кабардинцы 55,5%; балкарцы 13,3%), Калмыкия (калмыки 59,5%), Карачаево-Черкесия (карачаевцы 44,3%; черкесы 12,6%), Саха (Якутия) (якуты 55,2%), Татарстан (татары 52,2%), Чувашия (чуваши 57,7%);

- этнонациональные регионы, в которых преобладает русское население: Адыгея (русские 57,9%), Алтай (русские 50,3%), Бурятия (русские 59,4%), Карелия (русские 76,6%), Коми (русские 54,0%), Мордовия (русские 51,8%), Хакасия (русские 66,6%), Удмуртия (русские 57,9%), Крым (русские 72,9%), Ненецкий автономный округ (русские 62,8%), Ханты-Мансийский автономный

⁷ Тишков В.А. После многонациональности. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1968> (дата обращения 24.08.2024).

⁸ Всероссийская перепись населения – 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Всероссийская перепись населения – 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

округ (русские 51,9%), Чукотский автономный округ (русские 53,7%), Еврейская автономная область (русские 88,8%).

Ряд этнонациональных регионов в эту схему не укладывается, их можно отнести к регионам со сложной национальной структурой.

В период с 2011 по 2023 год население РФ увеличилось на 2,4%, или на 3,486 млн человек. Общая численность населения этнонациональных регионов возросла на 9,4%, в том числе за счет воссоединения с Россией новых субъектов. При этом в ряде национальных регионов численность населения увеличивалась за счет превышения рождаемости над смертностью. Наибольший рост числа жителей наблюдался в двух территориях с моноэтническим населением: в Республике Ингушетии прирост составил +22,8%, в Чеченской Республике +18,9%.

Следует отметить, что в Республике Адыгее, где русские составляют 57,9%, численность населения увеличилась на +12,8% (табл. 1). Безусловно, это регионы, расположенные в благоприятных климатических зонах. Однако в дальнейших исследованиях нуждаются причины существенного разрыва в демографической динамике территорий с наибольшим приростом численности населения и национальных формирований со значительным ее снижением.

Самые высокие темпы снижения численности населения во втором и начале третьего десятилетия XXI века среди территорий, относящихся к этнонациональным формированиям, сложились в Республике Коми, Республике Карелии и Еврейской автономной области, в национальной структуре которых русские составляют большинство населения (табл. 2). Климатические зоны, в

Таблица 1. Национальные регионы с наибольшим приростом численности населения в период с 2011 по 2023 год

Регион	Общая численность населения, 2011 год, чел.	Общая численность населения, 2023 год, чел.	Всего прирост (убыль), 2023–2011 гг., %	В том числе		
				моложе трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста
РФ	142960895	146447400	+2,4	+16,1	-4,5	+11,5
Национальные регионы	26424389	28916500	+9,4	+15,2	+1,5	+30,4
Чеченская Республика	1288637	1533200	+18,9	+12,0	+18,6	+50,7
Республика Ингушетия	422517	519100	+22,8	+8,8	+28,4	+34,8
Республика Адыгее	441186	498000	+12,8	+25,1	+9,6	+11,6

Рассчитано по: данные Всероссийской переписи населения – 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; данные Всероссийской переписи населения – 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

Таблица 2. Национальные регионы с наибольшей убылью численности населения в период с 2011 по 2023 год

Регион	Общая численность населения, 2011 год, чел.	Общая численность населения, 2023 год, чел.	Всего прирост (убыль), 2023–2011, %	В том числе		
				моложе трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста
РФ	142960895	146447400	+2,4	+16,1	-4,5	+11,5
Национальные регионы	26424389	28916500	+9,4	+15,2	+1,5	+30,4
Республика Коми	894531	726500	-18,7	-15,1	-27,0	7,1
Республика Карелия	641141	527900	-17,6	-12,6	-25,4	-0,7
Еврейская автономная область	175351	147500	-15,8	-9,0	-21,5	-4,4

Рассчитано по: данные Всероссийских переписей населения 2010 (URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm) и 2020 (URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>).

которых находятся эти территории, менее благоприятны для проживания. Но и иные факторы, влияющие на снижение численности населения, требуют дальнейших исследований, в том числе уровень бедности, структура рынка труда, наличие региональных льгот и др.

Наряду с изменением общей численности населения существенное значение имеют его структурные характеристики. В России за весь период наблюдения сохранялся перевес численности женщин (рис. 1).

Мужчин в этнонациональных регионах в 2011 году насчитывалось 12447311 человек, что составляло 18,8% от численности мужчин в стране (в РФ – 66113260 человек), на тысячу мужчин в РФ приходилось 1162 женщины, в рассматриваемых регионах – 1122 женщины. В 2022 году мужчин в этнонациональных регионах было 13720218 человек, т. е. 20,0% от общей численности мужчин в стране (РФ – 68378428), на тысячу мужчин в этнонациональных регионах приходилось 1109 женщин.

Женщин в этнонациональных регионах в 2011 году насчитывалось 13977078 человек (в РФ – 76847635 человек), т. е. 18,1% от общей численности женщин в России; в 2022 году женщин в исследуемых регионах – 15216085 человек (в РФ – 78601633 человек),

доля женщин в национальных регионах РФ составила 19,3% от общей численности женщин в стране. Расчеты показывают, что соотношение полов в регионах более сбалансированное, чем в целом по РФ.

В структуре населения важно учитывать не только соотношение полов, но и доли различных возрастных групп. В связи с процессом демографического старения особый интерес представляют численность и динамика численности и доли населения старших возрастных групп как на макроуровне, так и на уровне этнонациональных регионов страны.

В России на макроуровне и в целом по этнонациональным регионам продолжилась тенденция демографического старения, которая особенно четко проявляется среди женщин (рис. 2). В 2011 году в общем числе женщин в РФ (76847635 человек) 29,9% составляли возрастные когорты женщин старше трудоспособного возраста (23029273 человек). В этот период в национальных регионах в общей численности женщин (13977078 человек) доля женщин старших возрастов составляла 3277004 человека, или 23,4%. В 2022 году доля пожилых женщин в стране увеличилась до 32,1%. В национальных регионах доля женщин в возрастах старше трудоспособного составила 26,6%.

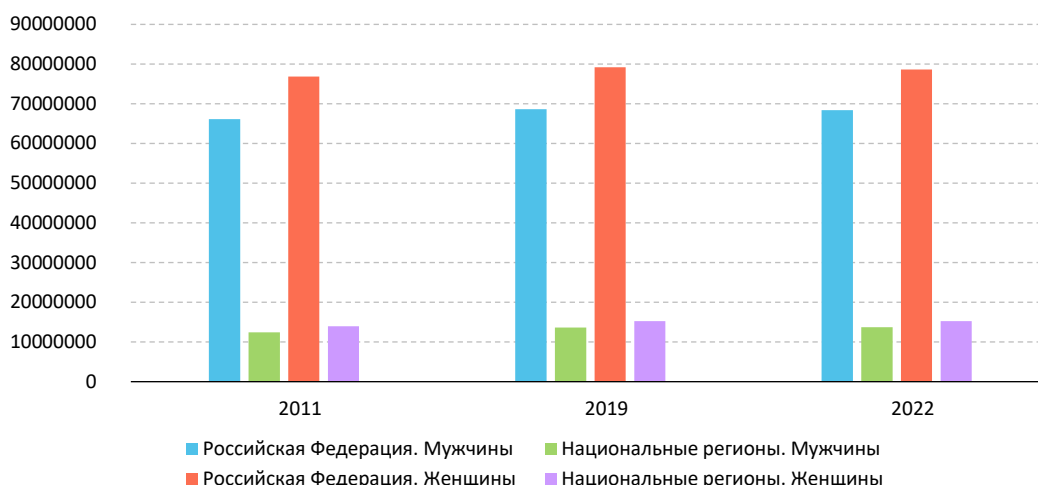

Рис. 1. Динамика общей численности мужчин и женщин всех возрастных когорт в РФ и во всех этнонациональных регионах за период с 2011 по 2022 год

Составлено по: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205>

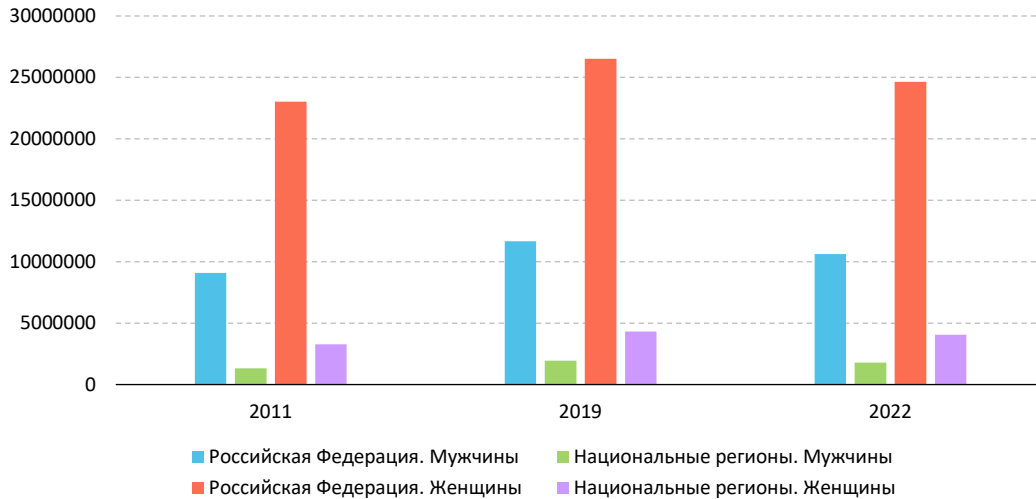

Рис. 2. Динамика численности населения старше трудоспособного возраста в РФ и этнонациональных регионах в 2011–2022 гг.

Составлено по: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации.
 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205>

В 2011 году в РФ проживало 66113260 мужчин всех возрастов, из них 9091935 человек старше трудоспособного возраста (13,7%). В национальных регионах в 2011 году из 12447311 мужчин 1317174 относились к категории старше трудоспособного возраста (10,5%). В 2022 году доли как пожилых женщин, так и пожилых мужчин в стране и национальных регионах возросли. Доля мужчин старше трудоспособного возраста в 2022 году в национальных регионах составила 12,9%.

Показатель демографического старения женщин по РФ в целом и на уровне национальных регионов выше, чем мужского населения, за счет большей продолжительности жизни женщин.

Результаты исследования свидетельствуют, что демографическая структура этнонациональных формирований России неоднородна. Этнонациональные регионы, во-первых, различаются по этническому составу населения: от моноэтнических (например, в Чеченской Республике чеченцы составляют более 96,4% населения) до насчитывающих менее одного процента национального населения (в Еврейской автономной области проживает лишь 0,5% евреев, в Ханты-Мансийском автономном

округе ханты – 1,1%, манси – 0,6% в общей численности населения территории). Во-вторых, наблюдаются разрывы в трендах демографической динамики в период между последними Всероссийскими переписями населения: от существенного роста численности населения (например, в Ингушетии +22,8%, в Чеченской Республике +18,9%) до значительного сокращения (в Республике Коми снижение общей численности населения в указанный период составило -18,7%, в Карелии -17,6%). В-третьих, зафиксированы различные темпы роста возрастных групп: например, прирост числа представителей группы населения моложе трудоспособного возраста в Республике Адыгее в период с 2011 по 2023 год прирост составил 25,1%, а в Республике Коми эта возрастная группа сократилась на 15,1%.

Общие тенденции динамики населения по полу как в РФ, так и по национальным территориям показывают, что общая численность женщин превышает общую численность мужчин. Такая тенденция складывается, в том числе, за счет значительной разницы в численности мужчин и женщин в старших возрастных когортах. В связи с этим тенденция демографического старения особенно четко проявляется среди женщин.

Процесс демографического старения – не только вызов для социальной и пенсионной систем, но и новые возможности при условии сохранения человеческого потенциала старших возрастных групп и формирования второго демографического дивиденда. По этой проблематике опубликовано значительное число научных статей и монографий (Доброхлеб, 2018; Доброхлеб и др., 2022; Bloom, 2019; Hashmi, 2019; Azoulay et al., 2020 и др.).

Заключение

В условиях сохранения сложившихся демографических трендов необходим переход к формированию политики демографической устойчивости России, основанной на адаптации к текущим демографическим изменениям⁹. Тренды демографического старения этнонациональных регионов России в XXI веке совпадают с изменениями возрастного состава населения страны на макроуровне. Выявлено, что процесс старения населения более интенсивно развивается в женских когортах, которые в демографическом плане являются более «старыми», чем мужские. Эта тенденция затрагивает как макроуровень, так и этнонациональные регионы в целом. Увеличение доли и численности пожилых и старых лю-

дей в составе населения признано одним из важнейших демографических вызовов. В этих условиях особое значение приобретают сохранение и возможное улучшение качественных характеристик представителей старшего поколения (в первую очередь здоровья и образования), в том числе пожилых и старых женщин в национальных регионах.

На современном этапе развития российской цивилизации динамика населения во многом связана с реальной демографической политикой. Преодоление цивилизационных вызовов, в том числе демографических, обусловлено эффективными стратегиями в социальной и политической сферах. Демографическая политика в РФ должна охватывать все стадии жизненного цикла, а не основываться на его фрагментах. Социальное конструирование лучшего будущего в демографической сфере – наиболее актуальная и сложная цель социальной политики современной России, которую необходимо включать в Стратегию национальной политики¹⁰. Результаты проведенной работы в теоретическом аспекте позволяют формировать конкретные направления демографических исследований с учетом выстраивания политики демографической устойчивости и формирования общероссийской гражданской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон Б. (2016). Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. Москва: Кучково поле. 416 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/10/23/1110949768/Андерсон.книга.pdf?ysclid=m0cdiqf0py539388343> (дата обращения 27.08.2024).
- Бромлей Ю.В. (1983). Очерки теории этноса. Москва: Наука.
- Гумилев Л.Н. (1989). Этногенез и биосфера земли. Ленинград.
- Доброхлеб В.Г. (2018). Старение населения России: региональный аспект // Вопросы территориального развития. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.4

⁹ Народонаселение мира в 2023 году // United Nations iLibrary. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210027175> (дата обращения 06.10.2024).

¹⁰ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=m3ijjoq256309020736> (дата обращения 10.08.2024).

- Доброхлеб В.Г., Кучмаева О.В., Брагин А.Д., Афзали М. (2022). Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82
- Комарофф Дж., Комарофф Дж. (2002). Постколониальная политика и размышления о демократии в южной Африке: антропологический взгляд на африканскую политическую модернизацию // Африка на пороге XXI века: реф. сб. Москва: Ин-т науч. инф. по общ. наукам РАН. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postkolonialnaya-politika-i-razmyshleniya-o-demokratii-v-yuzhnoy-afrike-antropologicheskii-vzglyad-na-afrikanskuyu-politicheskuyu> (дата обращения 02.10.2024).
- Сикорский И.А. (1915). Что такое нация и другие формы этнической жизни? Киев: Лито-типография С.В. Кульженко. 56 с. URL: <https://www.prilib.ru/item/391018?ysclid=m1rqdem9s235446477> (дата обращения 02.10.2024).
- Соколовский С. (2011). В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-tseytnote-zametki-o-sostoyanii-rossiyskoj-antropologii> (дата обращения 02.10.2024).
- Тишков В.А. (1997). Очерки теории и политики этничности в России. Москва: Русский Мир.
- Хобсбаум Э. (1998). Нации и национализм после 1789 года. Санкт-Петербург: Алетейя. 309 с. URL: https://vk.com/doc15817844_438715686?hash=fioPRsOmJmUaxrPnjGHsDzOqQtZh8JnvMSlts2EkZ0g (дата обращения 01.10.2024).
- Хуснутдинова Э.К. (2014). Этногеномика народов Евразии // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnogenomika-narodov-evrazii> (дата обращения 02.10.2024).
- Широкогоров С.М. (1923). Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия Восточного факультета гос. Дальневосточного ун-та. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай.
- Этническое и религиозное многообразие России (2018) / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: ИЭА РАН. 561 с.
- Anderson B. (1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Azoulay P., Jones B.F., Kim J.D., Miranda J. (2020). Age and high-growth entrepreneurship. *American Economic Review: Insights*, 2 (1), 65–82.
- Bloom D.E., Canning D., Kotschy R., Prettnner K., Schünemann J. (2019). Health and economic growth: Reconciling the micro and macro evidence. *National Bureau of Economic Research*, w26003.
- Gellner E. (1983). *Nations and nationalism*. Free Download, Borrow, and Streaming. URL: <https://archive.org/details/nationsnationali00gell> (accessed 29.09.2024).
- Hashmi R., Alam K. (2019). Dynamic relationship among environmental regulation, innovation, CO₂ emissions, population, and economic growth in OECD countries: A panel investigation. *Journal of cleaner production*, 231, 1100–1109.
- Mühlmann W.E. (1936). *Rassen- und Völkerkunde. Lebensprobleme der Rassen, Gesellschaften und Völker*. Braunschweig: Vieweg.
- Smith A.D. (1986). *The Ethnic Origins of Nations*. Basil Blackwell.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Григорьевна Доброхлеб – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Dobrokhleb V.G.

DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE ETHNONATIONAL REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE TWENTIES AND EARLY THIRTIES OF THE 21ST CENTURY

The demographic challenge is one of the most important barriers to Russia's socio-economic development and may change its position as one of the most populated countries on the world map. Eight countries are projected to provide the highest population growth by 2050: Democratic Republic of Congo, Egypt, Ethiopia, India, Nigeria, Pakistan, Philippines, Tanzania and Egypt. This will change the ranking of the world's most populous countries. Under such conditions, Russia will lose its status as one of the most populated countries by the middle of the 21st century – in 2022, it ranked 9th in the ranking of the most populated countries. Its distinctive features are multi-ethnicity and multi-confessionalism. The specificity of Russia lies in the fact that the institutionalization of ethnicity within the federal structure is formalized by the presence of ethno-territorial autonomies in the form of republics and autonomous districts, which is associated, among other things, with the existence of primordial vision of ethnicity both at the household and expert levels. In the context of demographic challenges facing the country, studies of demographic dynamics in ethno-national regions become relevant both in scientific and applied aspects. The scientific problem that this study aims to solve is to identify and interpret changes in the gender and age composition of the population of ethno-national regions of Russia in the second and early third decade of the 21st century, to determine the dynamics of the population of national regions for the period from 2011 to 2023, as well as to formulate proposals for adjusting the directions of demographic policy within the framework of the National Policy Strategy of the Russian Federation until 2025 and beyond.

Demographic dynamics, gender and age structure, ethno-territorial autonomies, demographic aspect of national policy.

REFERENCES

- Anderson B. (1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Anderson B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/10/23/1110949768/Андерсон.книга.pdf?ysclid=m0cdiqf0py539388343> (accessed: August 27, 2024).
- Azoulay P., Jones B.F., Kim J.D., Miranda J. (2020). Age and high-growth entrepreneurship. *American Economic Review: Insights*, 2(1), 65–82.
- Bloom D.E., Canning D., Kotschy R., Prettner K., Schünemann J. (2019). Health and economic growth: Reconciling the micro and macro evidence. *National Bureau of Economic Research*, w26003.
- Bromlei Yu.V. (1983). *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka.
- Comaroff Jo., Comaroff Je. (2002). Postcolonial politics and discourses of democracy in Southern Africa: An anthropological reflection on African political modernities. In: *Afrika na poroge XXI veka: ref. sb.* [Africa on the Threshold of the 21st Century: Abstract Collection]. Moscow: In-t nauch. inf. po obshch. naukam RAN. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/postkolonialnaya-politika-i-razmyshleniya-o-demokratii-v-yuzhnoy-afrike-antropologicheskii-vzglyad-na-afrikanskuyu-politicheskuyu> (accessed: October 2, 2024; in Russian).
- Dobrokhleb V.G. (2018). Russian population aging: Regional aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya = Territorial Development Issues*, 4(44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.4

- Dobrokhleb V.G., Kuchmaeva O.V., Bragin A.D., Afzali M. (2022). Demographic dividends: Formation and use in the CIS and the Baltic countries. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82
- Gellner E. (1983). *Nations and Nationalism*. Free Download, Borrow, and Streaming. Available at: <https://archive.org/details/nationsnationali00gell> (accessed: September 29, 2024).
- Gumilev L.N. (1989). *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Leningrad.
- Hashmi R., Alam K. (2019). Dynamic relationship among environmental regulation, innovation, CO₂ emissions, population, and economic growth in OECD countries: A panel investigation. *Journal of Cleaner Production*, 231, 1100–1109.
- Khobsbaum E. (1998). *Natsii i natsionalizm posle 1789 goda* [Nations and Nationalism after 1789]. Saint Petersburg: Aleteiya. Available at: https://vk.com/doc15817844_438715686?hash=fioPRsOmJmUaxrPnjGHsDzOqQtZh8JnvMSlts2EkZ0g (accessed: October 1, 2024; in Russian).
- Khusnutdinova E.K. (2014). Ethnogenics of the Eurasian population. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnogenomika-narodov-evrazii> (accessed: October 2, 2024; in Russian).
- Mühlmann W.E. (1936). *Rassen- und Völkerkunde. Lebensprobleme der Rassen, Gesellschaften und Völker*. Braunschweig: Vieweg.
- Shirokogorov S.M. (1923). Ethnos. Study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena. *Izvestiya Vostochnogo fakul'teta gos. Dal'nevostochnogo un-ta*, XVIII(1).
- Sikorskii I.A. (1915). Chto takoe natsiya i drugie formy etnicheskoi zhizni? [What is a Nation and Other Forms of Ethnic Life?]. Kiev: Lito-tipografiya S.V. Kul'zhenko. Available at: <https://www.prlib.ru/item/391018?ysclid=m1rqdem9s235446477> (accessed: October 2, 2024; in Russian).
- Smith A.D. (1986). *The Ethnic Origins of Nations*. Basil Blackwell.
- Sokolovskii S. (2011). In the nick of time: Notes on the state of Russian anthropology. *Laboratorium*, 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-tseytnote-zametki-o-sostoyanii-rossiyskoy-antropologii> (accessed: October 2, 2024; in Russian).
- Tishkov T.A., Stepanov V.V. (Eds.). (2018). *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity in Russia]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov V.A. (1997). *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia]. Moscow: Russkii Mir.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina G. Dobrokhleb – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, FCTAS RAS (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.9

УДК 314.18 | ББК 60.7

© Мищук С.Н., Линь Цзыюй

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ КИТАЯ

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА МИЩУК

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН

Биробиджан, Российская Федерация

e-mail: svetamic79@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8117-6352; ResearcherID: B-2042-2014

ЛИНЬ ЦЗЫЮЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: ziyulin99@foxmail.com

ORCID: 0009-0004-5150-3377

Демографические процессы в Китае имеют территориальные особенности. В работе анализируются социально-демографические процессы в трех провинциях Северо-Восточного Китая: Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь. В статье поставлена цель выявить региональные особенности демографической ситуации Китая на примере его северо-восточных провинций, а также определить факторы, повлиявшие на формирование современных социально-демографических процессов на этих территориях. Статья основана на данных Всекитайской переписи населения 2000–2020 гг., материалах текущего учета демографических показателей, нормативно-правовых документах северо-восточных провинций Китая в сфере рождаемости. Ретроспективный анализ данных показал, что снижение уровня рождаемости в трех северо-восточных провинциях Китая происходило еще до реализации политики планирования семьи в 1980 году. Естественная убыль населения на Северо-Востоке зарегистрирована в 2015 году и сохраняется до настоящего времени. По данным на 2022 год, уровень рождаемости в трех исследуемых провинциях Северо-Восточного Китая был самым низким в стране. Кроме

Для цитирования: Мищук С.Н., Линь Цзыюй (2024). Современная демографическая ситуация в северо-восточных провинциях Китая // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 123–140. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.9

For citation: Mishchuk S.N., Lin Ziyu (2024). Current demographic situation in China's northeastern provinces. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 123–140. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.9

того, они вошли в пятерку территорий Китая с максимальными показателями смертности населения. Соотношение естественного и миграционного прироста (убыли) населения в северо-восточных провинциях изменилось начиная с 2020 года. Максимальное сокращение миграционной убыли населения во всех этих провинциях зафиксировано в 2021 году. В провинции Хэйлунцзян миграционная убыль населения в 2022 году была ниже в 8 раз по сравнению с 2018 годом. Максимальное увеличение естественной убыли населения отмечалось в провинции Цзилинь, где в 2022 году рост этого показателя к уровню 2018 года составил 11 раз. Выявлено, что до 2020-х гг. динамику численности населения определяли миграционные процессы, а после 2020 года возросла роль естественной убыли населения. Установлено, что снижение численности населения в северо-восточных провинциях обусловлено причинами, характерными в целом для Китая, а также имеющими региональную специфику.

Китай, Северо-Восточный Китай, Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь, естественный прирост, рождаемость, миграция, факторы, демографическая политика.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам за помощь в работе над статьей.

Введение

Демографические аспекты имеют важное значение при изучении социально-экономического развития территорий как на глобальном, так и национальном уровне. Для Китая вопросы изменения численных и качественных характеристик населения на рубеже XX–XXI вв. приобретают первостепенное значение в ходе оценки современной ситуации, а также прогнозирования социально-экономических процессов. Региональные диспропорции численности населения в Китае высоки. По данным Национального статистического бюро Китая, на 1 января 2023 года преобладающая часть населения Китая проживала в Восточном районе, а также Центральном и Южном Китае (30,2 и 29,1% соответственно). На начало 2023 года численность населения Северо-Восточного района Китая составила 6,8%, что являлось минимальным значением среди районов Китая¹. В сравнении с данными на начало 2014 года, доля жителей рассматриваемого района уменьшилась на 1,1%.

Северо-Восточный Китай граничит с российским Дальним Востоком. С точки зрения административного деления он

включает в себя три провинции: Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян, а также территорию, состоящую из пяти городов на востоке Внутренней Монголии. Нами для исследования выбраны три указанные провинции. После официального создания Китайской Народной Республики (1949 год) в 1986 году впервые совместно с советским правительством были утверждены четыре пограничных порта. Три из них (город Хэйхэ, город Муданьцзян и город Цзямусы) расположены в провинции Хэйлунцзян (Китай). По численности населения провинции Северо-Восточного Китая занимают последнее место в стране, однако их значимость в экономическом развитии Китая остается высокой. В статье поставлена цель выявить региональные особенности демографической ситуации Китая на примере его северо-восточных провинций, а также определить факторы, повлиявшие на формирование современных социально-демографических процессов на данных территориях. Кроме того, в работе дана оценка роли COVID-19 в процессе сокращения численности населения провинций Северо-Восточного Китая через соотношение показателей рождаемости, смертности и миграции.

¹ По данным на начало 2014 года минимальная численность населения регистрировалась в Северо-Западном районе.

Обзор литературы

В ходе изучения факторов, повлиявших на сокращение численности населения в Северо-Восточном Китае, исследования можно рассматривать в рамках применения узкоспециального и широкого подходов. Демографические исследования, основанные на узком понимании, фокусируются на изучении факторов убыли населения, вызванной низким уровнем рождаемости (Sun, 2019), другие авторы выделяют особенности репродуктивного поведения и формирования новых социальных норм (Yu et al., 2017; Sun, Yu, 2021; Yu, He, 2023).

Соответствующие исследования показывают, что социально-демографическая ситуация в Северо-Восточном Китае характеризуется сверхнизким уровнем рождаемости, региональным дисбалансом в доходах жителей и резким сокращением численности населения в приграничных районах (Hou, Du, 2012; Zhang, Wang, 2023). В рамках расширенного подхода к изучению демографических процессов и причин сокращения численности населения в исследованиях оценивается роль миграции. В ряде работ применяется метод косвенной оценки миграции населения ООН – коэффициенты выживаемости по переписи населения (Census Survival Ratios) – для измерения динамики масштаба чистой миграции населения в Северо-Восточном Китае и ее влияния на сокращение численности населения² (Duan, Sheng, 2022). В современных публикациях отмечено усиление миграционной убыли населения в северо-восточных провинциях в начале XXI века (Маслов, 2021; Макеева, 2023). Некоторые авторы используют методы моделирования для анализа влияния факторов на общую численность населения на основе объективных данных путем построения моделей, учитывающих влияние рождаемости, смертности, уровня неграмотности, уровня урбанизации, ре-

гионального ВВП на душу населения и т. д. (Teng et al., 2021). Через изменение плотности населения изучены особенности трансформации пространственной структуры населения Северо-Восточного Китая (Yu et al., 2017). Анализ демографической политики и изменение ее целей и инструментов, исходя из современных тенденций, осуществляется как на уровне всей страны, так и отдельных территорий, в том числе Северо-Востока (Бабаев, 2023; Мищук и др., 2024; У Бинь, 2024).

В рамках исследования мы придерживаемся демографического подхода (Ионцев, Саградов, 2002), основанного на изучении демографических показателей, их динамики в разрезе отдельных провинций Северо-Восточного Китая.

Понимание происходящих процессов и тенденций позволяет использовать меры реализации демографической политики, как основанные на общестрановых нормах, так и учитывающие региональные факторы.

Материалы и методы

В работе использованы материалы официальных нормативно-правовых документов Китайской Народной Республики и официальные статистические данные Национального бюро статистики Китая. В отличие от большинства работ, рассматривающих демографические показатели провинций Китая лишь на основе данных переписи населения, в нашем исследовании сочетаются результаты Пятой, Шестой и Седьмой переписей населения Китая (2000–2020 гг.), а также официальные данные текущего учета естественного и миграционного движения населения Северо-Восточного Китая за 2021–2022 гг.

В работе применялись количественно-статистический и сравнительно-сопоставительный анализ, для визуализации полученных результатов использовался графический метод.

² United Nations (1970). Manuals on methods of estimating population-manual VI: Methods of measuring internal migration. Population Studies, 47, 8–10. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/files/documents/2020/Jan/manual_vi_methods_of_measuring_internal_migration.pdf (accessed 21.05.2024).

Статья состоит из двух разделов. В первом представлены результаты анализа демографической ситуации в северо-восточных провинциях Китая в сравнении с общими показателями по стране за период с 2000 по 2022 год. Во второй – определены факторы, повлиявшие на формирование территориальных особенностей современной демографической ситуации на северо-востоке Китая, а также кратко представлены основные программы регулирования народонаселения в отдельных провинциях.

Результаты исследования

В настоящее время меры демографической политики в Китае направлены на стимулирование рождаемости и формирование позитивного отношения к семье с тремя детьми (Мэн и др., 2023). Начиная с 1949 года население Китайской Народной Республики (КНР) характеризовалось положительной динамикой. Несмотря на снижение суммарного коэффициента рождаемости до показателя около 1,8³, в конце прошлого века положительный естественный прирост в Китае был обеспечен низким уровнем смертности. Ситуация изменилась в 2022 году, когда число рождений в Китае оказалось меньше числа умерших. В 2022 году, впервые с 1949 года, в Китае зафиксирована естественная убыль населения. Согласно последним статистическим данным, в 2023 году тенденция естественной убыли населения сохранилась. Без учета миграционных показателей общая численность населения Китая по итогам 2022 года сократилась на 850 тыс. человек в сравнении с данными на

конец 2021 года⁴, а в декабре 2023 года – на 2,08 млн человек по отношению к 2022 году⁵.

Начиная с 2000 года естественный прирост населения в трех северо-восточных провинциях Китая, как и в целом по стране, снижался (рис. 1). Сокращение уровня рождаемости в них происходило еще до реализации политики планирования семьи в 1980 году (Teng et al., 2021). Отметим, что максимальный естественный прирост населения в провинции Хэйлунцзян наблюдался в 1965 году (32,38%)⁶. Если в целом по Китаю естественная убыль населения была зафиксирована в 2022 году, то на Северо-Востоке эти процессы начались раньше: в провинциях Хэйлунцзян естественная убыль населения регистрируется с 2015 года, в провинции Цзилинь – с 2016 года, в провинции Ляонин – с 2011 года, за исключением 2014 года, в котором отмечался естественный прирост населения. После постепенной либерализации политики рождения двух детей в 2011 году уровень рождаемости и естественный прирост населения на Северо-Востоке Китая не восстановились, как ожидалось, и по-прежнему сохраняли очевидную тенденцию к снижению.

Приграничное положение провинций Северо-Восточного Китая обеспечило более лояльную политику рождаемости, поэтому до объявления в 2016 году разрешения о рождении двух детей во всех семьях провинция Хэйлунцзян возглавила либерализацию политики трех детей в 18 приграничных районах, включая город Мохэ и город Суйфэньхэ. Согласно пересмотренному в 2016 году положению о народонаселении

³ Population Department of National Bureau of Statistics of China (2019). The total population has grown steadily and the quality of the population has improved significantly – the 20th series of reports on the economic and social development achievements of the 70th anniversary of the founding of the People's Republic of China. National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/jd/sjjd2020/202401/t20240118_1946711.html (accessed 14.02.2024).

⁴ Wang Pingping (2022). The total population has decreased and the qualitative development of the population has yielded results. National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/sjjd/202302/t20230202_1896742.html (accessed 14.02.2024).

⁵ Wang Pingping (2023). The total population has decreased and the qualitative development of the population has yielded results. National Bureau of Statistics of China. URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/jd/sjjd2020/202401/t20240118_1946711.html (accessed 14.02.2024).

⁶ Heilongjiang Provincial Bureau of Statistics (2023). Heilongjiang Statistical Yearbook 2023. URL: <https://tjj.hlj.gov.cn/tjjnianjian/2023/zk/indexch.htm> (accessed 14.02.2024).

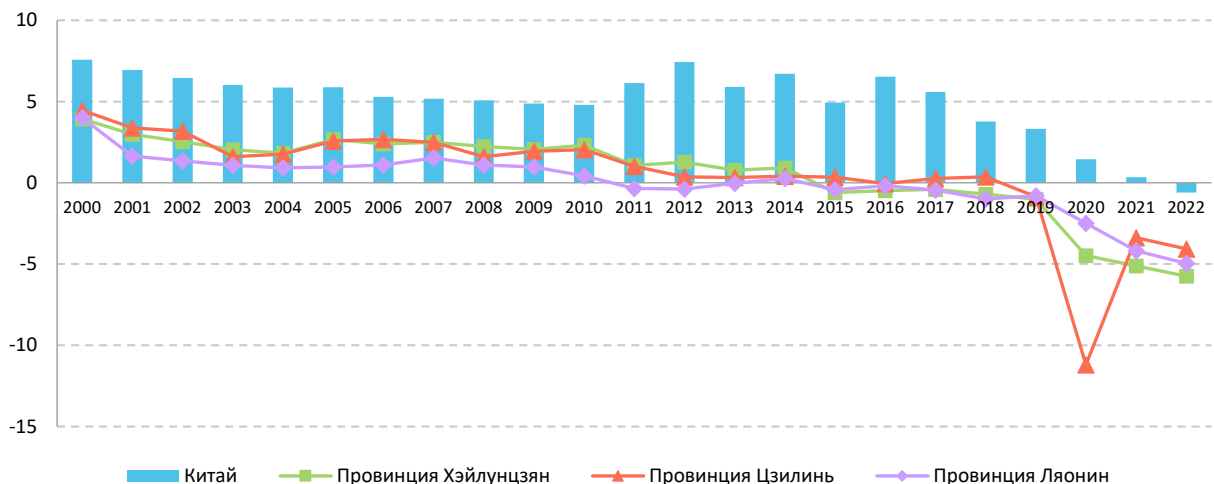

Рис. 1. Естественный прирост населения в Китае в целом и северо-восточных провинциях, ‰

Составлено по: Total population in China (2022). National Bureau of Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (accessed 14.02.2024); Annual data: Natural population growth. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (accessed 14.02.2024); Heilongjiang Provincial Bureau of Statistics (2023). Heilongjiang Statistical Yearbook 2023. URL: <https://tjj.hlj.gov.cn/tjjnianjian/2023/zk/indexch.htm> (accessed 14.02.2024).

провинции Хэйлунцзян, «пары, уже родившие двоих детей, если и муж, и жена являются жителями приграничных районов, могут иметь еще одного ребенка»⁷. В это время в «Законе о народонаселении и планировании семьи Китайской Народной Республики», опубликованном 1 января 2016 года было обозначено, что в стране в целом «государство поощряет пару иметь двоих детей»⁸. То же самое произошло в 2021 году, после того как в Китае ввели политику, позволяющую семейной паре иметь трех детей и возможность получать поддержку со стороны государства⁹. В это время в пересмотренной версии «Правил провинции Хэйлунцзян о народонаселении и планировании семьи» разрешалось паре, «уже родившей трех

детей, если оба супруга являются жителями приграничных территорий, иметь еще одного ребенка»¹⁰.

Продолжающаяся тенденция снижения уровня рождаемости на Северо-Востоке не является краткосрочной проблемой. Эффект суперпозиции поколений, вызванный накоплением низкого уровня рождаемости за предыдущий период, привел к резкому снижению показателя с 2010 по 2020 год (табл. 1). Исходя из официальных статистических данных, в 2022 году уровень рождаемости в трех провинциях Северо-Восточного Китая был самым низким в стране¹¹. В то же время уровень смертности в них превышал средние значения по Китаю. В 2022 году по показателю уровня смертности провинции

⁷ Regulations on Population and Family Planning of Heilongjiang Province (Revised Edition 2016) (2016). Standing Committee of the Ninth People's Congress of Heilongjiang Province. URL: <http://www.sysjs.gov.cn/html/viewnews.jsp?newsid=7235> (accessed 14.02.2024).

⁸ Law of the People's Republic of China on Population and Family Planning (Revised edition 2016) (2016). National People's Congress. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-12/27/c_1117592201.htm (accessed 14.02.2024).

⁹ Meeting to review «Decisions on optimizing fertility policy in order to ensure long-term balanced development of the population» (2021). Politburo of the CPC Central Committee. URL: <https://www.12371.cn/2021/05/31/ARTI1622445338857620.shtml> (accessed 14.02.2024).

¹⁰ Regulations on Population and Family Planning of Heilongjiang Province (Revised Edition 2021) (2021). Standing Committee of the Ninth People's Congress of Heilongjiang Province. URL: <https://www.hljrd.gov.cn/content.html?id=1640> (accessed 14.02.2024).

¹¹ National Bureau of Statistics of China annual data by province: Crude birth rate. Available at: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (accessed 14.02.2024). (In Chin.)

Таблица 1. Общий коэффициент рождаемости (ОКР) и общий уровень смертности (ОКС), ‰

Год	Показатель	Китай	Северо-Восточный район	Провинция Ляонин	Провинция Цзилинь	Провинция Хэйлуцзян
2000	ОКР	14,03	9,89	10,70	9,53	9,43
	ОКС	6,45	5,86	6,0	5,38	5,50
2010	ОКР	11,90	8,02	8,80	7,91	7,35
	ОКС	7,11	7,54	10,90	5,88	5,83
2020	ОКР	8,52	4,80	5,80	4,84	3,75
	ОКС	7,07	9,18	11,50	7,81	8,23
2021	ОКР	7,52	4,36	4,80	4,70	3,59
	ОКС	7,18	8,26	8,00	8,08	8,70
2022	ОКР	6,77	3,91	4,08	4,32	3,34
	ОКС	7,37	8,84	9,04	8,39	9,09

Составлено по: National Bureau of Statistics of China Annual Data by Province: Natural Population Growth. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (accessed 14.02.2024).

Северо-Восточного Китая вошли в пятерку худших в стране¹². Очевидно, это в определенной степени обусловлено суровыми климатическими и природными условиями Северо-Восточного Китая. С другой стороны, на высокий уровень смертности на Северо-Востоке влияет миграционная убыль населения, в первую очередь в рамках внутренней миграции. Отток большого количества людей трудоспособного возраста привел к значительной доле пожилых в возрастной структуре населения Северо-Восточного Китая, которая формирует более высокие значения уровня смертности¹³.

В период с 2010 по 2020 год при сохраняющемся положительном естественном приросте по стране на Северо-Востоке отмечалась естественная убыль населения. В 2022 году по уровню естественной убыли населения три северо-восточные провинции вошли в тройку антилидеров по стране (рис. 2).

По численности населения среди трех северо-восточных провинций Хэйлуцзян занимает второе место, однако темпы сокращения численности населения в ней максимальные по Северо-Востоку Китая (табл. 2).

На Северо-Востоке вопреки общему правилу, согласно которому естественная убыль населения происходит преимущественно в

городах с развитой экономикой и высоким уровнем жизни, по данным рейтинга ВВП, в 2022 году провинция Ляонин занимала 18-е место в стране, относясь к регионам средней группы. Провинции Цзилинь и Хэйлуцзян занимали 27-е и 30-е места из 31¹⁴. В целом можно отметить, что в провинции Ляонин отмечается более стабильная демографическая ситуация, чем в двух других северо-восточных провинциях Китая.

По данным Национального выборочного обследования изменения численности населения, в 2021 году в возрастной структуре населения Северо-Восточного Китая отмечена более высокая доля людей в возрасте 15–64 лет в сравнении со средними показателями по стране (71,8 и 68,3%, соответственно). Доля населения старших возрастных групп также превышает средний показатель по Китаю при меньшей доле детей в возрасте до 14 лет. Коэффициент общей нагрузки на Северо-Востоке ниже, чем в среднем по Китаю, однако коэффициент нагрузки пожилыми людьми – выше (табл. 3).

Учитывая данные по естественному приросту, можно предположить, что в возрастной структуре населения Северо-Восточного Китая доля старших возрастов будет увеличиваться.

¹² National Bureau of Statistics of China annual data by province: Crude birth rate. Available at: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (accessed 14.02.2024). (In Chin.)

¹³ Более подробно анализ возрастной структуры населения представлен в данной статье ниже.

¹⁴ National Bureau of Statistics of China annual data by province: GDP. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (accessed 14.02.2024).

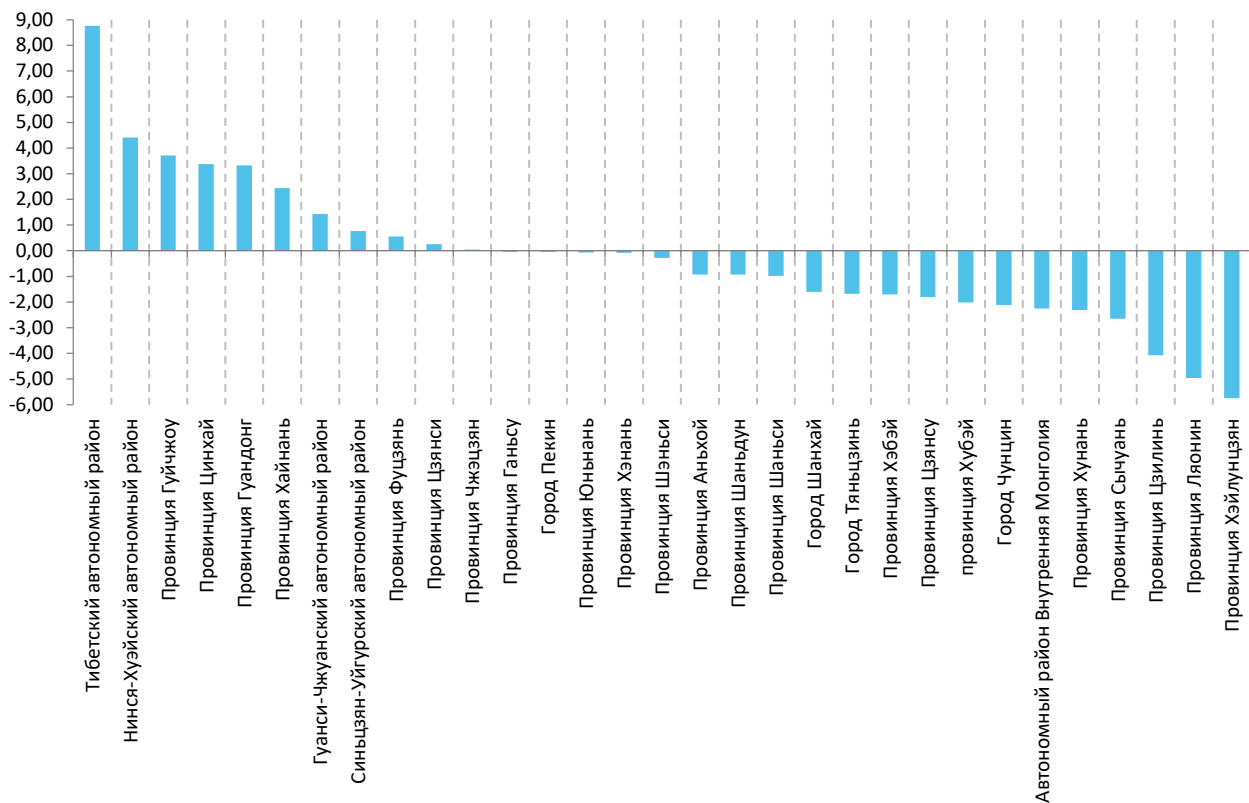

Рис. 2. Естественный прирост населения Китая по провинциям, 2022 год, ‰

Составлено по: National Bureau of Statistics of China annual data by province: Natural population growth. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (accessed 14.02.2024).

Таблица 2. Численность населения Китая (на конец года), млн чел.

Территория	1990 год	2000 год	2010 год	2020 год	2021 год	2022 год	2010 год к 2000 году, %	2020 год к 2010 году, %	2022 год к 2020 году, %
Китай	1143,33	1267,43	1340,91	1412,12	1412,60	1411,75	117,28	105,31	99,97
Провинция Ляонин	39,17	41,84	43,75	42,55	42,29	41,97	111,68	97,26	98,64
Провинция Цзилинь	24,40	26,82	27,47	23,99	23,75	23,48	112,57%	87,33	97,87
Провинция Хэйлунцзян	35,43	38,07	38,33	31,85	31,25	30,99	108,19%	83,09	97,30

Составлено по: Total population in China (2022). National Bureau of Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?Cn=C01> (accessed 14.02.2024).

Таблица 3. Структура населения Китая по возрастным группам, 2021 год

Территория	% от численности населения			Коэффициент нагрузки		
	0–14	15–64	65+	общий	детьми	пожилыми людьми
Китай	17,49	68,29	14,22	46,44	25,62	20,82
Северо-Восточный район	10,55	71,80	17,64	38,95	14,71	24,58
Провинция Ляонин	10,77	70,43	18,80	41,99	15,29	27,70
Провинция Цзилинь	11,19	72,09	16,71	38,71	15,52	23,22
Провинция Хэйлунцзян	9,78	73,45	16,78	36,16	13,31	22,84

Составлено по: China Statistical Yearbook 2022 (2022). National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/index.htm> (accessed 14.02.2024).

Хотя доля населения в возрасте 15–64 лет относительно высока, суммарный коэффициент рождаемости в трех северо-восточных провинциях значительно ниже, чем в среднем по Китаю (табл. 4). В 2022 году северо-восточные провинции вошли в пятерку провинций с минимальными значениями суммарного коэффициента рождаемости по стране (рис. 3).

На международном уровне принято считать, что при значении суммарного коэффициента рождаемости ниже 1,5 существует вероятность попадания в «ловушку низкой рождаемости». По итогам седьмой национальной переписи населения суммар-

ный коэффициент рождаемости женщин детородного возраста в Китае в 2020 году составил 1,3, т. е. уже находился на низком уровне. Вероятность возникновения «ловушки низкой рождаемости» высока при двух условиях. Во-первых, суммарный коэффициент рождаемости составляет менее 1,5, во-вторых, это должно продолжаться в течение определенного периода времени. В Северо-Восточном районе суммарный коэффициент рождаемости составляет менее 1,5 с 1995 года по настоящее время, что делает эту территорию регионом с самым низким уровнем рождаемости в Китае (Sun, Yu, 2021).

Таблица 4. Суммарный коэффициент рождаемости в Китае, чел.

Территория	2000 год	2010 год	2020 год
Китай	1,22	1,18	1,30
Северо-Восточный район	0,90	0,75	0,85
Провинция Ляонин	0,98	0,74	0,92
Провинция Цзилинь	0,84	0,76	0,88
Провинция Хэйлунцзян	0,88	0,75	0,76

Составлено по: Data from the fifth census of China. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/5rp/index.htm>; Data from the sixth census of China. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm>; Data from the Seventh Census of China. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/indexch.htm> (accessed 14.02.2024).

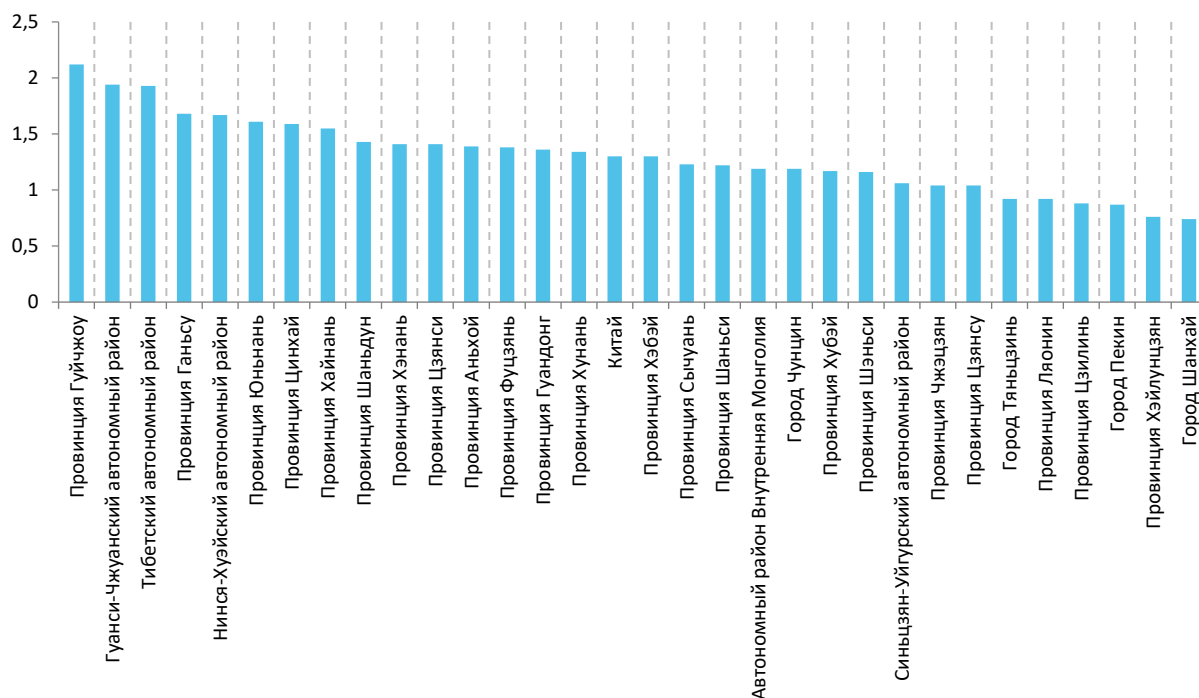

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости по провинциям Китая, 2020 год, чел.

Составлено по: Data from the Seventh Census of China. National Bureau of Statistics of China. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/indexch.htm> (accessed 14.02.2024).

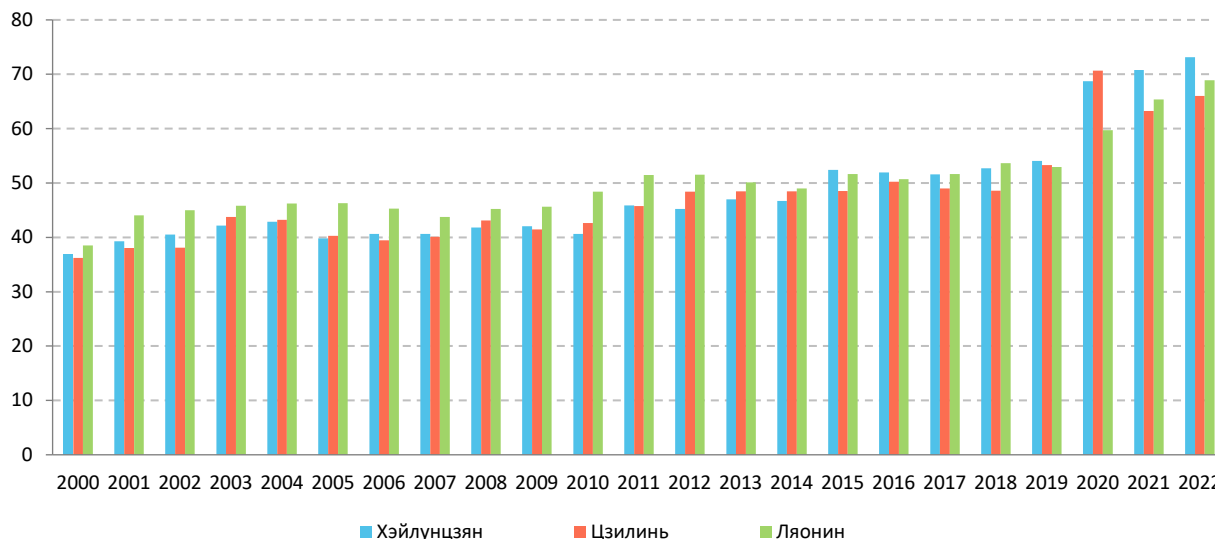

Рис. 4. Доля смертности в формировании естественного прироста (убыли) населения провинций Северо-Востока Китая, %

Источник: National Bureau of Statistics of China annual data by province: Natural population growth. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (accessed 14.02.2024).

Таким образом, суммарный коэффициент рождаемости на Северо-Востоке был ниже 1,5 в течение 29 лет. Исходя из времени замещения поколений, вступающих в возраст рождения первого ребенка, который в Китае составляет около 30 лет, можно сказать, что Северо-Восток находится на краю «ловушки низкой рождаемости».

Начиная с 2015 года доля смертности в формировании естественного прироста населения в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян превысила 50%; в провинции Ляонин – с 2011 года. В провинции Цзилинь показатель составлял около 50% вплоть до 2020 года, когда уровень смертности увеличился во всех провинциях Северо-Востока до 60–71% в разные годы. С 2020 года темпы роста общего коэффициента смертности стали значительно выше, чем в доковидный период. Тенденция увеличения доли смертности в доковидный период, на наш взгляд, в первую очередь объясняется снижением числа рождений. Начиная с 2020 года при снижении уровня рождаемости уровень смертности повысился (рис. 4).

Факторы, влияющие на естественное движение населения в Северо-Восточном Китае

Если в 1980-х и 1990-х гг. в КНР все еще наблюдался низкий уровень рождаемости, вызванный экзогенными политическими ограничениями, то после 2000 года началась эндогенная стадия (обусловленная внутренними мотивами населения). В настоящее время феномен сознательного снижения рождаемости во главе с «рождением только одного ребенка» является уже не результатом ограничений национальной политики, а следствием инерции политики рождаемости, высоких финансовых затрат на рождение и воспитание ребенка, изменения концепций рождаемости (Му, 2021; Ван и др., 2023).

Кроме материальных причин, оказывающих влияние на репродуктивное поведение молодежи Китая (Ван и др., 2023), выделим специфические для Северо-Востока Китая особенности социально-демографического развития. Так, женщины и мужчины имеют равный статус для своей реализации

в экономической сфере. Северо-восточные территории Китая начали осваиваться сравнительно недавно. Будучи бывшей промышленной базой Китая, Северо-Восточный район пережил раннюю урбанизацию и относительно большую мобильность населения. Указанные факторы, а также малонаселенность территории, привели к тому, что женщины, проживающие на Северо-Востоке, всегда были востребованы на рынке труда. На Северо-Востоке идея женской независимости появилась раньше, чем в других регионах Китая, и отражалась не только в экономике, но и на уровне семьи. В результате сложившихся региональных особенностей, связанных с формированием отношения к женщинам и их равноправным положением с мужчинами, у населения Северо-Востока отсутствуют установки на необходимость рождения мальчика.

Обращает на себя внимание различие статистических данных о соотношении мальчиков и девочек при рождении в северо-восточных провинциях и Китае в целом в 2020 году. За период с 2000 по 2020 год в северо-восточных провинциях темпы уменьшения доли мальчиков превышали показатели по Китаю в целом в 2000 году. Если число мальчиков на 100 девочек на Северо-Востоке превышало значение в целом по стране, то к 2020 году в провинциях Ляонин и Цзилинь мальчиков рождалось меньше, чем девочек (табл. 5).

На современном этапе большое внимание уделяется созданию благоприятных условий для участия женщин в общественной жизни, получения ими образования, исключения дискриминации женщин в экономической, политической и других сферах, что отражается в нормативно-правовых документах, направленных на поддержку жен-

щин. При этом подчеркивается важная роль женщины в сохранении семьи, воспитании детей (Мищук и др., 2024).

Несмотря на обозначенные особенности, репродуктивные установки в северо-восточных провинциях Китая соответствуют общим тенденциям в стране. В Харбине и Хэйлунцзяне в 2015 году, по данным выборочного опроса женщин детородного возраста, состоящих в браке и имеющих минимум одного ребенка, 83,8% женщин заявили, что не хотят иметь больше детей (Wang, 2017). В 2015 году исследование репродуктивных планов женщин показало, что почти 70% замужних женщин детородного возраста в провинции Ляонин надеются иметь только одного ребенка, а менее 20% планируют иметь второго ребенка (Song, 2017). В провинции Цзилинь, по данным выборочного опроса, проведенного в 2017 году, 64% женщин считали, что идеальное количество детей – двое, однако лишь 38,55% заявили о желании родить двух детей (Sun, Yu, 2021).

Кроме рождаемости и смертности на формирование численности населения Северо-Восточного Китая существенное влияние оказывают миграционные процессы.

Например, А. Маслов на основе динамики внутренних потоков мигрантов в период с 2000 по 2019 год выделил четыре группы регионов Китая: регионы с сохраняющейся положительной динамикой, но сокращением потока прибывающих мигрантов, регионы с изменением динамики внутренней миграции с положительной на отрицательную, регионы с изменением отрицательной динамики на чистый приток населения, регионы с сохранением оттока населения при замедлении его темпов. Северо-восточные провинции относятся к четвертой группе регионов, для которых прогнозируется

Таблица 5. Половая структура населения Китая, мальчиков на 100 девочек

Территория	2000 год	2020 год
Китай	106,74	105,07
Ляонин	112,17	99,7
Цзилинь	109,87	99,69
Хэйлунцзян	107,52	100,35
Составлено по: (Мищук и др., 2024).		

сохранение миграционного оттока населения (Маслов, 2021). С точки зрения неблагоприятного экономического развития и природно-климатических условий Северо-Восток является непривлекательным для проживания, что влияет на миграционный отток населения за пределы региона¹⁵. Кроме того, миграционный отток обусловлен низким уровнем развития инфраструктуры, а также разрывом в региональных доходах населения разных провинций (Маслов, 2021).

С опорой на данные об уровне рождаемости, смертности и общей численности населения северо-восточных провинций нами оценена доля миграции в изменении численности населения рассматриваемых территорий.

Как было отмечено выше, в северо-восточных провинциях устойчивая общая убыль населения сформировалась в 2016 году. При этом до 2020 года доля миграции в формировании общей убыли населения достигала 76–97%. Начиная с 2020 года

в ковидный период, снизились показатели рождаемости, увеличились показатели смертности, что отразилось на росте значений коэффициентов естественной и сокращении миграционной убыли населения (рис. 5). Доля миграции в формировании численности населения провинций составила в 2022 году в Ляонине 35%, Хэйлунцзяне – 32%, Цзилине – 65%.

Среди рассматриваемых регионов наименьший миграционный отток населения отмечался в провинции Ляонин, что в значительной мере объясняется более высоким уровнем жизни в ней в сравнении с другими провинциями Северо-Востока. Так, в 2015 году при среднегодовом уровне доходов по Китаю 21,9 тыс. юаней в Ляонине средний уровень доходов за год составлял 24,6 тыс. юаней, в Хэйлунцзяне – 18 тыс. юаней, в Цзилине – 18,7 тыс. юаней. В 2022 году среднегодовой уровень доходов в Ляонине также превышал показатели провинций Хэйлунцзян и Цзилинь (38 тыс. юаней, 29,7 тыс. юаней, 29,8 тыс. юаней соответственно).

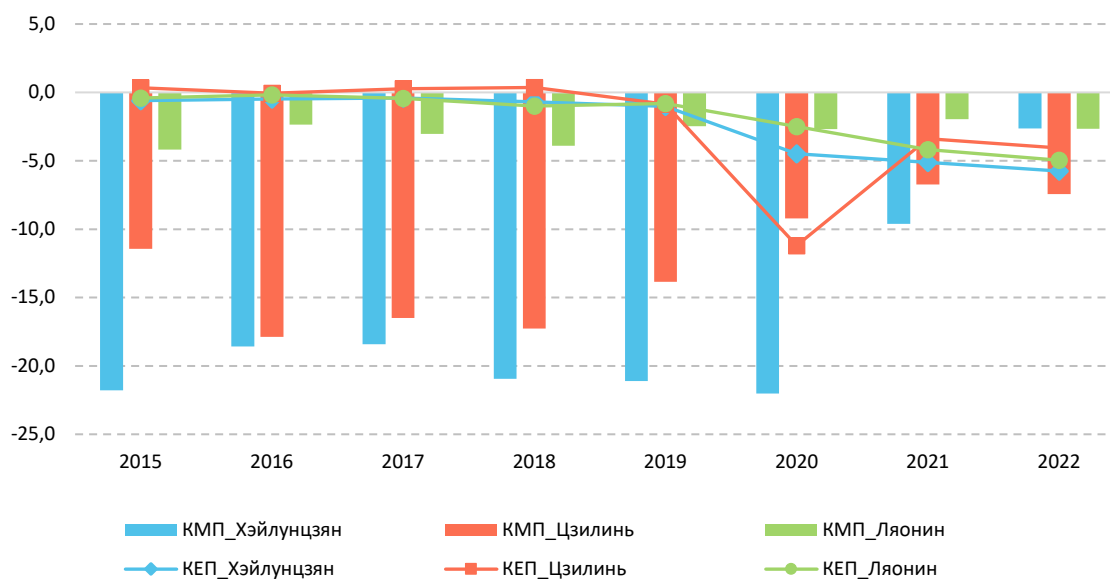

Рис. 5. Динамика коэффициентов естественного (КЕП) и миграционного прироста (КМП) населения в северо-восточных провинциях Китая, %

Составлено по: National Bureau of Statistics of China annual data by province: Natural population growth.
URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=E0103> (accessed 14.02.2024).

¹⁵ Chinese news agency (2021). The Head of the Office of the Seventh National Population Census of the State Council of China Received an Exclusive Interview China News Service. Available at: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/zdtjgz/zgrkpc/dqcrkpc/ggl/202302/t20230215_1904008.html?eqid=ab333771000d342700000004645684eb (accessed 03.05.2024).

Ограничение перемещения населения в ковидный период повлияло на снижение миграционной убыли и сократило общую убыль населения из провинции Хэйлунцзян (размер миграционной убыли населения в 2022 году был в 8 раз ниже, чем в 2018 году. В провинциях Цзилинь и Ляонин снижение миграционной убыли в 2022 году к уровню 2018 года оказалось менее заметным.

Таким образом, за период с 2015 по 2022 год доля миграции в формировании численности населения северо-восточных провинций Китая сократилась, что во многом связано с влиянием COVID-19. Если в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь большее влияние на формирование численности населения оказывает миграция, то в провинции Ляонин общую динамику изменения численности населения преимущественно определяет его естественная убыль.

Для улучшения демографической ситуации на уровне провинций сформулированы локальные программы повышения рождаемости, которые согласованы с общим для страны планом развития народонаселения.

В «Плане развития населения провинции Ляонин (2016–2030 гг.)»¹⁶, опубликованном в июне 2018 года, подчеркивается, что необходимо «эффективно реализовать комплексную политику поддержки двух детей» путем улучшения налогообложения, образования, социального обеспечения, обеспечения жильем и других мер, которые будут стимулировать рождение двух детей. Например, город Шэньян расширил лимит

жилищного кредита для семей с местной регистрацией домохозяйства, у которых есть два или три ребенка¹⁷.

В декабре 2021 года Народное правительство провинции Цзилинь опубликовало «План реализации оптимизации политики рождаемости для содействия долгосрочному сбалансированному развитию населения». Согласно плану, достижение задачи по рождению трех детей в семье будет реализовано через продление отпуска по беременности и родам, декретный отпуск, поддержку детских учреждений, кредитную поддержку брака и рождения ребенка. Город Чанчунь предоставляет субсидии семьям с тремя и более детьми, родившимся законно, с вознаграждением в размере 10000 юаней за каждого ребенка¹⁸. В 2023 году в городе Яньцзы было объявлено о предоставлении единовременной жилищной субсидии на приобретение дома семьям с двумя или тремя детьми в размере 10000 юаней на второго ребенка и 30 000 юаней на третьего ребенка¹⁹.

В «Плане развития женщин провинции Хэйлунцзян (2016–2020 гг.)», опубликованном в 2016 году, упоминается о «поддержании равных прав женщин в сфере занятости и устранении негативного воздействия политики «двух детей» на занятость женщин»²⁰. В «Положениях о народонаселении и планировании семьи провинции Хэйлунцзян»²¹, переизданных в октябре 2021 года, предложено ввести субсидии по беременности и родам на всей территории провинции.

¹⁶ Notice of the Liaoning Provincial People's Government on the Issue of the Liaoning Provincial Population Development Plan (2016–2030). People's Government of Liaoning Province (2018). URL: <https://wsjk.ln.gov.cn/wsjk/zfxgk/fdzdgnr/ghxx/xggh/A1886B0803D040969C7BFD5006973626/index.shtml> (accessed 14.02.2024).

¹⁷ Shenyang loosens reserve fund loan limit for young talents (2022). Liaoning Daily. URL: <https://www.ln.gov.cn/web/ywdt/jrln/wzxx2018/DADB44A426C441FAA4F90408DDC7DEA9/index.shtml> (accessed 14.02.2024).

¹⁸ Changchun City Three Child Care Subsidy Implementation Plan (2023). Health Bureau of Changchun Economic and Technological Development Zone, 29. URL: http://www.cetdz.gov.cn/zw/zfwj/zcjd/202311/t20231128_3253755.html (accessed 14.02.2024).

¹⁹ Notice of the provision of housing subsidies in 2023 to families complying with the state policy regarding two children and raising (2023). Yanji Real Estate Bureau. URL: http://www.yanji.gov.cn/yjszfxgkw/gzbn/cyqynslj_3751/xxgkml/202310/t20231026_435699.html (accessed 14.02.2024). По данным Национального бюро статистики Китая, среднегодовой доход на душу населения в провинции Цзилинь в 2023 году составлял 29,8 тыс. юаней.

²⁰ Heilongjiang Women's Development Plan (2016–2020). People's Government of Heilongjiang Province (2016). URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c108039/201610/c00_30644871.shtml (accessed 14.02.2024).

²¹ Population and Family Planning Regulations of Heilongjiang Province (2021). Standing Committee of the National People's Congress of Heilongjiang Province. URL: <https://www.hljrd.gov.cn/content.html?id=57617> (accessed 14.02.2024).

Субсидии по уходу за детьми в приграничных районах и старых промышленных районах могут быть выше, чем в среднем по провинции. Отпуск в связи с заключением брака, отпуск по беременности и родам, отпуск для мужчин по уходу за женой после родов были продлены. Город Харбин предоставляет единовременные субсидии на покупку дома в размере 15000 и 20000 юаней соответственно семьям при рождении у них второго и третьего ребенка после 29 октября 2021 года²².

Обсуждение и заключение

Демографические показатели Северо-Восточного Китая в целом соответствуют общим тенденциям по стране, однако исторические и культурные факторы смягчили негативные последствия в соотношении мужчин и женщин, возникшие после начала реализации политики по планированию рождаемости «Одна семья – один ребенок» в конце XX века. В то же время сокращение численности населения в рассматриваемом регионе началось на 5–6 лет раньше, чем в целом по стране. Приграничное положение и негативные демографические процессы на Северо-Востоке обусловили реализацию здесь на несколько лет раньше более лояльной демографической политики в части повышения рождаемости в сравнении с общими мерами по стране.

Региональные различия, характерные для Северо-Востока Китая, отражаются в динамике показателей естественного и миграционного движения населения. Максимальные темпы сокращения численности населения за последние 30 лет отмечаются в провинции Хэйлунцзян. В 2022 году в этой провинции значения общего коэффициента рождаемости были минимальными, а значения общего коэффициента смертности – максимальными в Северо-Восточном Китае.

Значение суммарного коэффициента рождаемости на северо-востоке с 2000 по 2020 год было ниже среднего показателя по Китаю и не достигало единицы. Максимальное значение коэффициента регистрировалось в провинции Ляонин, минимальное в 2000 году – в провинции Цзилинь, в 2010 и 2020 гг. – в провинции Хэйлунцзян. Снижение уровня рождаемости привело к повышению доли смертности в формировании естественного прироста населения, а также отразилось на возрастной структуре населения. Провинция Ляонин характеризуется максимальной долей жителей старших возрастов и минимальной долей детей в возрастной структуре населения.

Миграция также негативно сказывается на динамике численности населения в Северо-Восточном Китае. Наибольшая миграционная убыль населения фиксировалась в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь. Более высокий уровень жизни в провинции Ляонин обеспечивал его миграционную привлекательность для жителей соседних провинций.

Обращает на себя внимание изменение динамики естественного и миграционного приростов населения в период распространения COVID-19. С 2020 по 2022 год общая убыль населения в провинциях Хэйлунцзян и Цзилинь сократилась, в то время как в провинции Ляонин превысила средние показатели предыдущих лет. Во всех трех провинциях в указанные три года отмечался рост естественной убыли населения, однако миграционная динамика различалась, что повлияло в целом на показатели изменения численности населения.

Ограничение перемещения населения в ковидный период повлияло на снижение миграционной убыли и сократило общую убыль населения из провинций. Максимальное сокращение миграционной убыли зафиксировано в 2021 году во всех

²² Some measures to promote the virtuous cycle and healthy development of the real estate industry in Harbin (2022). Harbin Municipal People's Government, 20. URL: https://www.harbin.gov.cn/haerbin/c104537/202207/c01_732304.shtml (accessed 14.02.2024). По данным Национального бюро статистики Китая, среднегодовой доход на душу населения в провинции Хэйлунцзян в 2021 году составлял 27,2 тыс. юаней.

провинциях Северо-Востока. В 2022 году лишь в провинции Цзилинь коэффициент миграционной убыли населения превышал показатель коэффициента естественной убыли населения. При этом здесь же отмечались высокие показатели увеличения естественной убыли населения: в 2022 году рост составил 11 раз к уровню 2018 года. В провинциях Хэйлунцзян и Ляонин рост естественной убыли населения был ниже – 7,7 и 4,8 раза соответственно.

Несмотря на некоторые территориальные различия демографических процессов, можно сказать, что снижение численности населения в северо-восточных провинциях Китая обусловлено комплексом причин, характерных как в целом для Китая, так и имеющих региональные особенности. Стабилизация и улучшение демографиче-

ской ситуации на Северо-Востоке возможны при комплексном подходе в системе управления, включающем вопросы не только рождаемости, но и экономического развития рассматриваемых территорий, снижения региональных диспропорций в доходах жителей, что является одним из факторов миграционной активности населения.

Учитывая динамику демографических процессов в 2020-е гг., можно предположить, что в среднесрочной перспективе вероятно сокращение численности населения в северо-восточных провинциях Китая, при этом снижение уровня рождаемости будет иметь решающее значение. Миграционная убыль населения, характерная для северо-восточных провинций, сохранится, что дополнительно может усугублять демографическую ситуацию в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабаев К.В. (2023). Демографическая ситуация в КНР и ее потенциальное влияние на экономику Китая // Народонаселение. Т. 26. № 3. С. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.5>
- Ван Ш., Цзя С., Мишук С.Н. (2023). Изменения в демографической политике Китая за 2010–2021 годы // Народонаселение. Т. 26. № 3. С. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.6>
- Ионцев В.А., Саградов А.А. (2002). Введение в демографию. Экономический факультет МГУ, ТЕИС.
- Макеева С.Б. (2023). История демографического развития китайской провинции Хэйлунцзян (1970–2020 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 29. № 2. С. 17–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23>
- Маслов А.А. (2021). Динамика внутренней миграции и проблема развития северо-восточных регионов Китая в 2010–2020 годах // Народонаселение. Т. 24. № 3. С. 135–150. DOI: [10.19181/population.2021.24.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.11)
- Мишук С.Н., Ли Шуай, У Бинь (2024). Трансформация демографической политики в северо-восточных провинциях Китая на современном этапе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 239–252. DOI: [10.15838/esc.2024.2.92.13](https://doi.org/10.15838/esc.2024.2.92.13)
- Мэн Вэйлинь, Су Цзыхань, Мишук С.Н. (2023). Современная демографическая ситуация в Китае // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 1. С. 37–51. URL: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.3>
- У Бинь (2024). Исследование корректировки политики рождаемости в Китае в условиях новой демографической нормы // Russian Economic Bulletin. Т. 7. № 2. С. 273–279. DOI: [10.58224/2658-5286-2024-7-2-273-279](https://doi.org/10.58224/2658-5286-2024-7-2-273-279)
- Duan Chengrong, Sheng Danyang (2022). Study on inter-provincial migration in three provinces of Northeast China since 1953 – based on survival ratio method. *Population Journal*, 4, 14–28. Available at: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?doi=10.16405/j.cnki.1004-129X.2022.04.002> (accessed 11.06.2024).
- Hou Jianming, Du Jiguo (2012). The impact of low fertility levels on population development in the three northeastern provinces. *Seeking Truth*, 39 (5), 56–61. Available at: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2012&filename=QSXK201205010&uniplatf>

orm=OVERSEA&v=VaMEJT28keT-IizDdz2rCqs6PXo_jQz4CYgTuR9n11J1e6XA255qYuS4ZR6MuYRV (accessed 11.06.2024).

- Mu Guangzong (2021). How to overcome the problem of population decline in Northeast China? *Popular Tribune*, 5, 22–24. Available at: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?doi=10.16632/j.cnki.cn11-1005/d.2021.05.007> (accessed 14.04.2024).
- Song Jingjing (2017). Investigation and study on the willingness of married women of childbearing age to have more children and its influencing factors in Liaoning Province. *Science & Technology Industry Parks*, 11, 166–168. Available at: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2017&filename=GXQZ201711138&uniplatform=OVERSEA&v=U6TMZzapfpVvC5ej6ZuEcoIEqkdavrXgE1RjOepNSu9nyPSOCoZfumTwmYiyIA1Z> (accessed 10.06.2024).
- Sun Bing (2019). This generation of Northeastern young people: Don't want to go home or have children. *China Economic Weekly*, 3, 29–31. Available at: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2019&filename=JJZK201903016&uniplatform=OVERSEA&v=B4XvDYN7-_cD5VhV6spgEMS9tscpfU51NyEyrz3cwzwGItZDZgYkB2u2zYcgb1R0 (accessed 14.06.2024).
- Sun Xiaoxia, Yu Xiao (2021). Analysis on the «Low Fertility Trap» in Northeast China. *Population Journal*, 4(5), 29–38. Available at: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?doi=10.16405/j.cnki.1004-129X.2021.05.003> (accessed 24.05.2024).
- Teng Fei, Quan Yanying, Wang Hongyu (2021). Statistical analysis of population change patterns and influencing factors in the three northeastern provinces. *Journal of Tonghua Normal University*, 6, 24–31. Available at: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?doi=10.13877/j.cnki.cn22-1284.2021.06.005> (accessed 21.05.2024).
- Wang Qi (2017). A brief analysis of women's fertility wishes and related issues in the comprehensive two-child era. *Theory Research*, 7, 125–126, 147. Available at: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2017&filename=LBYT201707052&uniplatform=OVERSEA&v=8uTkp9RtUV3jStfqqgM3gmF4j_n4O6ZrGmBm1xPehRT67oDZKmO7StXds_vEmgk (accessed 11.04.2024).
- Yu Tingting, Song Yuxiang, Hao Feilong, A Rong (2017). Space pattern evolution of population distribution and the driving factors in Northeast China. *Scientia Geographica Sinica*, 37 (5), 709–717. Available at: <https://www.cnki.net/kcms/doi/10.13249/j.cnki.sgs.2017.05.008.html> (accessed 14.06.2024).
- Yu Xiao, He Jiening (2023). The influence of child care on female second child fertility intention-analysis of fertility status based on the sampling survey in Three Northeast Provinces. *Population Journal*, 45 (3), 17–28. Available at: <https://oversea.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&filename=RKXK202303007&dbname=CJFDLAST2023> (accessed 17.05.2024).
- Zhang Liping, Wang Guangzhou (2023). Study on the characteristics and main problems of negative population growth in Northeast China. *Social Science Journal*, 2, 129–142. Available at: http://css.cssn.cn/shxsw/swx_kycg/swx_xslw/202307/W020230721644556200809pdf (accessed 24.05.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Светлана Николаевна Мищук – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); ведущий научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем, Дальневосточное отделение РАН (Российская Федерация, 679013, Еврейская автономная область, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4); e-mail: svetamic79@mail.ru

Линь Цзыюй – Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: ziyulin99@foxmail.com)

Mishchuk S.N., Lin Ziyu

CURRENT DEMOGRAPHIC SITUATION IN CHINA'S NORTHEASTERN PROVINCES

Demographic processes in China have territorial features. The paper analyzes socio-demographic processes in three provinces of Northeast China: Heilongjiang, Liaoning, Jilin. The article aims to identify the regional features of China's demographic situation on the example of its northeastern provinces, as well as to determine the factors that influenced the formation of modern socio-demographic processes in these territories. The article is based on data from the 2000–2020 National Population Census, current demographic records, and legal documents of China's northeastern provinces on fertility. Retrospective data analysis showed that the fertility decline in the three northeastern provinces of China occurred even before the implementation of the family planning policy in 1980. The natural decline in the Northeast was registered in 2015 and has persisted until now. The birth rates of the three provinces in Northeast China studied had the lowest meanings in the country as of 2022. They were also among the five territories in China with the highest mortality rates. The ratio of natural and migratory gain (loss) in the northeastern provinces has changed since 2020. The maximum reduction of migration loss in all these provinces is recorded in 2021. In Heilongjiang Province, the migration loss in 2022 was 8 times lower than in 2018. The maximum increase in natural decline was observed in Jilin Province, where the increase of this indicator in 2022 was 11 times higher than in 2018. The research reveals that before the 2020s the population dynamics was determined by migration processes, and after 2020 the role of natural decline increased. We found that the population decline in the northeastern provinces is due to the reasons characteristic of China as a whole, as well as having regional specifics.

China, Northeast China, Heilongjiang, Liaoning, Jilin, natural increase, fertility, migration, factors, population policy.

REFERENCES

- Babaev K.V. (2023). Demographic situation in China and its potential influence on the Chinese economy. *Narodonaselenie=Population*, 26(3), 55–65. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.5> (in Russian).
- Duan Chengrong, Sheng Danyang (2022). Study on inter-provincial migration in three provinces of Northeast China since 1953 – based on survival ratio method. *Population Journal*, 4, 14–28. Available at: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?doi=10.16405/j.cnki.1004-129X.2022.04.002> (accessed: June 11, 2024).
- Hou Jianming, Du Jiguo (2012). The impact of low fertility levels on population development in the three northeastern provinces. *Seeking Truth*, 39(5), 56–61. Available at: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD2012&filename=QSXK201205010&uniplatform=OVERSEA&v=VaMEJT28keT-lizDdz2rCqs6PXo_jQz4CYgTuR9n1J1e6XA255qYuS4ZR6MuYRV (accessed: June 11, 2024).
- Iontsev V.A., Sagradov A.A. (2002). *Vvedenie v demografiyu* [Introduction to Demography]. Ekonomicheskii fakul'tet MGU, TEIS.
- Makeeva S.B. (2023). History of demographic development of the Chinese province of Heilongjiang (1970–2020). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologiya=Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philosophy*, 29(2), 17–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23> (in Russian).
- Maslov A.A. (2021). Dynamics of internal migration in China and the problem of development of the northeastern regions in 2010–2020. *Narodonaselenie=Population*, 24(3), 135–150. DOI: [10.19181/population.2021.24.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.11) (in Russian).

- Meng Weilng, Su Zihan, Mishchuk S.N. (2023). Contemporary demographic situation in China. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya=Demis. Demographic Review*, 3(1), 37–51. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.3> (in Russian).
- Mishchuk S.N., Li S., Wu B. (2024). Demographic policy transformation in the Northeastern provinces of China at the present stage. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 239–252. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.13 (in Russian).
- Mu Guangzong (2021). How to overcome the problem of population decline in Northeast China? *Popular Tribune*, 5, 22–24. Available at: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?doi=10.16632/j.cnki.cn11-1005/d.2021.05.007> (accessed: April 14, 2024).
- Song Jingjing (2017). Investigation and study on the willingness of married women of childbearing age to have more children and its influencing factors in Liaoning Province. *Science & Technology Industry Parks*, 11, 166–168. Available at: <https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2017&filename=GXQZ201711138&uniplatform=OVERSEA&v=U6TMZzapfpVvC5ej6ZuEcoIEqkdavrXgE1RjOepNSu9nyPSOCofumTwmyiyIA1Z> (accessed: June 10, 2024).
- Sun Bing (2019). This generation of Northeastern young people: Don't want to go home or have children. *China Economic Weekly*, 3, 29–31. Available at: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2019&filename=JJZK201903016&uniplatform=OVERSEA&v=B4XvDYN7-_cD5VhV6spgEMS9tscpfU51NyEyrz3cwzWGItZDZgYkB2u2zYcgb1R0 (accessed: June 14, 2024).
- Sun Xiaoxia, Yu Xiao (2021). Analysis on the “Low Fertility Trap” in Northeast China. *Population Journal*, 4(5), 29–38. Available at: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?doi=10.16405/j.cnki.1004-129X.2021.05.003> (accessed: May 24, 2024).
- Teng Fei, Quan Yanying, Wang Hongyu (2021). Statistical analysis of population change patterns and influencing factors in the three northeastern provinces. *Journal of Tonghua Normal University*, 6, 24–31. Available at: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?doi=10.13877/j.cnki.cn22-1284.2021.06.005> (accessed: May 21, 2024).
- Wang Qi (2017). A brief analysis of women's fertility wishes and related issues in the comprehensive two-child era. *Theory Research*, 7, 125–126, 147. Available at: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2017&filename=LBYT201707052&uniplatform=OVERSEA&v=8uTkp9RtUV3jStfqeqgM3gmF4j_n4O6ZrGmBm1xPehRT67oDZKmO7StXds_vEmgk (accessed: April 11, 2024).
- Wang Sh., Jia X., Mishchuk S.N. (2023). Changes in China's demographic policy in 2010–2021. *Narodonaselenie=Population*, 26(3), 66–76. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.6> (in Russian).
- Wu B. (2024). A study of the adjustment of the fertility policy in China in the conditions of the new demographic norm. *Russian Economic Bulletin*, 7(2), 273–279. DOI: 10.58224/2658-5286-2024-7-2-273-279 (in Russian).
- Yu Tingting, Song Yuxiang, Hao Feilong, A Rong (2017). Space pattern evolution of population distribution and the driving factors in Northeast China. *Scientia Geographica Sinica*, 37(5), 709–717. Available at: <https://www.cnki.net/kcms/doi/10.13249/j.cnki.sgs.2017.05.008.html> (accessed: June 14, 2024).
- Yu Xiao, He Jiening (2023). The influence of child care on female second child fertility intention-analysis of fertility status based on the sampling survey in Three Northeast Provinces. *Population Journal*, 45(3), 17–28. Available at: <https://oversea.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&filename=RKXK202303007&dbname=CJFDLAST2023> (accessed: May 17, 2024).
- Zhang Liping, Wang Guangzhou (2023). Study on the characteristics and main problems of negative population growth in Northeast China. *Social Science Journal*, 2, 129–142. Available at: http://css.cssn.cn/shxsw/swx_kycg/swx_xslw/202307/W020230721644556200809pdf (accessed: May 24, 2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana N. Mishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); Leading Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems – Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (4, Sholom-Aleikhan Street, Birobidzhan, Jewish Autonomous Region, 679013, Russian Federation); e-mail: svetamic79@mail.ru

Lin Ziyu – School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gorky, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: ziyulin99@foxmail.com)

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.10

УДК 316.334.56 | ББК 60.546.21

© Жданова А.Э.

ФОРМИРОВАНИЕ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АНГЕЛИНА ЭДУАРДОВНА ЖДАНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4526-3571

Формирование комфортной городской среды является одним из ключевых ориентиров развития города. Особое внимание следует отводить формированию и развитию комфортной среды проживания в городах субъектов РФ. При выборе места жительства для населения все большую значимость приобретают нематериальные факторы, к одному из которых можно отнести экологическую составляющую города. Для эффективной работы властей и реализации программ по благоустройству городов необходимо вовлекать местных жителей в процесс развития городской среды, что закреплено в национальных, федеральных и региональных проектах. Исследование направлено на выявление территориальных особенностей, характерных для экологических показателей формирования комфортной городской среды в г. Вологде и г. Петрозаводске, а также практик экологического участия граждан. Научная новизна заключается в анализе объективных экологических показателей в сочетании с субъективно воспринимаемым экологическим состоянием среды и проэкологической активностью населения. Проведено обобщение научной литературы и подтверждена важность взаимодействия между органами власти и местным сообществом. Получен вывод о том, что Вологда и Петрозаводск относятся к городам с благоприятной городской средой. Выявлено, что большая часть населения готова участвовать в локальных практиках благоустройства территории. Люди осознают личную ответственность за состояние экологии своего населенного пункта. Они готовы принимать участие, например, в такой экологической практике, как сортировка бытовых отходов. Также в ходе исследования установлено, что, несмотря на наличие ряда проблем, местные жители не хотят и не плани-

Для цитирования: Жданова А.Э. (2024). Формирование комфортной городской среды: экологический аспект // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 141–161. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.10

For citation: Zhdanova A.E. (2024). Forming a comfortable urban environment: Environmental aspect. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 141–161. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.10

руют в ближайшие годы переезжать из своих городов. Стабилизация и улучшение экологической обстановки, создание благоприятных условий проживания населения, повышение уровня экологического мировоззрения и культуры горожан формируют комфортную и качественную городскую среду и атмосферу в обществе.

Комфортная городская среда, развитие, местное сообщество, экология, практики, вовлеченность.

Введение

В последние годы в России значительное внимание уделяется городскому развитию, а именно увеличению доли жилого строительства, благоустройству центральных и периферийных районов города, функционированию системы жилищно-коммунального хозяйства, озеленению и другим аспектам. Целевой ориентир развития города состоит в обеспечении повышения качества жизни и создании условий для самореализации населения, в том числе посредством формирования комфортной городской среды (Жданова, 2024). Поэтому в настоящее время востребованность исследований городской среды не вызывает сомнения.

Следует отметить, что в последнее время особое внимание государства направлено на развитие северных территорий, что способствует привлечению интереса со стороны населения к городам севера и, как следствие, повышению качества городской среды. В этих городах принимаются муниципальные программы по развитию комфортной городской среды¹, которые учитывают особенности территорий и соотносятся с национальным проектом «Жилье и городская среда» и федеральным проектом «Формирование комфортной городской среды». Результаты исследований свидетельствуют, что «специфика формирования городской среды обусловлена не только природными факторами, но и социально-демографическими особенностями северных городов, что в совокупности определяет необходимость поиска иннова-

ционных форматов организации городской среды» (Грицан и др., 2023). В частности, к таким особенностям относятся высокая урбанизированность и ресурсность территорий севера. Однако постсоветский период характеризовался процессами депопуляции населения большинства северных территорий. Европейский Север России в 1990–2020 гг. потерял более 1/4 своего населения, или почти 1,7 млн чел. (Кожевников, 2022).

Президент РФ В.В. Путин отметил: «Все, что происходит на северах, представляет для нас особый интерес и особую ценность. Я даже не говорю сейчас об освоении Северного морского пути. В целом в этом будущем наше, в том числе и с точки зрения добычи природных ископаемых в перспективе». Глава государства считает, что хозяйственная деятельность «должна подстраиваться под особенности Арктики и российских северов, чтобы минимизировать экологические риски»².

Значимое место при формировании комфортной городской среды северных городов отводится сохранению благоприятной экологической обстановки (Антонова и др., 2021; Казарян, 2021). В связи с этим в настоящем исследовании будет сделан акцент не только на комфортности городской среды, но и на его экологической составляющей. При этом решение экологических проблем в формировании городской среды рассматривается с точки зрения гражданского участия и экологических практик населения. Очевидна взаимосвязь данных

¹ Например: муниципальная программа Петрозаводского городского округа «Благоустройство и охрана окружающей среды Петрозаводского городского округа» (сроки реализации: 2015–2028 гг.); муниципальная программа Петрозаводского городского округа «Формирование современной городской среды» (сроки реализации: 2018–2024 гг.).

² Путин: Россия в следующие десятилетия будет прирастать Арктикой и Севером // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4602866> (дата обращения 02.09.2024).

категорий. Формирование комфортной городской среды зависит от многогранного взаимодействия между жителями, местными властями и экологическими практиками (Ермолаева и др., 2021). В современных урбанистических исследованиях все чаще подчеркивается важность участия населения в процессах планирования городской инфраструктуры и управления ей. Активное вовлечение жителей в обсуждение и принятие решений способствует не только созданию адаптированных к их нуждам пространств, но и формированию чувства общности и ответственности за ближайшее окружение. Экологические практики, такие как озеленение, создание зеленых зон и управление отходами, вносят значительный вклад в качество городской жизни, помогая улучшать экологию и создавать комфортное и привлекательное общественное пространство, где жители могут взаимодействовать друг с другом и с природой. Кроме того, все более актуальным становится внедрение устойчивых технологий и инициатив, направленных на снижение углеродного следа. Комплексный подход к созданию комфортной городской среды, в котором учитываются мнения и потребности жителей, а также экологические аспекты, является залогом устойчивого развития городских территорий и улучшения качества жизни горожан.

Таким образом, цель данного исследования состоит в выявлении территориальных особенностей, характерных для экологических показателей формирования комфортной городской среды в г. Вологде и г. Петрозаводске, а также практик экологического гражданского участия. Выбранные для исследования города – административные центры Вологодской области и Республики Карелии, относящихся к территориям Европейского Севера России (Леонидова, 2019): Вологодская область занимает 10% от его площади, Республика Карелия – 9%. Эти территории представля-

ют интерес, так как имеют высокий потенциал для развития, о чем свидетельствуют основные социально-экономические показатели. Оба города обладают диверсифицированной промышленностью, развитой социальной и культурной инфраструктурой. Однако демографическая обстановка в 2019–2022 гг. характеризуется убылью населения в Вологде (-0,4–0,7%) и незначительным его приростом в Петрозаводске (+0,1%). Положение Петрозаводска оказалось более устойчивым в связи с ростом инвестиций в основной капитал и объемов продукции, однако наблюдается снижение оборота розничной торговли. В то же время в Вологде хотя и отмечается рост промышленного производства, фиксируется нестабильность в сфере розничной торговли и инвестиционной деятельности (Белехова, Жданова, 2023). В сложных условиях последних лет эти муниципальные образования показали достаточно хорошую адаптивность. Это два региона со схожим уровнем социально-экономического развития, что является важным стартовым параметром для оценки. Кроме того, данные территории по индексу качества городской среды занимают высокие позиции: на 2023 год г. Петрозаводск набрал 247 баллов, а г. Вологда – 227 баллов из 360 возможных.

Теоретические основы исследования

Законодательные рамки закрепляют права и обязанности граждан в сфере охраны природы, которые установлены в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ. В ст. 11 п. 1 закона сказано: «Каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение вреда окружающей среде»³.

³ Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (посл. ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823 (дата обращения 11.04.2024).

Важнейшим государственным механизмом повышения качества и уровня жизни граждан страны является реализация национальных проектов и государственных программ. С 2018 года реализуется двенадцать национальных проектов, получившие положительную обратную связь как от власти, так и от населения, для улучшения жизни которого они предназначены, в том числе национальный проект «Экология». В настоящее время в него включены 10 федеральных проектов, девять из них реализуются Министерством природных ресурсов и экологии, подведомственными ему организациями в рамках государственных программ «Охрана окружающей среды», «Воспроизводство и использование природных ресурсов» и «Развитие лесного хозяйства». Вместе с тем реализация нацпроекта может оказать позитивное влияние и на достижение другой национальной цели – «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» через федеральные проекты «Чистый воздух», «Чистая страна» и «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» (Лебедева, 2022).

Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин на стратегической сессии о продлении национальных проектов до 2030 года отметил: «Результаты должны быть зримыми, понятными для людей»⁴. Благодаря реализации проектов происходит одномоментное комплексное изменение различных сфер жизни общества, в том числе представляющее интерес для изучения развитие городской среды. «Анализ исполнения национальных, федеральных и региональных проектов необходим как для повышения эффективности государственного управления, так и анализа социально-экономического развития России» (Зундэ и др., 2021). Е.Б. Ленчук подчеркивает важность встраивания национальных проектов в систему стратегического планирования, а также взаимоувязывания с текущими госпрограммами и стратегиями развития (Ленчук, 2020).

На выбранных территориях исследования реализуются «Стратегия социально-экономического развития городского округа города Вологды на период до 2030 года» и «Стратегия социально-экономического развития Петрозаводского городского округа на период до 2025 года», в которых также отражена значимость создания и поддержания благоприятных условий проживания и решения задач экологического развития города. Управленческая практика и исследования доказывают, что формирование качественной городской среды является стратегическим приоритетом для государства при вовлечении граждан в процесс обсуждения и принятия решений по благоустройству и развитию городского пространства (Диденко, Бабичев, 2023) и при непосредственном участии местных жителей в реализации управленческих решений, направленных на развитие города (Косыгина, 2023; Уханова, Жданова, 2023). В зарубежных странах широко распространена практика включения населения в городское развитие при помощи партисипаторного бюджетирования (Zhang, Liao, 2011). В России инициативное бюджетирование в последние годы также показывает свою эффективность (Вагин, Шаповалова, 2016).

Кроме того, комфортность городской среды определяется не только степенью развития городской инфраструктуры, но и ее восприятием жителями городов, а также желанием населения участвовать в ее преобразовании. Как отмечают Е.А. Халимон и С.А. Никитин, «главное для успешного управления и реализации программ социально-экономического развития территорий и предприятий – это человеческие ресурсы, поскольку они являются как основными исполнителями программ развития, так и основными участниками процесса потребления полученных результатов. Кроме того, люди являются носителями инноваций (новых идей, приводящих их к результатам в сферах социальной, экономической и экологической безопасности),

⁴ Михаил Мишустин провел стратегическую сессию о продлении национальных проектов до 2030 года. URL: <http://government.ru/news/51088> (дата обращения 10.04.2024).

которые могут внести наибольший вклад в социально-экономическое развитие регионов» (Халимон, Никитина, 2020, с. 32). А.Г. Деменев с коллегами также подчеркивают важность вовлечения местных жителей в процесс городского планирования и развития, формирования с их стороны социального запроса на преобразования (Деменев и др., 2018). И.В. Цветкова отмечает важность изучения социальных аспектов благоустройства, т. к. благодаря данным аспектам создается безопасная и комфортная среда для жизни населения с учетом интересов всех категорий граждан. Также автор делает вывод о том, что социально-культурные факторы благоустройства города выступают важным фактором устойчивого развития территории (Цветкова, 2017).

Зарубежных ученых также интересует роль вовлеченности населения в улучшение окружающей среды (Diekmann, Preisendorfer, 1991; Bulkeley, Mol, 2003, Scott, Wilhts, 2001). Ряд исследователей, изучая общество и экологические проблемы, рассматривают взаимосвязь между идентификацией места, социальной сплоченностью, а также удовлетворенностью жильем и их влиянием на установки экологически ответственного поведения у населения. С.А. Тулаева, А.В. Немировская приходят к выводу, что локальная идентичность, связанная с местом, выражается как через коллективные отношения, так и через индивидуальные. Индивидуальные и коллективные отношения с местом проживания формируют ментальные установки. Однако авторы предполагают, что роль идентификации места, как и социальной сплоченности, может различаться в зависимости от характера населения или характера окружающей среды. В таком обществе «природные объекты имеют прежде всего социальную значимость для местных жителей». Они выступают любимыми местами отдыха, основой традиционных занятий, имеют религиозное значение и являются источником объединения семей. Авторы подчеркивают, «что участие граждан в экологических протестах увеличило

веру людей в свои силы и в свое сообщество» (Тулаева, Немировская, 2024, с. 236).

«В целом можно наблюдать положительные тенденции в экополитике за счет развития масштабных городских программ озеленения, благоустройства, внедрения экологических инноваций; экологическая повестка приобрела гласность, проводятся различные мероприятия, появляются площадки, на которых стейкхолдеры могут дискутировать; растет и заинтересованное экообщество» (Ермолаева и др., 2021, с. 309). В процессы экологического развития внедряются современные инновационные технологии (Jänicke, 2012), которые помогают становлению экологической устойчивости (Apostu et al., 2022). Одной из самых доступных экологических практик для населения является отдельный сбор мусора, в последние годы показывающий положительную динамику по вовлеченности населения (Шабанова, 2021).

По мнению Х.-Й. Мослера, экологически ответственное поведение может распространиться само по себе. Если между людьми в обществе устанавливается взаимодовверие, то они могут оказывать взаимное влияние друг на друга, чтобы вести себя экологически ответственным образом. Также автор отмечает, что экологические проблемы на самом деле являются проблемами между социальными системами, а не людей и окружающей среды (Mosler, 1993).

В 2015 году В.Р. Битюкова разработала первый экологический рейтинг 1100 городов России. Он был создан с целью выявления приоритетов экологической политики для создания комфортных и благоприятных условий проживания населения, что в свою очередь определяется минимальным негативным воздействием на окружающую среду и наиболее эффективным использованием ресурсов. Автор отмечает: «Экологоградостроительные мероприятия являются частью общей стратегии улучшения экологической ситуации» (Битюкова, 2015, с. 39).

Определение категорий исследования

В настоящем исследовании в соответствии с целью используются три основные категории: «комфортная городская среда», «гражданское участие» и «экологические практики».

Комфортная городская среда – это способность городской среды обеспечить достойный уровень бытового обслуживания, сбалансированность транспортной инфраструктуры, возможность для беспрепятственного перемещения различных категорий граждан, грамотное районирование, удовлетворение социальных, культурных, образовательных, рекреационных потребностей горожан, адекватный уровень шумового и информационного загрязнения⁵.

В индексе качества городской среды под системой управления формированием и развитием комфортной городской среды с участием граждан понимается «система, оказывающая управленческое воздействие субъектов управления на объект управления с помощью проектного метода с целью достижения национальных целей и стратегических задач развития РФ на основе развития городской среды и доведения доли граждан, принявших участие в решении вопросов развития городской среды, до 30%» (Панина и др., 2022).

В понимании гражданского участия мы ориентируемся на определение Ю.В. Ухановой: «процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), с другими социально-политическими институтами / между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач» (Уханова, 2023, с. 667).

Экологические практики являются структурным элементом экологического поведения, представляя собой целенаправленные и осмысленные действия индивидов, направленные на преобразование

природной среды либо на поддержание в состоянии, достаточном для естественного воспроизведения ее основных параметров (Захарова, 2022). С точки зрения формирования комфортной городской среды – это добровольная деятельность горожан по улучшению экологической ситуации на местах путем проведения экологических акций, субботников, сортировки твердых бытовых отходов и т. д.

Методика и информационная база

Объектами анализа стали крупные города Северо-Западного федерального округа – г. Вологда (Вологодская область) и г. Петрозаводск (Республика Карелия). Они обладают статусом административных центров регионов; характеризуются развитой промышленностью, выпускающей широкий спектр продукции (от машиностроения до пищевой отрасли); обладают современной городской инфраструктурой и привлекательны с точки зрения культурного туризма.

Оценка комфортности городской среды требует учета и анализа как комплекса показателей, рассчитанных на основе официальной статистики, так и данных социологических опросов на предмет оценки местным населением существующих условий проживания в городе (Уханова, Жданова, 2023). В связи с этим информационной базой послужили индекс качества городской среды и индекс качества жизни г. Вологды и г. Петрозаводска, а также данные социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», проведенного Вологодским научным центром РАН в июле 2021 года (n = 784; г. Вологда – 400 респондентов, г. Петрозаводск – 384 респондента). Метод – анкетирование по месту жительства; ошибка выборки не превышает 3%. Отбор респондентов в домохозяйстве осуществлялся с применением квот по полу и возрасту (от 18 лет и старше).

⁵ Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Социокультурное программирование. Основные требования и процессы: ГОСТ Р 70390-2022 (2022). URL: <chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://files.stroyinf.ru/Data/789/78955.pdf> (дата обращения 18.03.2024).

Одним из источников оценки комфортности городской среды выступает индекс качества городской среды, который формируется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ с 2018 года путем оценки 6 городских пространств (жилье и прилегающие пространства, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства, социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства, улично-дорожная сеть, общегородское пространство) по 6 критериям (безопасность, комфортность, экологичность и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления). Максимально город может набрать 360 баллов, соответственно, чем выше индекс, тем благоприятнее территория проживания. Минстрой предлагает следующую градацию: от 0 до 180 баллов – неблагоприятная городская среда, от 180 и выше – благоприятная городская среда. Информационной базой для индекса служат данные государственной статистики, данные геоинформационных систем и дистанционного зондирования территорий (Уханова, Жданова, 2023).

С 2021 года государственная корпорация развития ВЭБ.РФ ежегодно представляет результаты расчета индекса качества жизни, который представляет собой комплексную систему оценки качества жизни в городах. На данный момент в базу данных включены 218 городов России, для которых доступны данные по более чем 300 показателям. Каждый город можно рассмотреть и сравнить с другим по определенным направлениям: жилищные условия, доход и работа, здоровье, образование, мобильность, благоустройство, природно-экологические условия, безопасность, общественная активность и права граждан, проведение свободного времени, удовлетворенность⁶. Каждое такое направление включает отдельные показатели.

⁶ ВЭБ.РФ. Индекс качества жизни. URL: <https://xn--80awgq7cs.xn--80afd3bal.xn--p1ai> (дата обращения 05.04.2024).

А.В. Самохин и С.А. Мясников рассмотрели взаимосвязь объективных и субъективных показателей этого индекса и выделили его релевантные параметры: комплексность, полнота данных, открытость, ориентированность, международная сопоставимость, а также международные практики в основе структуры и методик расчета (Самохин, Мясников, 2023). Вышеупомянутые параметры в большей степени помогают осуществить комплексную оценку различных параметров городского пространства в отличие от индекса качества городской среды.

Результаты исследования

Анализ показателей индекса качества городской среды

Как показывают данные *табл. 1*, средний балл по региону и по столице региона выше 180, следовательно данные территории характеризуются благоприятной городской средой. За шесть лет в г. Вологде индекс увеличился на 33 балла (со 194 до 227), а в г. Петрозаводске на 62 балла (со 185 до 247 из макс. 360). Важно отметить, что на протяжении шестилетнего периода города имели высокие оценки, но в г. Петрозаводске показатели были несколько ниже, чем в г. Вологде, однако в 2023 году показатели индекса Петрозаводска стали значительно превосходить показатели Вологды. Несмотря на это, по данным за 2023 год, средний балл качества городской среды в Вологодской области на 5 баллов больше, чем в Республике Карелии.

Если рассматривать подробно городские пространства выбранных городов, то можно отметить, что наиболее проблемными факторами в столице Вологодской области являются общегородское пространство (29 баллов, причем в 2023 году данный показатель не смог набрать 50%; *табл. 2*), улично-дорожная сеть (36 баллов), общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства (37 баллов). Стоит отметить, что индикаторы жилье и прилегающие

Таблица 1. Динамика индекса качества городской среды на территории Вологодской области и Республики Карелии, 2018–2023 гг., баллов

Область/город	Численность населения, тыс. чел.	Индекс						2023 год к 2018 году
		2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	
Вологодская область	768,6	157	169	176	184	192	199	+42
Вологда	311,6	194	206	210	218	221	227	+33
Республика Карелия	359,3	162	164	171	178	187	194	+32
Петрозаводск	235,8	185	193	203	212	220	247	+62

Источник: Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования // Индекс качества городской среды. URL: <https://xn----dtbcccddtsyapabxk.xn--p1ai/#/>

Таблица 2. Оценка развития социально-экономических пространств г. Петрозаводска и г. Вологды в индексной оценке в 2021 и 2023 гг., баллов

Пространство	Петрозаводск		Вологда	
	2021 год	2023 год	2021 год	2023 год
Жилье и прилегающие пространства	42	41	44	47
Улично-дорожная сеть	33	46	32	36
Озелененные пространства	27	32	42	40
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства	36	42	34	37
Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства	32	41	36	38
Общегородское пространство	42	45	30	29
Всего	212	247	218	227

Источник: Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования // Индекс качества городской среды. URL: <https://xn----dtbcccddtsyapabxk.xn--p1ai/#/>

пространства набрали высокие баллы как в 2021 году (44 балла), так и в 2023 году (47 баллов). В то же время в Петрозаводске низкие оценки получили озелененные пространства (32 балла), социально-досуговая инфраструктура и жилье с прилегающими пространствами (41 балл). В г. Петрозаводске наблюдается значительный рост индекса за последний год (на 27 баллов), что значительно превосходит итоговые показатели г. Вологды и ставит г. Петрозаводск на 2 место среди региональных столиц СЗФО (уступает только Великому Новгороду, у которого 254 балла), в то время как г. Вологда находится лишь на 6 месте (за исключением города федерального значения Санкт-Петербурга, 270 баллов). Важно отметить, что у г. Петрозаводска и г. Вологды, несмотря на сходство в социально-экономических характеристиках, имеются значительные различия природно-климатических условий, а также демографической ситуации, что может вызывать определенные трудности при формировании комфортной городской среды.

Существенным критерием комфортности проживания в городе в последние десятилетия выступает экологическая составляющая городского пространства. Один из шести критериев, по которым рассчитывается индекс качества городской среды, – «экологичность и здоровье». В каждом из шести городских пространств данный критерий представлен определенными показателями. Так, например, в показателе «жилье и прилегающие пространства» оценке подлежит доля твердых коммунальных отходов, направленных на обработку и утилизацию, в общем объеме образованных и вывезенных твердых коммунальных отходов (%), в «улично-дорожной сети» оценивают загруженность дорог (безразмерный коэффициент), в «озелененных пространствах» – состояние зеленых насаждений (безразмерный коэффициент), в «общественно-деловой инфраструктуре и прилегающих пространствах» смотрят долю площади города, убираемой механизированным способом, в общей площади города (%), в «социально-досуговой инфраструктуре и прилегающих

пространствах» оценивают обеспеченность спортивной инфраструктурой (%), в «общегородском пространстве» – долю городского населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, в общей численности городского населения (%)⁷. Несмотря на удобство быстрого реагирования местных властей в решении проблем по показателям, которые набрали наименьшее количество баллов, недостатком данного индекса выступает невозможность посмотреть полный расчет по каждому критерию и пространству, т. к. в итоге пользователям доступен расчет только по каждому городскому пространству в целом (как в табл. 2).

Анализ показателей индекса качества жизни

В данном исследовании интерес представляет показатель природно-экологиче-

ских условий (благоприятные для жизни качества антропогенной и природной среды) в г. Вологде и г. Петрозаводске по отдельным внутригрупповым показателям (табл. 3). В эту категорию входят 40 показателей, в которых отражены как объективные, так и субъективные данные.

Если в целом рассматривать природно-экологические условия территории, то в г. Петрозаводске в 2023 году по сравнению с 2021 годом наблюдаются значительные ухудшения экоситуации⁸, фиксируется спад на 15,4 балла, в то время как в г. Вологде обратная ситуация – рост на 15,5 балла. Плотность застройки в обоих крупных городах больше, чем в среднем по индексу, в г. Петрозаводске она составляет 692,11 кв. м / га, а в г. Вологде – 770,04 кв. м / га. По данным табл. 3 можно заметить, что в 2023 году доля населения, которая удовлетворена усилиями

Таблица 3. Динамика индекса качества жизни в 2021–2023 гг. на территории Вологодской области и Республики Карелии

Показатель	Петрозаводск		Вологда		Среднее по городам индекса	
	2021 год	2023 год	2021 год	2023 год	2021 год	2023 год
Природно-экологические условия (благоприятные для жизни качества антропогенной и природной среды)	61,19	45,77	43,95	59,42	46,35	47,93
Плотность застройки жилыми домами, кв. м / га	692,11	692,11	770,04	770,04	456,03	454,98
Доля населения, удовлетворенного усилиями по сохранению окружающей среды, от общего количества респондентов, %	н/д	24,26	н/д	25,51	н/д	27,31
Степень информированности и вовлеченности жителей в экологические проекты, программы и инициативы, реализуемые в городе, %	11	8,13	13,86	11,24	8,76	6,1
Удовлетворенность качеством воздуха, балл (макс. – 4)	н/д	3,41	н/д	3,3	н/д	3,13
Доля населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, %	100	100	40,78	44,62	94,6	95,1
Удовлетворенность качеством воды, %	63	3,46	36,63	2,9	54,33	3,19
Удовлетворенность качеством работы служб по вывозу мусора, балл (макс. – 4)	н/д	2,91	н/д	3,42	н/д	3,34
Количество вывезенных ТКО на душу населения, кг/чел.	1386,84	1386,84	342,32	342,32	426,55	437,15
Количество ликвидированных несанкционированных свалок в границах городов в общем количестве свалок, %	16,26	39,85	14,29	н/д	43,65	38,98

Источник: Природно-экологические условия // Индекс качества жизни в городах России. URL: <https://citylifeindex.ru/database?pageType=CITIES>

⁷ Индекс качества городской среды: методика. URL: <https://xn----dtbccdtsypabxk.xn--p1ai/#/methodology> (дата обращения 18.03.2024).

⁸ Ограничения исследования заключаются в разной методике расчета индексов качества городской среды и качества жизни в городах. В индексе качества городской среды учитываются только субъективные данные. Также у обычных пользователей нет доступа к детальному своду показателей, доступны только суммарные показатели по 6 городским пространствам.

по сохранению окружающей среды, в г. Петрозаводске и г. Вологде ниже, чем в целом по городам индекса и составляет 24 и 26% соответственно. Также можно отметить, что на очень низком уровне находится доля информированности и вовлеченности жителей в экологические процессы (8% – Петрозаводск, 11% – Вологда, 6% – среднее по городам индекса). Информирование населения об экологической ответственности и экологическом поведении должно в первую очередь исходить от представителей власти и пропагандироваться на всех ее уровнях, тогда появится возможность привлечь к данным процессам представителей разных возрастных групп. Однако важным аспектом будут каналы для информирования. Наиболее удобными в настоящее время являются социальные сети и интернет-порталы. Так, коллектив авторов Финансового университета при Правительстве РФ к основным направлениям вовлечения граждан к обсуждению проблем, связанных с формированием комфортной городской среды и экологии города, относят «рассылку информации; размещение информации в СМИ, а также распространение проспектов, буклетов и другой печатной продукции; размещение информации в интернете на платформах, позволяющих оставлять комментарии» (Панина и др., 2022, с. 181).

Население положительно оценивает качество воздуха в городах. В исследуемых городах оценки незначительно выше, чем в среднем по стране. Из четырех возможных баллов жители г. Петрозаводска оценивают качество воздуха на 3,41 балла, а жители г. Вологды – 3,3 балла. По данным исследования качества воздуха, проведенного Strelka KB в 2022 году, в рейтинге столиц субъектов РФ г. Вологда находится на 42 месте из 76, а г. Петрозаводск – на 61. В обоих крупных городах уровень загрязнения воздуха обозначен как повышенный⁹.

Интересным и парадоксальным оказался показатель удовлетворенности качеством воды. В 2021 году доля жителей, удовлетворенных качеством воды, в г. Петрозаводске составляла 63%, в г. Вологде – 37%. При этом 100% респондентов г. Петрозаводска отмечают обеспеченность качественной питьевой водой из систем центрального водоснабжения, в то время как в г. Вологде такой ответ дали лишь 45% респондентов. По мнению автора, это происходит из-за метода оценки: население отвечает на данный вопрос исходя из собственного субъективного восприятия, мнение изменчиво и зависит от событий, сезонности и других факторов. Так, например, качество воды может зависеть от времени года, качество питьевой воды – от фильтров, установленных непосредственно в квартирах, или покупки воды в водоматах. Одним из механизмов улучшения качества воды на местах является федеральный проект «Чистая вода», цель которого – повышение качества питьевой воды посредством модернизации систем водоснабжения с использованием перспективных технологий водоподготовки. Однако, несмотря на реализацию данного проекта, в Республике Карелия, по данным из доклада Роспотребнадзора «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Республике Карелия в 2023 году», большая часть источников водоснабжения не соответствует санитарным требованиям¹⁰. На территории Вологодской области в рамках подпрограммы (федерального проекта «Чистая вода») «Вода Вологодчины» также проводится ряд мероприятий по улучшению качества питьевой воды. За 2022 год доля городского населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, составила 70,2%¹¹. Полученные результаты говорят о необходимости дальнейшего финансирования и развития этого проекта.

⁹ Рейтинг 170 городов России по качеству воздуха // Strelka KB. URL: <https://taqi.strelka-kb.com> (дата обращения 11.04.2024).

¹⁰ Роспотребнадзор констатировал провал программы «Чистая вода» // Петрозаводск говорит. URL: <https://ptzgovorit.ru/news/rosпотреbnadzor-konstatiroval-proval-programmy-chistaya-voda> (дата обращения 15.10.2024).

¹¹ Чистая вода Вологодчины // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://www.vologda-oblast.ru/voda-vologodchiny> (дата обращения 15.10.2024).

На сегодняшний день одним из самых проблемных вопросов в сфере экологии остается вопрос, связанный с мусором, его сортировкой, утилизацией, ликвидацией свалок и т. д. По данным ВЭБ.РФ, в г. Петрозаводске количество вывезенных ТКО на человека в 4 раза превосходит показатель г. Вологды (1386,84 кг/чел. против 342,32 кг/чел.).

Поясним, что общее количество образованных коммунальных отходов в первую очередь зависит от численности населения на конкретной территории. В то же время масса ТКО в пересчете на душу населения в разных регионах может отличаться в несколько раз. На это влияет множество факторов, в том числе уровень и структура потребления, наличие соответствующей инфраструктуры для населения и бизнеса, а также степень экологической ответственности потребителей. Важно учитывать, что умеренный рост генерации мусора не обязательно приводит к дополнительному ущербу для экологии, если налажена работа инфраструктурных мощностей по обращению с отходами¹².

Положительная динамика выявлена в отношении ликвидации несанкционированных свалок – больше трети несанкционированных свалок ликвидировано в 2023 году. Важно отметить, что значение данного показателя совпадает со средним значением индекса.

Индексный метод, как правило, сопровождается присваиванием различным показателям определенного веса. Это повышает субъективность оценки, снижает прозрач-

ность, что зачастую усложняет интерпретацию полученной информации и принятие решения. Благодаря индексной методике можно определить проблемные аспекты городского развития, в связи с чем необходим учет субъективного мнения населения, которое является непосредственным пользователем услуг городской инфраструктуры.

Комфортность и экологичность городской среды в субъективных оценках населения

В целом жители обоих крупных городов демонстрируют высокий уровень локальной идентичности и позитивно относятся к месту своего проживания¹³. Согласно результатам опроса, многие петрозаводчане рады, что проживают в данном городе (42%), в то время как 41% респондентов г. Вологды довольны местом проживания, однако многие условия проживания их не устраивают, в Петрозаводске так ответили 37% респондентов (табл. 4).

На рис. 1 представлено распределение ответов, полученных от респондентов, относительно основных акторов, ответственных за развитие городских территорий (при ответе на вопрос был возможен выбор нескольких вариантов ответа). На первую позицию в обоих городах население ставит органы местного самоуправления (73% в Вологде и 67% в Петрозаводске). Однако на втором месте в Петрозаводске оказался вариант ответа «сами жители» (66%), в то время как в г. Вологде такой ответ дали лишь 40% опрошенных. На третьем месте –

Таблица 4. Оценка горожанами места своего проживания, % от числа ответивших

Вариант ответа	Петрозаводск	Вологда
Я рад, что живу здесь	41,9	29,0
В целом я доволен, но многое не устраивает	36,7	41,0
Не испытываю особых чувств по этому поводу	16,4	20,3
Мне не нравится жить здесь, но привык	4,9	9,8
Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.		

¹² Роспотребнадзор констатировал провал программы «Чистая вода» // Петрозаводск говорит. URL: <https://ptzgovorit.ru/news/rospotrebnadzor-konstatiroval-proval-programmy-chistaya-voda> (дата обращения 15.10.2024).

¹³ Чистая вода Вологодчины // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://www.vologda-oblast.ru/voda-vologodchiny> (дата обращения 15.10.2024).

Рис. 1. Степень ответственности акторов за развитие территории, % от числа ответивших
 Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.

органы государственной власти региона (62 и 51% соответственно). Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что население Петрозаводска в большей мере ощущает свою ответственность за территорию проживания, чем вологжане.

Социально-экономические проблемы носят схожий характер в обоих городах. На первое место горожане ставят низкий уровень жизни и инфляцию (53% респондентов г. Петрозаводска и 58% жителей г. Вологды, табл. 5). На втором месте – проблема низкого качества медицины, однако в Вологде такой ответ встречался чаще, чем

в Петрозаводске (41 и 33% соответственно). На третье место в Петрозаводске были поставлены экологические проблемы (41%), в Вологде же более актуальной проблемой, по мнению населения, является «расслоение на бедных и богатых» (30%). При этом именно проблему плохой экологии и загрязнения окружающей среды можно решить совместными усилиями местных жителей: так считают больше половины опрошенных в Петрозаводске (54%) и 21% в Вологде. Также горожане предполагают, что отчасти они могут решить проблему недостатка условий для отдыха (11 и 13% соответственно).

Таблица 5. Наиболее острые проблемы в исследуемых городах и возможность их решения совместными усилиями жителей, % от числа ответивших

Вариант ответа	Петрозаводск		Вологда	
	Проблема	Решение	Проблема	Решение
Низкий уровень жизни, инфляция (постоянный рост цен)	52,5	6,6	58,3	9,3
Расслоение населения на бедных и богатых	18,9	5,1	30,3	8,0
Неблагоприятные условия для развития малого бизнеса, отсутствие господдержки	18,1	3,3	23,0	6,3
Чрезмерное усиление исполнительной власти	8,3	3,6	14,8	3,3
Необходимость освоения цифровых технологий	5,0	6,3	6,0	7,8
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	41,1	54,1	14,3	21,3
Низкое качество медицинских услуг, неготовность к пандемии	33,3	5,7	40,5	9,0
Низкое качество образовательных услуг, особенно удаленного образования	14,7	4,5	13,8	4,5
Низкая доступность жилья	21,4	2,4	31,0	5,3
Отсутствие (недостаток) условий для отдыха, проведения досуга	20,0	11,1	14,8	12,5
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства и т.д.	6,7	7,2	7,0	5,5

Составлено по: результатам социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.

Таблица 6. Готовность местных жителей объединяться с другими людьми для решения актуальных вопросов, % от числа ответивших

Вариант ответа	Петрозаводск	Вологда
Участвовать в самоуправлении домом, подъездом	64,6	59,7
Обустраивать территорию проживания (дом, двор, город)	74,2	70,1
Защищать природу, заботиться о бездомных животных	78,5	50,0
Бороться с преступностью, пьянством, наркоманией	40,6	28,7
Решать проблемы своего населенного пункта (города, села, поселка)	54,4	38,4
Участвовать в принятии решений по застройке города (градостроительный совет и т. п.)	31,2	29,0
Включиться/поддержать экологические движения	62,2	38,9

Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.

Согласно данным исследования, жители Петрозаводска в большей мере готовы принимать участие в решении актуальных вопросов городского развития, чем жители Вологды (табл. 6). При этом доля респондентов, не готовых участвовать, среди вологжан стабильно выше, чем в Петрозаводске. В Вологде не проявляют заинтересованности относительно вовлеченности в экологические мероприятия 61% респондентов, в Петрозаводске, наоборот, 62% жителей готовы принимать в них участие. Хотя, по данным индекса качества жизни, степень вовлеченности горожан находится на уровне 8–11%.

В целом по городам в обществе преобладают отрицательные оценки экологической обстановки.

Так, 40% населения Петрозаводска говорит о том, что экологическая ситуация в городе требует внимания, вологжане такой ответ давали несколько реже (26%, рис. 2). Однако стоит отметить в обоих городах значительную долю ответов «ситуация очень плохая» – 19% в Петрозаводске и 32% в Вологде. Данный показатель согласуется с ответами респондентов, учтенных в индексе качества жизни, который находится на уровне 24–26%. По данным ВЦИОМ, ответ об улучшении экологической ситуации в мире, стране и своем населенном пункте выбирает меньшая доля респондентов, что подтверждает наличие проблем и важность их своевременного решения¹⁴.

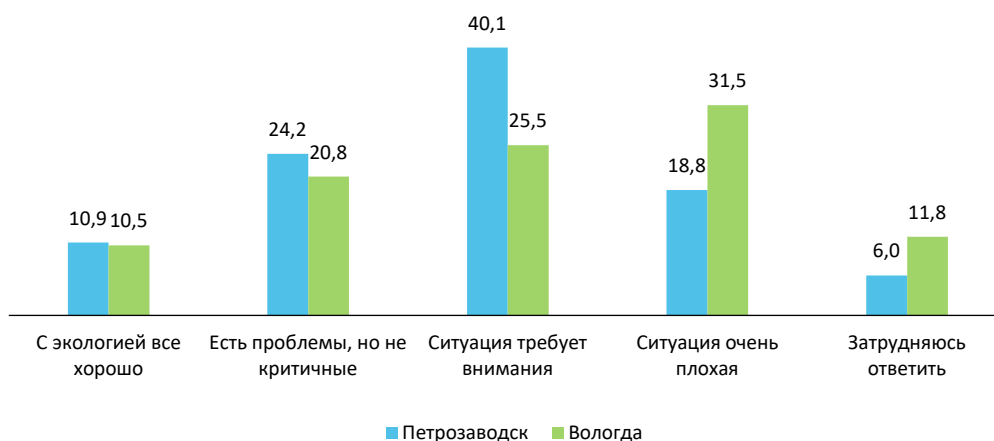

Рис. 2. Оценка респондентами экологической обстановки в месте проживания, % от числа ответивших

Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.

¹⁴ Экологическая ситуация в России: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2> (дата обращения 03.03.2024).

Отвечая на вопрос «Кто, по Вашему мнению, должен нести основную ответственность за состояние экологии в городе?», население обоих крупных городов говорит о том, что в первую очередь за состояние экологии ответственна местная власть (63% – Петрозаводск, 50% – Вологда; табл. 7). Однако на второе место жители Петрозаводска поставили самих себя (57%), а на третье – региональную власть (48%). Можно отметить положительный тренд в отношении личной ответственности граждан, понимании, что от личного вклада каждого зависит экологическое состояние городского пространства и близлежащих территорий. Понимание личной ответственности складывается в результате осознания, что экология влияет на большую часть жизненных аспектов, будь то комфортность проживания (чистота улиц и качество воздуха), здоровье человека (появление болезней в результате экологических проблем) или даже мода и тренды. В последние годы общество в стране и в мире в целом уделяет значительное внимание экологии. Быть экологически грамотным стало модным и популярным, причем активность и вовлеченность в этот процесс молодежи способствует привлечению внимания к проблеме формирования экологических ценностей

и установок регионального сообщества, а также повышению эффективности реализации потенциала экологического участия (Косыгина и др., 2022). В связи со сказанным можно сделать вывод, что для сохранения природы и развития экологических привычек необходимы совместные усилия властей различного уровня и участия граждан.

Жители обоих городов едины в ответах о том, что другие люди что-то делают для улучшения экологической ситуации, но этого недостаточно (Петрозаводск – 57%, Вологда – 63%; табл. 8). Доля тех, кто что-то делает, среди петрозаводчан в два раза выше (32%), чем среди вологжан (17%). Напротив, доля тех, кто ничего не делает для совершенствования экологической обстановки, в Вологде в два раза больше, чем в Петрозаводске (21% против 11).

Личными практиками горожан в целях улучшения экологической ситуации являются локальные действия, распространяющиеся только на непосредственную территорию своего проживания. Респонденты говорят о том, что они следят за чистотой в доме и на придомовой территории и могут сделать замечания (45% и 34%), а также могут убрать мусор у дома (45 и 31%; табл. 9). Однако самый распространенный ответ – «не бросаю мусор на улице и не разрешаю

Таблица 7. Степень ответственности за состояние экологии, % от числа ответивших

Вариант ответа	Петрозаводск	Вологда
Федеральная власть, правительство	41,8	37,5
Региональная власть	48,3	49,0
Местная власть	63,2	50,3
Общественные организации, в т. ч. экологические	14,9	20,5
Предприятия и организации	24,0	19,0
Сами люди	56,9	47,5
Затрудняюсь ответить	4,4	13,0

Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, другие люди что-то делают для улучшения экологической ситуации?», % от ответивших

Вариант ответа	Петрозаводск	Вологда
Да, делают	32,4	16,6
Делают, но мало	56,9	62,7
Ничего не делают	10,7	20,7

Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Что лично Вы делаете для улучшения экологической ситуации в месте Вашего проживания?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Петрозаводск	Вологда
Участвую в деятельности экологической организации	6,3	3,0
Постоянно контактирую с местными органами власти по вопросам экологии	1,0	3,8
Являюсь организатором субботников у себя в доме	10,7	21,5
Не бросаю мусор на улице и не разрешаю этого делать своим детям	77,0	71,3
Слежу за чистотой в подъезде, во дворе. Если надо, сделаю замечание	45,4	34,0
Могу убрать мусор в подъезде, на площадке вокруг дома	44,6	31,3
Ничего не делаю, пусть этим занимаются специализированные службы	9,4	16,3
Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.		

делать это своим детям» (77% петрозаводчан и 71% вологжан). Можно отметить, что жители не проявляют заинтересованности и не участвуют в масштабных городских экологических мероприятиях и акциях, которые требуют желания и времени.

Наиболее распространенная экологическая практика на местах в настоящее время – сортировка и утилизация бытовых отходов, т. к. она является простой в реализации и доступной каждому горожанину. Ответы респондентов подтверждают желание жителей сортировать мусор при наличии такой точки сбора в их дворе – доля положительных ответов составляет в городах около 80% (рис. 3). Стоит отметить, что утвердительный ответ дали 51% респондентов в Петрозаводске, а практически половина опрошенных в Вологде (49%) отвечали «скорее всего будут сортировать». Однако, несмотря на положительную динамику доли желающих участвовать в данной практике, в реальности в настоящее время сортируют мусор не более 3–4% населения крупных го-

родов. Возможно, такое распределение ответов связано с недостаточной информированностью населения об экологических мероприятиях и недостаточным количеством пунктов приема вторсырья.

Если у людей появится возможность сортировать и хранить бытовые отходы, то в большинстве своем они будут так поступать, потому что это «бережет природу». Такого мнения придерживаются 34% жителей Петрозаводска и 32% населения г. Вологды (табл. 10). Второй причиной сортировки мусора жители называют коллективный подход («будут делать, как все»; 29 и 21% соответственно). Третьей причиной, по которой жители Петрозаводска будут заниматься сортировкой мусора, является угроза получения штрафа (19%). По нашему мнению, говорить об этом в настоящее время рано, так как экологическое просвещение и грамотность только начинают формироваться в обществе и носят добровольный волонтерский характер. Вологжане считают, что люди будут сорти-

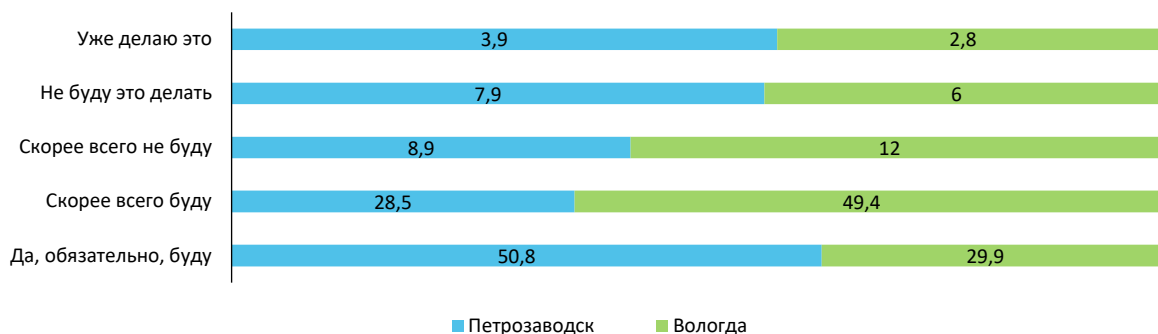

Рис. 3. Готовность населения к разделению мусора, % от числа ответивших

Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.

Таблица 10. Мотивы участия населения в сортировке мусора, % от числа ответивших

Вариант ответа	Петрозаводск	Вологда
Будут, потому что понимают, что это сохраняет ресурсы	14,7	18,3
Будут, потому что понимают, что это бережет природу	34,1	32,3
Будут делать, как все	28,6	21,0
Будут только под угрозой штрафа	19,4	13,3
Не будут заниматься разделением и хранением мусора	3,1	15,3
Составлено по: результаты социологического исследования «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», ВолНЦ РАН, 2021 год.		

ровать мусор, потому что это сохраняет ресурсы (18%). Повторная переработка отходов становится выгодной не только для экологии, но и выступает хорошим инструментом в сокращении расходов в сфере бизнеса и производства, так как производители могут вторично использовать сырье, которое закупят по более низкой цене, и тогда предприятия будут позиционироваться как экологически ответственные, что благоприятно скажется на состоянии окружающей среды и сформирует предприятию положительную репутацию. Чем больше людей начнут брать на себя ответственность за свои отходы, тем более сильным будет сигнал для властей различного уровня и политиков о том, что решение проблемы на любом из уровней требует незамедлительного и регулярного вмешательства.

Несмотря на то, что местные жители указывают на недостатки экологической обстановки в городе, большая их часть говорит о том, что через 5 лет они также будут проживать в своем городе. В Петрозаводске доля положительных ответов составила 78% против 22% отрицательных. В Вологде наблюдается аналогичная ситуация (84% против 16). Даже если у людей появится возможность для переезда, большая часть респондентов не хотят уезжать из своих городов. Так, в Петрозаводске хотят остаться жить 61% опрошенных, а в Вологде – 64%, что не говорит о благоприятных перспективах развития городов.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в целом полученные данные фиксируют положительные оценки городского простран-

ства среди населения обоих исследуемых крупных городов. Отмечена положительная динамика индекса качества городской среды на протяжении периода с 2018 по 2023 год как в Вологде, так и в Петрозаводске. С одной стороны, это свидетельствует об отсутствии ярко выраженных территориальных особенностей в показателях оценки в двух крупных городах, с другой стороны, а именно с точки зрения гражданского участия, фиксируются некоторые различия: выявлена высокая готовность местного сообщества участвовать в развитии города и обсуждении актуальных вопросов в г. Петрозаводске, однако в Вологде показатели несколько ниже.

Особенность территориального среза заключается в том, что в большинстве случаев практики участия носят локальный характер (дом и придомовая территория). Локальные экологические практики позволяют минимизировать антропогенное воздействие на окружающую среду, а также способствуют формированию экологически ответственного поведения населения.

Необходимо подчеркнуть, что для анализа городской среды и ее экологических аспектов необходимо использовать комплексный подход, который включает в себя рассмотрение статистических и социологических данных. Проведение опросов среди горожан играет ключевую роль в получении объективной картины относительно текущей ситуации в городе. Именно городское население выступает получателем и потребителем качественной городской среды. При этом качество формирования комфортной городской среды зависит не только от властей, но и от включенности

в данный процесс представителей бизнеса, НКО и местного населения непосредственно. Недаром в 1942 году Антуан де Сент-Экзюпери в своем произведении «Маленький принц» подчеркнул важность личного участия в заботе об окружающей среде: «Есть такое твердое правило. Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету»¹⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Хафизова В.Р. (2021). Экологическая безопасность городской среды в системе представлений молодежи о будущем // Вестник Пермского нац. исслед. политехн. ун-та. Социально-экономические науки. № 1. С. 21–30. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.1.2
- Белехова Г.В., Жданова А.Э. (2023). Особенности муниципальной публичной политики в субъектах Северо-Западного федерального округа (на примере Вологодской области и Республики Карелия) // Caucasian Science Bridge. Т. 6. № 4 (22). С. 24–41. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.2
- Битюкова В.Р. (2015). Экологический рейтинг городов России // Экология и промышленность России. Т. 19. № 3. С. 34–39.
- Вагин В.В., Шаповалова Н.А. (2016). Инициативное бюджетирование и смежные практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. № 38 (320). С. 2–19.
- Грицан О.Е., Губина О.В., Седлецкая М.В., Чернова И.А. (2023). Общественные пространства северных городов. Особенности развития // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. № 3 (15). С. 4–20.
- Деменев А.Г., Шубина Т.Ф., Шубина П.В. [и др.] (2018). Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области // Арктика и Север. № 33. С. 91–117. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.91>
- Диденко А.Н., Бабичев И.В. (2023). Нормативные и социально-экономические условия формирования межсекторного взаимодействия (местные сообщества – бизнес – муниципалитет – государство – научные и экспертные сообщества) на региональном и муниципальном уровнях как технологии комплексного и устойчивого развития территории и повышения ее человеческого потенциала // Местное право. № 2. С. 3–32.
- Ермолаева П.О., Башева О.А., Корунова В.О. (2021). Экологическая политика и гражданское участие в российских мегаполисах: достижения и вызовы с позиции городских стейкхолдеров // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 301–314. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314>
- Жданова А.Э. (2024). Городское пространство в оценках местного сообщества: измерение в г. Вологде и г. Череповце // Социальное пространство. Т. 10. № 1. DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.8
- Захарова В.А. (2022). Экологические практики молодежи в сфере потребления: аспекты актуализации проблемы // Caucasian Science Bridge. Т. 5. № 4 (18). С. 120–125. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.12
- Зундэ В.В., Морозова А.И., Мезенцева Е.Е. (2021). Диагностический профиль как инструмент управления реализацией национальных проектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. № 2 (129). С. 21–26.
- Казарян Р.А. (2021). Развитие современных городов с позиции экологического подхода // Экономика строительства и природопользования. № 1 (78). С. 28–34. DOI: 10.37279/2519-4453-2021-1-28-34
- Кожевников С.А. (2022). Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36

¹⁵ Маленький принц // Deti Online. URL: <https://deti-online.com/skazki/sbornik-skazok/malenkiy-princ> (дата обращения 17.03.2024).

- Косыгина К.Е. (2023). Роль местных сообществ в развитии малых территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 210–229. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.12>
- Косыгина К.Е., Уханова Ю.В., Жданова А.Э. (2022). Экологическая обстановка в России: анализ общественного мнения в регионах // Социальное пространство. Т. 8. № 3. DOI: [10.15838/sa.2022.3.35.8](https://doi.org/10.15838/sa.2022.3.35.8)
- Лебедева М.А. (2022). Проблемы реализации национального проекта «Экология» в Российской Федерации // Журнал экономических исследований. Т. 8. № 6. С. 17–24.
- Ленчук Е.Б. (2020). Национальные проекты в системе целеполагания социально-экономического развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 225. № 5. С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-225-5-79-90>
- Леонидова Е.Г. (2019). Динамика структурных изменений в экономике Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. № 4. С. 80–90. DOI: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2019-12-4-80-90>
- Панина О.В., Красюкова Н.Л., Кабалинский А.И. [и др.] (2022). Анализ и оценка возможностей создания механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды: монография / под науч. рук. О.В. Паниной. Москва: Проспект. 248 с.
- Самохин А.В., Мясников С.А. (2023). Взаимосвязь субъективных и объективных показателей в оценке качества жизни (на примере Индекса ВЭБ.РФ) // Вестник Российского экон. ун-та им. Г.В. Плеханова. Т. 20. № 1 (127). С. 38–54. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2023-1-38-54>
- Тулаева С.А., Немировская А.В. (2024). «Хватит гадить нашу землю»: региональная идентичность и экологическая мобилизация в российских регионах // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 27. № 1. С. 216–246. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10>
- Уханова Ю.В. (2023). Взаимодействие общества и власти в вопросах городского развития: кейс крупных городов Северо-Западного федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. Т. 25. № 3. С. 663–676. DOI: [10.22363/2313-1438-2023-25-3-663-676](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-663-676)
- Уханова Ю.В., Жданова А.Э. (2023). Малые города в России как комфортное пространство для жизни: миф vs реальность (на примере Вологодской области) // Социологическая наука и социальная практика. Т. 11. № 4. С. 112–133. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.5>
- Халимон Е.А., Никитин С.А. (2020). Приоритетные национальные проекты как инструмент решения сложных экономических задач // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. № 2. С. 18–37. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-2-18-37>
- Цветкова И.В. (2017). Социальные аспекты благоустройства города в контексте устойчивого развития // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. № 3 (41). С. 152–157. DOI: <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2017-3-152-157>
- Шабанова М.А. (2021). Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал // Социологические исследования. № 8. С. 103–117. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015256-4>
- Apostu S.-A., Vasile V., Panait M., Sava V. (2022). Exploring the ecological efficiency as the path to resilience. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 36 (2), 1–21. DOI: [10.1080/1331677X.2022.2108476](https://doi.org/10.1080/1331677X.2022.2108476)
- Bulkeley H., Mol A. (2003). Participation and environmental governance: Consensus, ambivalence and debate. *Environmental Values*, 12, 143–154.
- Diekmann A., Preisendörfer P. (1991). Umweltbewusstsein, ökonomische anreize und umweltverhalten in Deutschland: Empirische befunde aus der Berner und Münchner Umweltbefragung. *Schweizerische Zeitschrift Soziologie*, 17 (2), 207–231.
- Jänicke M. (2012). «Green growth»: From a growing eco-industry to economic sustainability. *Energy Policy*, 48, 13–21. DOI: [10.1016/j.enpol.2012.04.045](https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.04.045)

- Mosler H.J. (1993). Self-dissemination of environmentally-responsible behavior: The influence of trust in a commons dilemma game. *Journal of Environmental Psychology*, 13 (2), 111–123. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80144-6](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80144-6)
- Scott D., Wilhts F.K. (2001). Environmental attitudes and behavior a pennsylvania survey. *Environment and Behavior*, 26 (2), 239–260.
- Zhang Y., Liao Y. (2011). Participatory budgeting in local government. *Public Performance & Management Review*, 35 (2), 281–302. DOI: <https://doi.org/10.2753/PMR1530-9576350203>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ангелина Эдуардовна Жданова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru)

Zhdanova A.E.

FORMING A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT: ENVIRONMENTAL ASPECT

Formation of comfortable urban environment is one of the key guidelines for city development. Special attention should be given to the formation and development of comfortable urban environment in the cities of Russia. When choosing a place of residence for the population, intangible factors are becoming increasingly important, one of which is the ecological component of the city. For effective work of the authorities and implementation of urban improvement programs, it is necessary to involve local residents in the process of urban environment development, which is enshrined in national, federal and regional projects. The study is aimed at identifying territorial features characteristic of environmental indicators of formation of comfortable urban environment in Vologda and Petrozavodsk, and practices of environmental participation of citizens. The scientific novelty lies in the analysis of objective environmental indicators combined with subjectively perceived environmental condition of the environment and pro-environmental activity of the population. The scientific literature was summarized and the importance of interaction between the authorities and the local community was confirmed. We concluded that Vologda and Petrozavodsk belong to the cities with favorable urban environment. We revealed that the majority of the population is ready to participate in local practices of territory improvement. People are aware of personal responsibility for the state of ecology of their locality. They are willing to participate, for example, in such environmental practices as sorting household waste. The study also found that despite the presence of a number of problems, local residents do not want and do not plan to move out of their towns in the coming years. Stabilization and improvement of the environmental situation, creation of favorable living conditions, improvement of the level of environmental outlook and culture of citizens form a comfortable and quality urban environment and atmosphere in the society.

Comfortable urban environment, development, local community, ecology, practices, engagement.

REFERENCES

- Antonova N.L., Abramova S.B., Khafizova V.R. (2021). Ecological security of the urban environment in youth's expectations about the future. *Vestnik Permskogo nats. issled. politekhn. un-ta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 1, 21–30. DOI: [10.15593/2224-9354/2021.1.2](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.1.2) (in Russian).
- Apostu S.-A., Vasile V., Panait M., Sava V. (2022). Exploring the ecological efficiency as the path to resilience. *Economic Research-Ekonomiska Istraživanja*, 36(2), 1–21. DOI: [10.1080/1331677X.2022.2108476](https://doi.org/10.1080/1331677X.2022.2108476)

- Belekhova G.V., Zhdanova A.E. (2023). Features of municipal public policy in the constituent entities of the Northern Federal District (using the example of the Vologda region and the Republic of Karelia). *Caucasian Science Bridge*, 6, 4(22), 24–41. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.2 (in Russian).
- Bityukova V.R. (2015). Environmental rating of cities of Russia. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii=Ecology and Industry of Russia*, 19(3), 34–39 (in Russian).
- Bulkeley H., Mol A. (2003). Participation and environmental governance: Consensus, ambivalence and debate. *Environmental Values*, 12, 143–154.
- Demenev A.G., Shubina T.F., Shubina P.V. et al. (2018). Public participation in planning a comfortable urban environment on the example of the Arkhangelsk region. *Arktika i Sever=Arctic and North*, 33, 91–117. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.91> (in Russian).
- Didenko A.N., Babichev I.V. (2023). Normative and socio-economic conditions for the formation of intersectoral interaction (local communities – business – municipality – state – scientific and expert communities) at the regional and municipal levels as a technology of integrated and sustainable development of the territory and improvement of its human potential. *Mestnoe pravo*, 2, 3–32 (in Russian).
- Diekmann A., Preisendörfer P. (1991). Umweltbewusstsein, ökonomische anreize und umweltverhalten in Deutschland: Empirische befunde aus der Berner und Münchner Umweltbefragung. *Schweizerische Zeitschrift Soziologie*, 17(2), 207–231.
- Ermolaeva P.O., Basheva O.A., Korunova V.O. (2021). Environmental policy and civic participation in Russian megacities: Achievements and challenges from the perspective of urban stakeholders. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Political Studies*, 19(2), 301–314. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-301-314> (in Russian).
- Gritsan O.E., Gubina O.V., Sedletskaia M.V., Chernova I.A. (2023). Public spaces of northern cities. Peculiarities of development. *Arktika 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya=Arctic 2035: Current Issues, Problems, Solutions*, 3(15), 4–20 (in Russian).
- Jänicke M. (2012). “Green growth”: From a growing eco-industry to economic sustainability. *Energy Policy*, 48, 13–21. DOI: 10.1016/j.enpol.2012.04.045
- Kazaryan R.A. (2021). The development of modern cities from the perspective of an ecological approach. *Ekonomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya*, 1(78), 28–34. DOI: 10.37279/2519-4453-2021-1-28-34 (in Russian).
- Khalimon E.A., Nikitin S.A. (2020). Priority national projects as a tool for solving complex economic issues. *Vestnik RGGU. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 2, 18–37. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-2-18-37> (in Russian).
- Kosygina K.E. (2023). The role of local communities in the development of small territories. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 210–229. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.12> (in Russian).
- Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V., Zhdanova A.E. (2022). Environmental situation in Russia: Analysis of public opinion in regions. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 8(3). DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.8 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A. (2022). Peculiarities of development of the northern territories of the Northwestern Federal District and problems of ensuring integration of the macro-region's space. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, 3(70), 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36 (in Russian).
- Lebedeva M.A. (2022). Problems of implementation of the national project “Ecology” in the Russian Federation. *Zhurnal ekonomicheskikh issledovaniy=Journal of Economic Studies*, 8(6), 17–24 (in Russian).
- Lenchuk E.B. (2020). National projects in the goal-setting system of social and economic development of Russia. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 225(5), 79–90. DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-225-5-79-90> (in Russian).
- Leonidova E.G. (2019). Dynamics of structural changes in the economy of the European North of Russia. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Ser.: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*, 4, 80–90. DOI: <https://doi.org/10.26907/2542-0426.2019.4.80-90>

- org/10.17586/2310-1172-2019-12-4-80-90 (in Russian).
- Mosler H.J. (1993). Self-dissemination of environmentally-responsible behavior: The influence of trust in a commons dilemma game. *Journal of Environmental Psychology*, 13(2), 111–123. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80144-6](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80144-6)
- Panina O.V., Krasnyukova N.L., Kabalinskii A.I. et al. (2022). *Analiz i otsenka vozmozhnostei sozdaniya mekhanizma pryamogo uchastiya grazhdan v formirovanii komfortnoi gorodskoi sredy: monografiya* [Analysis and Assessment of Opportunities to Create a Mechanism of Direct Participation of Citizens in the Formation of a Comfortable Urban Environment: Monograph]. Moscow: Prospekt.
- Samokhin A.V., Myasnikov S.A. (2023). Interrelation of subjective and objective indicators in assessing quality of life (illustrated by VEB.RF index). *Vestnik Rossiiskogo ekon. un-ta im. G.V. Plekhanova=Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 20, 1(127), 38–54. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2023-1-38-54> (in Russian).
- Scott D., Wilhts F.K. (2001). Environmental attitudes and behavior a Pennsylvania survey. *Environment and Behavior*, 26(2), 239–260.
- Shabanova M.A. (2021). Separate waste collection as Russians' voluntary practice: The dynamics, factors and potential. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 8, 103–117. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015256-4> (in Russian).
- Tsvetkova I.V. (2017). Social aspects of urban redevelopment in the context of sustainable growth. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gos. un-ta*, 3(41), 152–157. DOI: <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2017-3-152-157> (in Russian).
- Tulaeva S.A., Nemirovskaya A.V. (2024). “Stop spoiling our land”: Regional identity and environmental mobilization in the Russian regions. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 27(1), 216–246. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.10> (in Russian).
- Ukhanova Yu.V. (2023). The interaction of society and authorities in urban development: The case of big cities of Northwestern Federal District. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya=RUDN Journal of Political Sciences*, 25(3), 663–676. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-663-676 (in Russian).
- Ukhanova Yu.V., Zhdanova A.E. (2023). Small towns in Russia as a comfortable space for living: Myth vs reality (on the example of the Vologda Oblast). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 11(4), 112–133. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.5> (in Russian).
- Vagin V.V., Shapovalova N.A. (2016). Participatory budgeting and related practices. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya=Financial Analytics: Science and Experience*, 38(320), 2–19 (in Russian).
- Zakharova V.A. (2022). Ecological practices of youth in the sphere of consumption: Aspects of actualization of the problem. *Caucasian Science Bridge*, 5, 4(18), 120–125. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.12 (in Russian).
- Zhang Y., Liao Y. (2011). Participatory budgeting in local government. *Public Performance & Management Review*, 35(2), 281–302. DOI: <https://doi.org/10.2753/PMR1530-9576350203>
- Zhdanova A.E. (2024). Urban space in the local community assessment: Measurement in Vologda and Cherepovets. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 10(1). DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.8 (in Russian).
- Zunde V.V., Morozova A.I., Mezentseva E.E. (2021). Diagnostic profile as a tool for managing the implementation of national projects. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2(129), 21–26 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angelina E. Zhdanova – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: СЕНТЯБРЬ 2024 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.11 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

По предварительным данным Росстата, ВВП России в III квартале 2024 года продемонстрировал прирост на 3,1% (годом ранее отмечалось увеличение на 5,5%; рис. 1). Согласно оценке Минэкономразвития, в январе – сентябре 2024 года¹ увеличение показателя составило 4,2%.

▲ Динамика предпринимательских ожиданий в отраслях промышленности страны демонстрирует разнонаправленные тенденции. Так, в обрабатывающей промышленности ожидания бизнеса улучшились: в октябре

2024 года индекс предпринимательской уверенности в этой отрасли увеличился с 4,4 до 7% (рис. 2).

▼ Вместе с тем предпринимательские оценки ожидаемого изменения выпуска в обрабатывающей промышленности в ближайшие три месяца ухудшились с 20 до 18%. Обратные изменения произошли с ожиданиями в добывающей промышленности: при снижении индекса предпринимательской уверенности (с 1,7 до 1,2%) отмечен рост ожидаемого выпуска через три месяца (в 10% случаев при 9% годом ранее).

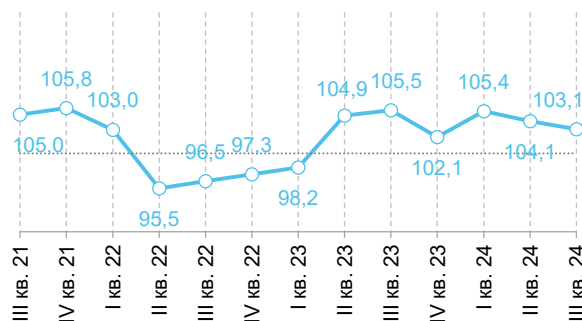

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему кварталу предыдущего года

Для цитирования: Сидоров М.А. (2024). Мониторинг экономики: сентябрь 2024 года // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 162–174. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.11

For citation: Sidorov M.A. (2024). Monitoring of the economy in September 2024. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 162–174. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.11

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – сентябрь 2024 года сопоставляется с январем – сентябрем 2023 года.

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности (слева) и оценка ожидаемого в ближайшие три месяца изменения выпуска продукции организаций (справа), %

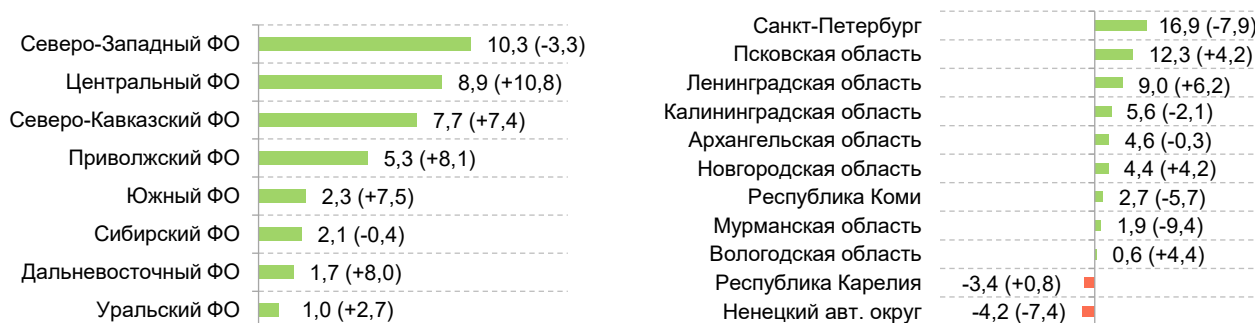

Рис. 3. Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в январе – сентябре 2024 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к январю – сентябрю 2023 года

* В состав базовых видов экономической деятельности входят растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт.

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – сентябре 2023 года, % к январю – сентябрю 2022 года.

1. Производство валового продукта

Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в целом по стране составил 102,9%. Динамика показателя была позитивной во всех федеральных округах, при этом СЗФО продемонстрировал наибольшее увеличение выпуска, перекрывшее спад предыдущего года (на 10,3 и 3,3% соответственно; рис. 3). Рост выпуска товаров и услуг отмечен в большинстве регионов округа, за исключением Ненецкого автономного округа и Республики Карелии, в которых значение индикатора снизилось на 4,2 и 3,4% соответственно.

🟢 **Промышленность** РФ и СЗФО ускорила прирост производства продукции до 4,4 и 6,0% соответственно (годом ранее индекс промышленного производства данных территорий составлял 103,8 и 104,6% соот-

ветственно; табл. 1). Это изменение произошло преимущественно под влиянием динамики обрабатывающей индустрии, увеличение выпуска продукции которой в целом по стране и в СЗФО составило 7,9 и 8,1% соответственно. Лидерами по увеличению выпуска этой отрасли в макрорегионе стали Ненецкий автономный округ, Санкт-Петербург и Архангельская область: их индекс производства продукции обрабатывающей промышленности составил 122,8; 113,2 и 110,1% соответственно. В большинстве остальных регионов округа также отмечено улучшение динамики промышленных, в частности обрабатывающих, производств. В то же время в Вологодской области, Республике Карелии и Ненецком автономном округе объем выпуска промышленной продукции снизился (на 3,5; 0,5 и 0,1% соответственно).

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	р*
Промышленность в целом				
Российская Федерация	101,5	103,8	104,4	-
Северо-Западный ФО	100,4	104,6	106,0	3
Санкт-Петербург	102,6	112,8	112,0	12
Псковская область	101,5	117,1	109,1	18
Ленинградская область	98,1	109,3	108,6	21
Архангельская область	100,3	98,0	108,1	24
Новгородская область	94,6	101,4	103,6	43
Калининградская область	79,6	93,6	103,5	46
Республика Коми	106,3	98,7	101,6	56
Мурманская область	97,7	95,8	100,0	67
Вологодская область	97,5	105,4	99,9	68
Республика Карелия	94,5	98,6	99,5	70
Ненецкий авт. округ	114,1	93,4	96,5	78
Добыча полезных ископаемых				
Российская Федерация	102,7	98,5	99,4	-
Северо-Западный ФО	106,3	96,6	99,7	4
Санкт-Петербург	41,6	79,2	123,3	2
Ленинградская область	99,8	108,1	110,4	9
Псковская область	102,2	95,8	108,6	14
Архангельская область	105,9	90,1	104,1	22
Калининградская область	85,8	94,0	103,1	26
Республика Коми	109,6	98,1	102,7	27
Республика Карелия	95,9	101,1	100,4	36
Ненецкий авт. округ	114,2	93,2	96,3	52
Мурманская область	90,4	106,0	92,3	65
Вологодская область	109,9	88,3	91,4	66
Новгородская область	98,5	91,1	86,2	76
Обрабатывающие производства				
Российская Федерация	101,0	108,5	107,9	-
Северо-Западный ФО	99,2	108,3	108,1	4
Ненецкий авт. округ	117,7	108,4	122,8	5
Санкт-Петербург	104,1	115,2	113,2	15
Архангельская область	100,0	99,3	110,1	22
Псковская область	104,3	115,6	108,6	29
Ленинградская область	98,1	112,9	108,3	32
Новгородская область	94,3	101,7	103,8	50
Калининградская область	77,7	94,1	103,5	53
Мурманская область	100,3	91,1	102,9	57
Вологодская область	96,5	105,3	100,1	70
Республика Коми	97,5	101,0	98,2	73
Республика Карелия	93,0	96,8	97,1	75

* Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – сентябре 2024 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

🔴 Добыча полезных ископаемых в целом по стране и в СЗФО продолжила сокращаться – на 0,6 и 0,3% соответственно (годом ра-

нее спад составил 1,5 и 3,4% соответственно). Значимое влияние на динамику показателя по макрорегиону оказало снижение выпуска добывающей промышленности в Мурманской области и Ненецком автономном округе (их доля в добыче полезных ископаемых по СЗФО в 2023 году составила 47%) – на 7,7 и 3,7% соответственно.

🟢 В то же время на значение показателя по СЗФО положительно повлияло увеличение добычи полезных ископаемых предприятиями Санкт-Петербурга, Ленинградской и Псковской областей на 23,3; 10,4 и 8,6% соответственно.

Отсутствие данных по добыче нефти и газа² несколько усложняет понимание ситуации в отрасли, однако по суммарному индексу добычи (доля нефти и газа в общем объеме добычи СЗФО составляет порядка 60%) можно предположить, что их производство в целом осталось на уровне прошлого года. Добыча угля увеличилась (на 8,4% после спада на 22,3% годом ранее; *рис. 4*). В то же время отмечено сокращение добычи металлических руд на 3,6%.

В обрабатывающей промышленности СЗФО зафиксированы структурные изменения, сформировавшиеся после восстановительного роста.

🟢 Отрасли **сектора обрабатывающей промышленности промежуточного спроса** СЗФО продемонстрировали рост выпуска. В частности, в деревообрабатывающей индустрии производство продукции выросло на 4,8%, в химической – на 4%.

🔴 В то же время значение показателя в металлургии сократилось на 3,9%. Одним из факторов снижения выпуска продукции этого вида деятельности стал ремонт крупнейшей доменной печи на Череповецком металлургическом комбинате. О завершении запланированных работ было объявлено в начале октября 2024 года³.

² Росстат перестал публиковать данные по добыче нефти. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0feec> (дата обращения 19.11.2024).

³ Северсталь запустила после ремонта крупнейшую доменную печь в Европе. URL: <https://vo.rbc.ru/vo/09/10/2024/670679549a7947d38abfe107> (дата обращения 19.11.2024).

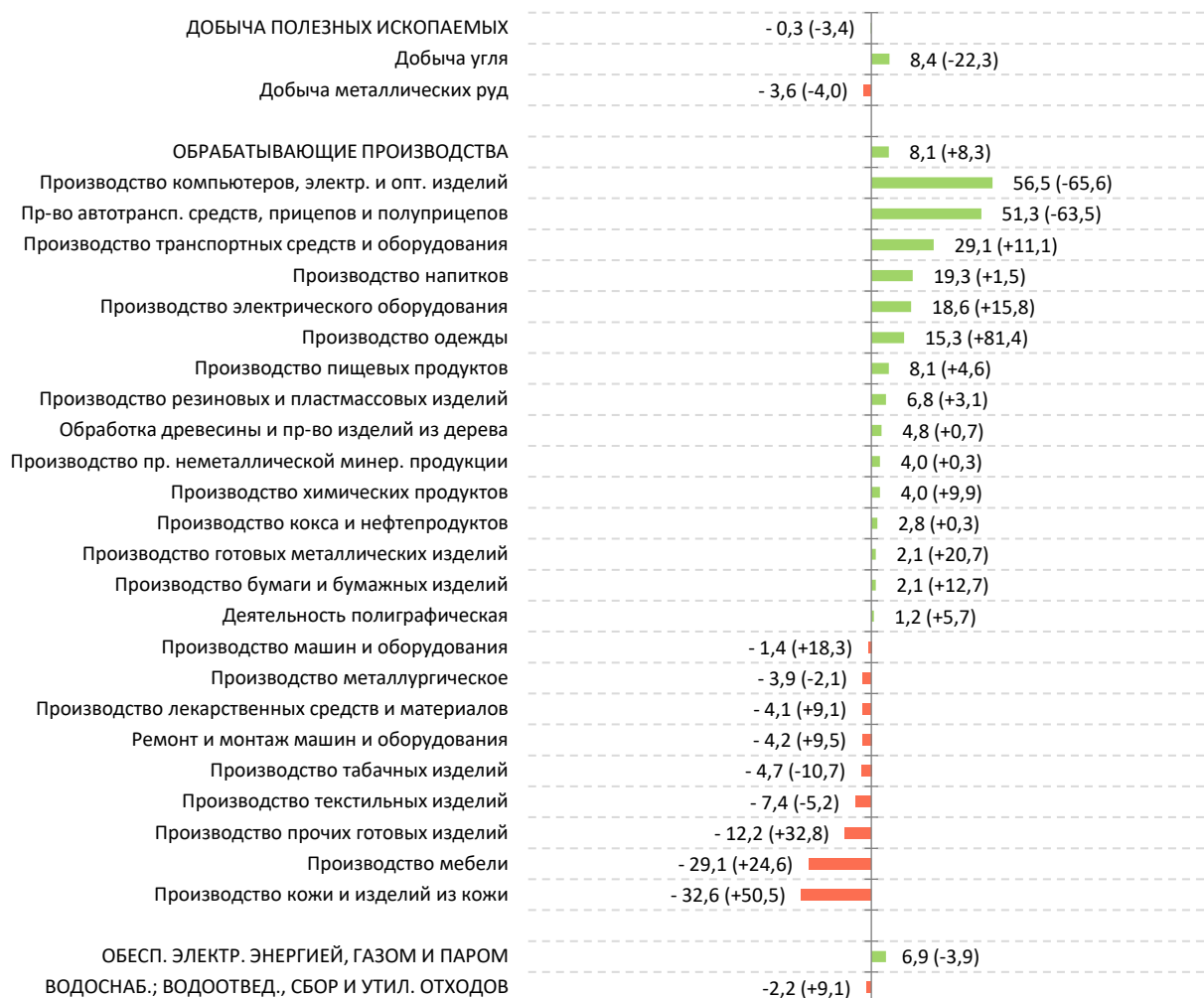

Рис. 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в январе – сентябре 2024 года, % к январю – сентябрю 2023 года

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – сентябре 2023 года, % к январю – сентябрю 2022 года.

❖ Отрасли **сектора обрабатывающей промышленности конечного спроса**

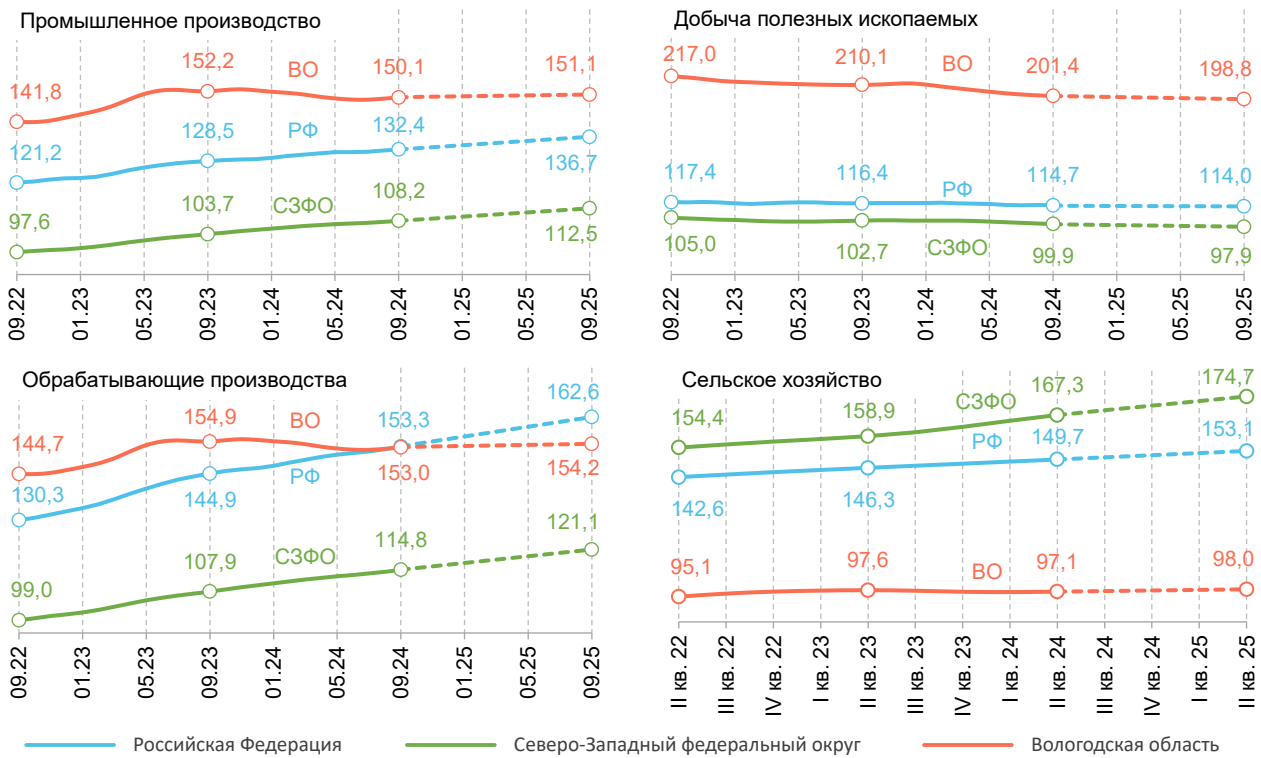
СЗФО показали разнонаправленную динамику выпуска. Существенно сократилось производство продукции таких отраслей легкой промышленности, как производство кожи и изделий из нее – на 32,6%, текстильной промышленности – на 7,4%. Также заметно снизился выпуск мебели, прочих готовых изделий, лекарственных средств и материалов (на 29,1; 12,2 и 4,1% соответственно).

⬆️ Существенно увеличилось производство напитков и пищевых продуктов – на 19,3 и 8,1% соответственно. Продолжился прирост выпуска одежды и готовых металлических изделий (на 15,3 и 2,1% соответственно, го-

дом ранее увеличение показателя составило 81,4 и 20,7% соответственно).

⬆️ В большинстве отраслей **сектора обрабатывающей промышленности инвестиционного спроса** СЗФО увеличилось производство продукции. Возобновился прирост выпуска автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (на 51,3% после снижения на 65,6% годом ранее). Также существенно возросло производство компьютеров, электронных и оптических изделий; транспортных средств и оборудования; электрооборудования – на 56,5; 29,1 и 18,6% соответственно. Производство неметаллической минеральной продукции увеличилось на 4%, что может быть связано с активизацией строительства в СЗФО (см. табл. 7).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

📈 **Сельское хозяйство** РФ в I полугодии 2024 года нарастило выпуск продукции на 0,9% (табл. 2). В СЗФО отмечено увеличение значения этого индикатора на 7,1%, что стало самым высоким значением среди остальных федеральных округов. Прирост во многом обусловлен успехами специализирующейся на животноводстве Псковской области (выпуск продукции сельского хозяйства в этом регионе увеличился на 36%, что стало лучшим результатом в стране). Высоким также был прирост выпуска сельского хозяйства Калининградской области (на 11%, 2 место по стране). В то же время в ряде регионов производство сельскохозяйственной продукции сократилось, наиболее существенным стало снижение выпуска отрасли в Новгородской области, Республике Коми и Мурманской области (на 9,7; 5,4 и 3,7% соответственно).

На показатели **рынка труда** оказала влияние активизация экономической динамики. 📈 Уровень безработицы в III квартале 2024 года в России и СЗФО продолжил снижаться (до 2,4 и 2,1% соответственно; табл. 3). Обобщающая динамика значения индикатора по макрорегиону обусловлена позитивны-

ми изменениями в большинстве субъектов округа. Показательным стало снижение уровня безработицы более чем вдвое в Архангельской области (с 5,6 до 2,6%). Исключение составила Ленинградская область, значение индикатора в которой осталось на уровне прошлого года (2,8%).

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	Р*
Российская Федерация	108,3	101,3	100,9	-
Северо-Западный ФО	96,6	103,7	107,1	1
Республика Карелия	82,6	103,1	136,0	1
Республика Коми	98,3	102,9	111,1	2
Ненецкий авт. округ	97,8	98,7	104,0	12
Архангельская область	97,9	104,6	103,2	22
Вологодская область	103,4	102,1	102,0	32
Калининградская область	99,3	105,4	98,7	51
Ленинградская область	99,3	103,7	97,5	61
Мурманская область	90,8	130,2	96,3	67
Новгородская область	97,9	101,9	94,6	76
Псковская область	88,7	111,0	90,3	79

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в I полугодии 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

**Таблица 3. Динамика рынка труда,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

Территория	III кв. 2022 г.	III кв. 2023 г.	III кв. 2024 г.	Р*
Уровень безработицы, % от численности занятых				
Российская Федерация	4,0	3,3	2,4	-
Северо-Западный ФО	3,2	2,8	2,1	5
Новгородская область	3,3	2,8	1,5	10
Санкт-Петербург	1,8	1,6	1,5	11
Вологодская область	3,5	3,2	2,0	29
Псковская область	4,1	3,2	2,3	44
Калининградская область	3,1	3,1	2,4	49
Мурманская область	4,9	3,8	2,6	56
Архангельская область	5,5	5,6	2,6	57
Ленинградская область	3,3	2,8	2,8	64
Республика Коми	6,8	5,2	3,4	70
Республика Карелия	5,8	5,5	4,0	73
Ненецкий авт. округ	7,8	6,5	5,1	77
Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	Р*
Потребность работодателей в работниках				
Российская Федерация	121,3	115,5	119,1	-
Северо-Западный ФО	118,5	115,9	114,3	7
Республика Карелия	120,9	122,7	131,6	15
Республика Коми	135,2	123,1	126,1	30
Ненецкий авт. округ	119,3	108,8	126,1	31
Архангельская область	104,9	106,5	118,1	55
Вологодская область	100,7	112,7	115,7	61
Калининградская область	103,5	112,1	114,9	62
Ленинградская область	127,6	111,2	111,6	73
Мурманская область	121,9	120,2	111,4	76
Новгородская область	90,3	107,8	110,5	77
Псковская область	106,5	120,4	104,9	82
Санкт-Петербург	122,1	100,1	102,6	83

* По индикатору «Уровень безработицы» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в июле – сентябре 2024 года, по индикатору «Потребность работодателей в работниках» – в I полугодии 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Объем заявленной в службы занятости страны потребности работодателей в работниках вырос на 19,1%, в СЗФО – на 14,3%, при этом рост показателя по макрорегиону сопровождался увеличением числа вакансий во всех субъектах округа, в наибольшей степени – в Новгородской, Ленинградской и Вологодской областях (на 31,6; 26,1 и 26,1% соответственно).

2. Образование доходов

Положительная динамика развития экономики отразилась на образовании доходов.

Реальные денежные доходы россиян в I полугодии 2024 года увеличились на 7,4%, в СЗФО реальные денежные доходы населения выросли на 8,2%, при этом рост отмечен во всех регионах округа (табл. 4). Драйверами динамики данного показателя по СЗФО стали в первую очередь Ленинградская область и Санкт-Петербург (где прирост составил 10 и 9,4% соответственно),

**Таблица 4. Динамика образования доходов населения, % к соответствующему периоду
предыдущего года**

Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	Р*
Реальные денежные доходы населения				
Российская Федерация	106,0	104,4	107,4	-
Северо-Западный ФО	106,1	105,2	108,2	-
Ленинградская область	106,4	106,9	110,0	-
Санкт-Петербург	109,6	106,3	109,4	-
Псковская область	100,1	105,5	109,0	-
Новгородская область	102,3	104,5	108,7	-
Калининградская область	103,9	103,4	108,5	-
Республика Коми	105,1	105,5	107,2	-
Республика Карелия	101,4	102,6	106,0	-
Мурманская область	104,9	103,6	105,8	-
Архангельская область	103,8	105,6	105,5	-
Ненецкий авт. округ	99,9	101,9	103,5	-
Вологодская область	99,8	101,3	103,5	-
Реальная начисленная заработная плата				
Российская Федерация	98,7	106,8	109,4	-
Северо-Западный ФО	98,4	105,9	106,8	8
Псковская область	97,7	107,4	113,2	7
Ленинградская область	98,5	107,1	112,5	12
Новгородская область	97,8	108,9	110,5	34
Вологодская область	102,6	102,9	109,2	43
Калининградская область	96,5	106,0	107,7	61
Мурманская область	100,3	102,1	107,0	67
Республика Карелия	96,1	106,5	106,5	69
Ненецкий авт. округ	95,8	101,7	106,4	70
Санкт-Петербург	97,5	106,0	105,4	76
Республика Коми	96,6	108,2	104,7	78
Архангельская область	93,7	106,4	103,9	82

* По индикатору «Реальная начисленная заработная плата» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в I полугодии 2024 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

в остальных регионах доходы населения увеличились на 3,5–9%. Реальная начисленная заработная плата в целом по стране выросла на 9,4%. Заработная плата жителей СЗФО увеличилась на 6,8%.

❖ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ в январе – августе 2024 года продемонстрировал снижение на 5,8% в сопоставимых ценах после существенного увеличения годом ранее (на 24,3%; табл. 5).

⬆️ В СЗФО, напротив, отмечен прирост показателя на 3,8% (в прошлом году спад составил 7,8%). В большинстве регионов округа предпринимательские доходы увеличились, при этом наибольший прирост продемонстрировали Калининградская область и Республика Коми (в 3,4 и 2,2 раза соответственно).

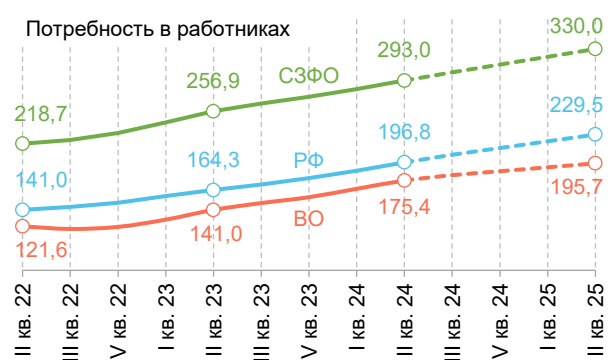
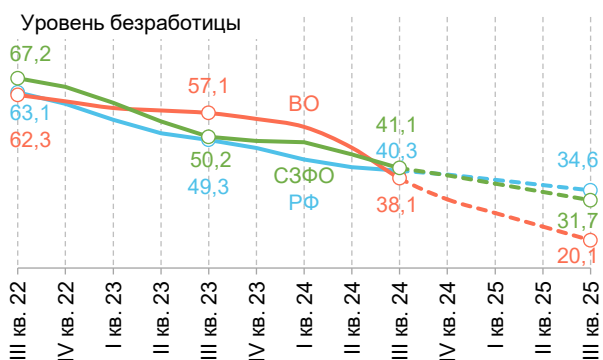
⬆️ **Реальные доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** Российской Федерации показали увеличение на 1,9%. В СЗФО прирост поступлений в казну был немного выше (2,1%). Лидерами в макрорегионе по увеличению показателя стали Ненецкий автономный округ, Калининградская область и Санкт-Петербург (на 25,5; 13,9 и 7,3% соответственно). Доходы от предпринимательской деятельности в целом по стране и по СЗФО сократились, спад составил 16,4 и 21,5% соответственно. Обратная динамика отмечена в поступлении налогов на доходы физических лиц: совокупный прирост значения индикатора по стране составил 18,3%, в макрорегионе – 19,4%.

Таблица 5. Динамика образования предпринимательских и государственных доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

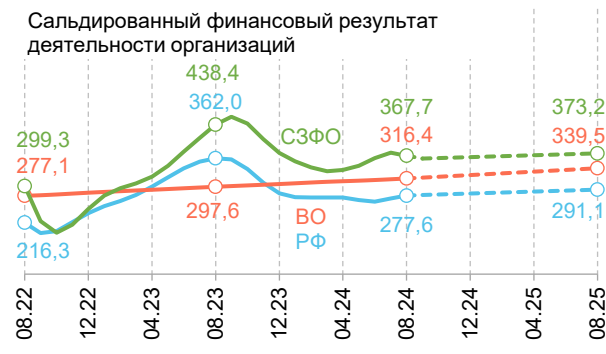
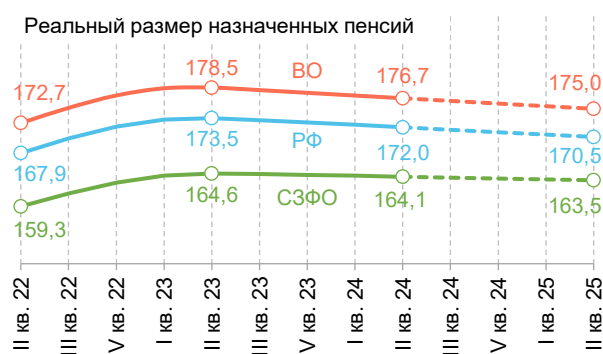
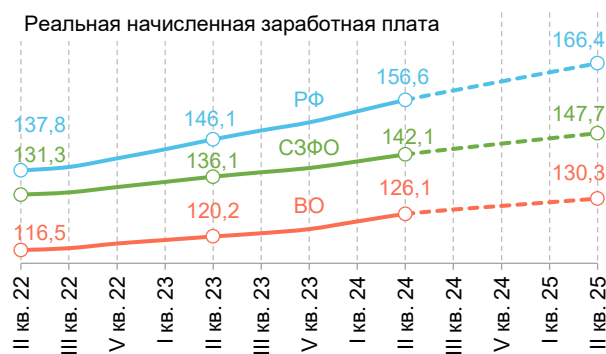
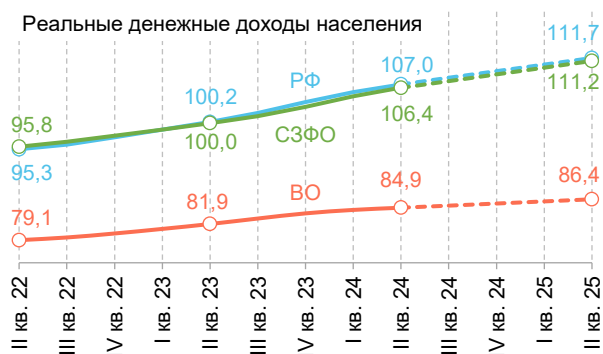
Территория	8 мес. 2022 г.	8 мес. 2023 г.	8 мес. 2024 г.	Р*
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций				
Российская Федерация	118,3	124,3	94,2	-
Северо-Западный ФО	132,9	92,2	103,8	2
Калининградская область	79,9	163,5	340,0	3
Республика Коми	120,0	97,9	220,2	5
Республика Карелия	45,4	46,0	171,3	11
Псковская область	105,4	141,8	131,4	22
Архангельская область	-	64,9	131,1	23
Ненецкий авт. округ	567,3	56,1	127,3	26
Ленинградская область	133,3	116,9	121,0	31
Вологодская область	196,1	87,8	107,0	37
Санкт-Петербург	132,4	88,8	74,0	60
Мурманская область	85,2	106,2	21,1	76
Новгородская область	134,3	50,2	-	-
Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	Р
Доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда				
Российская Федерация	212,2	53,4	101,9	-
Северо-Западный ФО	116,2	97,0	102,1	-
Ненецкий авт. округ	110,2	73,2	125,5	-
Калининградская область	86,0	96,2	113,9	-
Санкт-Петербург	135,1	91,3	107,3	-
Ленинградская область	113,4	120,5	101,1	-
Архангельская область	109,2	94,0	97,5	-
Республика Коми	111,7	90,2	97,4	-
Республика Карелия	99,4	101,3	94,0	-
Вологодская область	93,6	98,6	93,1	-
Псковская область	101,0	114,9	92,5	-
Мурманская область	93,0	107,4	88,8	-
Новгородская область	114,0	105,4	85,8	-

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – августе 2024 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Тренды развития рынка труда в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Северо-Западный федеральный округ — Вологодская область

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** также зафиксировано увеличение значений показателей.

📈 **Оборот розничной торговли** в целом по России и по СЗФО продемонстрировал прирост значений индикатора в размере 7,8 и 5% соответственно (табл. 6). Лидерами в макрорегионе по увеличению оборота розничной торговли стали Псковская и Калининградская области (на 11,2 и 10,8% соответственно). Рост значения показателя отмечен во всех регионах СЗФО за исключением Архангельской области, где оборот розничной торговли остался на уровне прошлого года. В целом по РФ увеличение оборота розничной торговли непродовольственными товарами составило 9,2%, продовольственными – 6,4%. В СЗФО прирост оборота торговли непродовольственными товарами составил 6%, при этом в Псковской и Калининградской областях значение показателя увеличилось на 15,9 и 15% соответственно. Оборот торговли продовольственными товарами в СЗФО вы-

рос на 3,6%, что обусловлено увеличением значения индикатора в большинстве субъектов округа (на 0,7–6,3%), за исключением Вологодской области, где зафиксирован спад розничного оборота продовольственных товаров на 1,6%.

📈 **Объем оказанных населению страны платных услуг** увеличился на 3,5%, в СЗФО – на 0,7% (годом ранее также отмечен прирост значения показателя – на 6,6 и 10,4% соответственно). Наибольшее повышение объема оказанных услуг зафиксировано в Калининградской и Ленинградской областях (на 7,8 и 6% соответственно). Негативное влияние на обобщающий индикатор по макрорегиону оказало снижение объема оказанных населению платных услуг в ряде субъектов округа, в частности в Республике Коми и Санкт-Петербурге (на 3,5 и 1,1% соответственно).

📉 **Потребительская инфляция** в России и СЗФО ускорилась и составила 5,8 и 5,3% соответственно (годом ранее потребительские цены в этих территориях выросли на 4,6 и 4,3% соответственно). Цены на продоволь-

Таблица 6. Динамика развития потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	Р
Оборот розничной торговли				
Российская Федерация	94,7	106,6	107,8	-
Северо-Западный ФО	95,3	111,0	105,0	8
Псковская область	98,6	100,4	111,2	16
Калининградская область	97,4	105,2	110,8	18
Новгородская область	97,8	102,2	106,2	54
Санкт-Петербург	94,3	116,0	105,4	61
Республика Карелия	90,1	110,5	105,3	62
Ленинградская область	99,7	112,1	104,3	66
Республика Коми	91,0	107,1	102,9	76
Вологодская область	91,8	102,9	102,2	79
Мурманская область	99,4	100,7	101,9	81
Ненецкий авт. округ	100,8	102,6	100,2	83
Архангельская область	93,1	102,8	100,0	84
Объем платных услуг населению				
Российская Федерация	106,6	106,6	103,5	-
Северо-Западный ФО	105,0	110,4	100,7	7
Калининградская область	104,5	106,4	107,8	3
Ленинградская область	109,4	110,3	106,0	11
Архангельская область	98,2	104,4	104,0	24
Ненецкий авт. округ	111,2	90,6	103,8	27
Республика Карелия	102,7	105,1	103,7	29
Псковская область	101,3	101,7	102,0	55
Вологодская область	104,0	100,7	100,2	68
Новгородская область	102,4	100,3	100,1	70
Мурманская область	101,7	101,6	99,6	75
Санкт-Петербург	106,2	116,0	98,9	80
Республика Коми	104,1	98,1	96,5	84
Индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	110,5	104,6	105,8	-
Северо-Западный ФО	110,3	104,3	105,3	2
Ненецкий авт. округ	109,6	101,2	102,9	1
Мурманская область	112,5	103,6	104,2	6
Архангельская область	111,0	106,0	104,9	19
Вологодская область	110,9	104,8	105,2	30
Ленинградская область	109,2	104,0	105,2	30
Псковская область	110,4	103,6	105,2	30
Республика Коми	110,0	104,3	105,3	37
Новгородская область	109,4	104,1	105,3	37
Санкт-Петербург	110,0	104,0	105,4	41
Республика Карелия	110,1	105,8	105,5	48
Калининградская область	110,8	104,8	106,2	73
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	100,4	120,7	107,0	-
Северо-Западный ФО	102,6	110,8	106,6	6
Ненецкий авт. округ	101,2	174,9	97,5	3
Мурманская область	106,5	111,7	102,9	14
Калининградская область	106,4	105,4	104,1	18
Новгородская область	100,7	104,0	104,2	19
Вологодская область	76,6	114,1	104,6	23
Санкт-Петербург	115,9	104,9	106,0	31
Республика Коми	90,7	129,8	107,7	50
Псковская область	106,6	107,6	107,9	54
Архангельская область	99,8	98,7	109,2	63
Ленинградская область	110,5	109,0	110,0	68
Республика Карелия	92,8	119,0	111,3	72

ственные товары в целом по РФ и по федеральному округу также увеличились – на 4,5 и 3,5% соответственно. Цены на непродовольственные товары в целом по стране и по макрорегиону продемонстрировали прирост на 4 и 4,3% соответственно. Тарифы ЖКХ в РФ и СЗФО увеличивались существенно быстрее – на 10,2 и 9% соответственно.

✔ В целом по России рост **цен производителей промышленных товаров** происходил быстрее, чем в СЗФО (на 7 и 6,6% соответственно). Наиболее существенным было подорожание продукции промышленности Республики Карелии, Ленинградской и Архангельской областей (на 11,3; 10 и 9,2% соответственно).

✔ В то же время цены на продукцию промышленности Ненецкого автономного округа снизились на 2,5%.

✔ В **строительстве** России и СЗФО отмечено увеличение объема выполненных работ на 2,5 и 3,6% соответственно (табл. 7). Наибольшим стало увеличение показателя в Республике Коми, Ленинградской и Калининградской областях (на 28,3; 22,3 и 18% соответственно).

✔ Негативное влияние на динамику индикатора в целом по СЗФО оказало сокращение объема выполненных строительных работ в Республике Карелии, Архангельской области и Ненецком автономном округе (на 36,9; 35,6 и 9,4% соответственно).

✔ **Ввод жилья** в целом по РФ ускорился на 1,8%.

✔ В СЗФО продолжилось снижение показателя (на 3,9%, годом ранее – на 1,4%), при этом замедляющее влияние на значение обобщающего показателя по макрорегиону оказало сокращение жилого строительства в ряде регионов, в частности, в Санкт-Петербурге этот индикатор продемонстрировал снижение на четверть, в Республике Карелии – на 13,8%.

✔ **Объем выданных ипотечных кредитов** в целом по стране существенно сократился – на 32%. В СЗФО снижение индикатора составило 28,2%. Замедление темпов ипотечного кредитования зафиксировано во всех субъектах округа. Отметим, что этому явлению, как правило, предшествовал соразмерный прирост в предыдущем году.

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»				
Российская Федерация	106,2	108,6	102,5	-
Северо-Западный ФО	95,9	102,3	103,6	3
Республика Коми	73,2	74,5	128,3	12
Ленинградская область	104,6	102,5	122,6	14
Калининградская область	110,8	119,1	118,0	21
Новгородская область	102,5	141,8	108,4	30
Мурманская область	96,9	57,3	106,4	32
Вологодская область	81,8	101,7	105,2	35
Псковская область	116,2	88,2	104,8	36
Санкт-Петербург	95,1	111,2	100,4	44
Ненецкий авт. округ	96,9	71,2	90,6	53
Архангельская область	76,2	108,8	64,4	82
Республика Карелия	137,5	122,7	63,1	83
Ввод жилых домов				
Российская Федерация	126,5	100,7	101,8	-
Северо-Западный ФО	114,9	98,6	96,1	7
Мурманская область	423,2	23,9	152,9	5
Ненецкий авт. округ	276,4	54,1	139,2	7
Ленинградская область	117,4	97,4	112,3	25
Псковская область	119,0	90,4	105,9	34
Республика Коми	146,9	97,0	104,8	36
Вологодская область	127,9	114,2	100,1	47
Новгородская область	122,3	98,5	97,2	55
Архангельская область	99,4	114,8	96,9	56
Калининградская область	122,5	91,7	94,9	60
Республика Карелия	142,7	100,5	86,2	78
Санкт-Петербург	99,5	104,3	75,0	83
Объем выданных ипотечных кредитов				
Российская Федерация	71,6	164,4	68,0	-
Северо-Западный ФО	69,2	142,8	71,8	2
Архангельская область	66,2	149,1	89,9	5
Калининградская область	59,9	186,6	81,6	8
Санкт-Петербург	70,0	129,7	73,7	19
Мурманская область	74,2	151,4	71,1	28
Псковская область	70,7	164,0	69,5	32
Ненецкий авт. округ	79,2	143,5	69,3	41
Новгородская область	69,3	158,3	67,6	43
Вологодская область	67,3	167,0	65,5	57
Ленинградская область	73,5	149,7	64,0	64
Республика Карелия	61,8	173,8	61,3	74
Республика Коми	64,9	156,0	58,4	78

❖ **Реальные расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** снизились как в целом по стране, так и в СЗФО (на 16,4 и 21,5% соответственно; табл. 8). В большинстве субъектов округа отмечено снижение значения индикатора, положительная динамика отмечена только в Архан-

гельской области и Ненецком автономном округе: бюджетные расходы в этих регионах увеличились на 60,4 и 0,9% соответственно.

Таблица 8. Динамика государственных расходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.	Р
Расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда				
Российская Федерация	220,3	57,0	83,6	-
Северо-Западный ФО	155,4	87,8	78,5	-
Архангельская область	125,1	64,9	160,4	-
Ненецкий авт. округ	119,4	86,0	100,9	-
Вологодская область	118,6	90,4	93,2	-
Республика Карелия	71,9	102,6	88,6	-
Республика Коми	132,6	79,3	88,5	-
Ленинградская область	122,7	110,1	88,3	-
Санкт-Петербург	89,7	161,4	81,2	-
Мурманская область	128,1	151,3	77,6	-
Калининградская область	73,0	110,3	57,2	-
Новгородская область	87,6	126,1	48,9	-
Псковская область	158,3	96,5	43,7	-

В то же время расходы на социальную политику в РФ сократились на 2,7%.

⬆️ В СЗФО отмечено увеличение социальных расходов (на 3,4%). При этом бюджетные расходы на здравоохранение увеличились в стране на 9,7%, в СЗФО – на 11,3%.

⬆️ **Инвестиции в основной капитал** страны в I полугодии 2024 года выросли на 10,9% (табл. 9). В СЗФО индекс инвестиций также был наиболее высоким среди федеральных округов (119,4%). Существенное влияние на обобщающее значение показателя по макро-региону оказал прирост инвестиций в Ленинградской и Псковской областях, а также в Санкт-Петербурге (на 36,1; 27,1 и 26,4% соответственно). При этом в двух субъектах СЗФО произошло замедление инвестиционной активности на 35,6 и 2,9% соответственно.

Согласно данным Федеральной таможенной службы, в январе – августе 2024 года общий объем **экспорта** России в стоимостном выражении вырос на 0,5%, **импорт** за то же время снизился на 6,5%. Экспорт в Европу продемонстрировал спад на 27,2%, в Азию – вырос на 7,6%, в Африку – на 22,5%. Импорт из Европы сократился на 10,3%, из Азии – на 4,6%, из Африки – на 3,4%.

Таблица 9. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	Р*
Российская Федерация	109,6	108,0	110,9	-
Северо-Западный ФО	102,1	103,1	119,4	1
Республика Карелия	141,2	106,2	136,1	11
Республика Коми	62,1	95,5	127,1	19
Ненецкий авт. округ	94,2	115,9	126,4	21
Архангельская область	83,0	73,4	117,5	34
Вологодская область	90,3	93,2	113,2	40
Калининградская область	98,9	71,4	107,4	52
Ленинградская область	81,8	99,5	104,4	60
Мурманская область	99,7	126,8	103,1	62
Новгородская область	119,1	142,6	100,8	69
Псковская область	114,0	85,0	97,1	74
Санкт-Петербург	110,6	98,7	64,4	84

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в I полугодии 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Объем экспорта продовольственных товаров уменьшился на 4,7%, импорт этой группы товаров вырос на 1,8%. В то же время на 3,1% увеличился стоимостной объем экспорта минеральных продуктов (при этом их доля составила 62%), импорт минеральных продуктов снизился на 23,9%. Экспорт машин и оборудования сократился на 5,5%, импорт этой категории товаров снизился на 5,4%,

при этом их доля составила более половины от общего объема импорта.

🔴 **Цены на мировых рынках** на природный газ снизились на 22,2%, на фосфорсодержащие удобрения – на 5,5% (табл. 10).

🟢 В то же время металлопрокат подорожал на 1,6%, нефть – на 0,5%.

Таблица 10. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

Товар	9 мес. 2022 г.	9 мес. 2023 г.	9 мес. 2024 г.
Нефть	153,1	79,5	100,5
Газ	385,8	31,3	77,8
Металлопрокат (Мет.)	143,1	68,5	101,6
Фосфатные удобрения (ФУ)	105,2	76,1	94,5

На середину октября 2024 года цены на металлопродукцию на мировом рынке демонстрировали снижение: «плоский» прокат – на 11,2–10,7%, «длинный» прокат – на 23,9–13%. На начало ноября внутри страны цены на металлопрокат изменялись разнонаправленно: на оцинкованный и холоднокатаный листы – выросли на 10,5 и 7,9% соответственно, на горячекатаный лист – снизились на 8,6%. «Длинный» металлопрокат также подешевел – на 20,7–2,7% (табл. 11, 12).

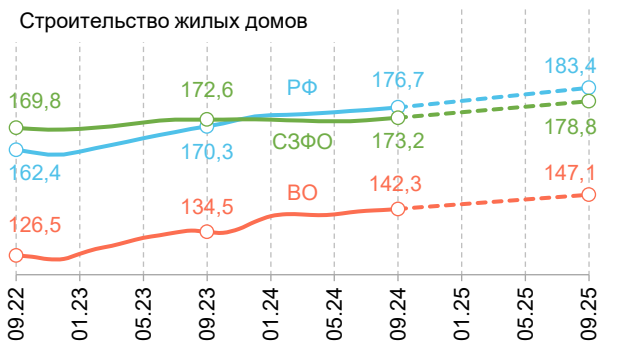
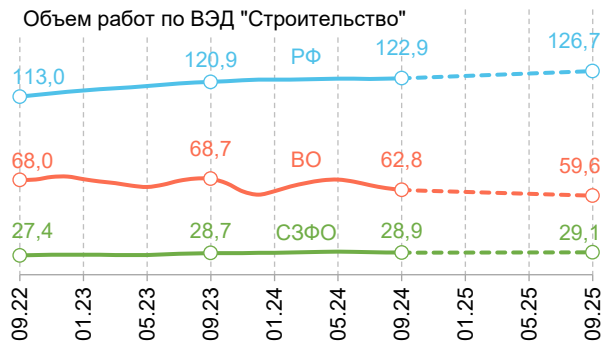
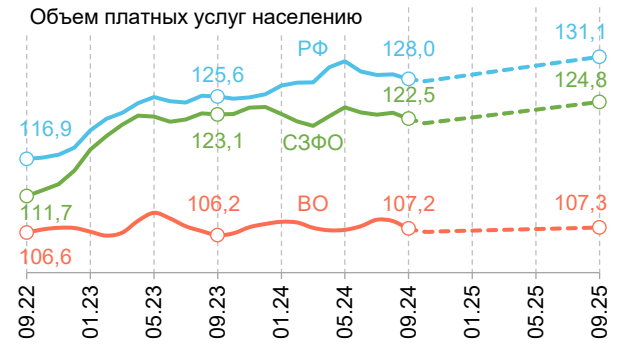
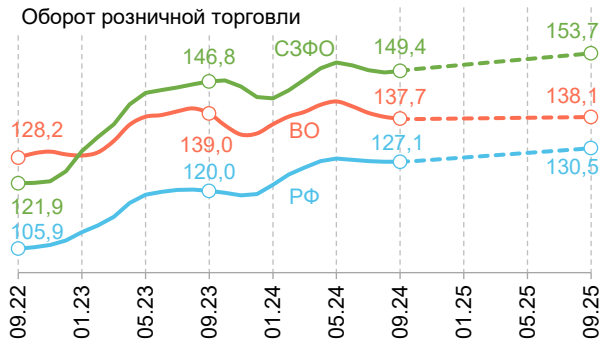
Таблица 11. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на середину октября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г., % к	
					2023 г.	2022 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	825	803	713	88,8	86,4
Лист оцинкованный	долл. США	873	880	783	88,9	89,7
Лист горячекатаный	долл. США	710	680	608	89,3	85,6
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	895	753	655	87,0	73,2
Конструкционные профили	долл. США	1025	940	715	76,1	69,8
Сортовой прокат	долл. США	990	885	715	80,8	72,2

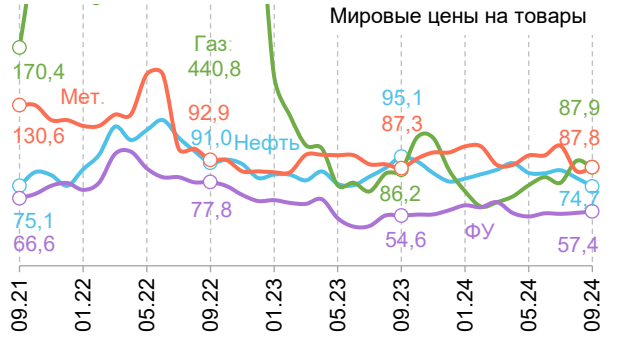
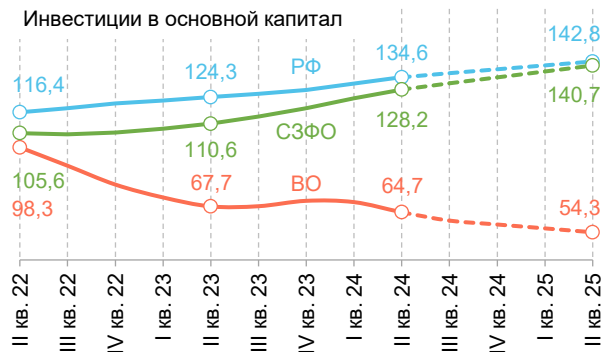
Таблица 12. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало ноября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2024 г., % к	
					2023 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	60617	80167	86503	107,9	142,7
Лист оцинкованный	руб.	80474	104280	115250	110,5	143,2
Лист горячекатаный	руб.	56000	70586	64500	91,4	115,2
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	45583	74244	59054	79,5	129,6
Балка и швеллер	руб.	67957	85023	82756	97,3	121,8
Круг	руб.	44040	72480	57500	79,3	130,6
Уголок	руб.	57714	73214	62700	85,6	108,6

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2021–2025 гг., % к уровню 2008 года

- Российская Федерация
- Северо-Западный федеральный округ
- Вологодская область

- Нефть
- Газ
- Металлопродукт
- Фосфатные удобрения

Подводя итог, отметим, что в январе – сентябре 2024 года экономика как страны в целом, так и СЗФО ускоренно развивалась, что сопровождалось ростом выпуска ряда отраслей промышленности, включая инвестиционные. Увеличились доходы организаций, а также потребительский спрос. Вместе с тем сохранился ряд негативных явлений, таких как сокращение бюджетных расходов, ускорение инфляции и масштабный спад ипотечного кредитования. В сложившихся условиях усиливается важность активизации усилий федеральных и региональных органов власти по стабилизации доходов населения и государства, ускоренной модернизации обрабатывающей промышленности и развитию потребительского спроса. В качестве примера уже реализованных мер можно привести

расширение поддержки НИОКР⁴ и проектов технологического суверенитета⁵, льготное кредитование аграриев⁶, а также финансирование востребованных инфраструктурных⁷ и промышленных проектов⁸.

Источники: Росстат, Министерство экономического развития, Банк России, Федеральная таможенная служба, Правительство России, metalinfo.ru, metaltorg.ru, divercitytimes.com

Материал подготовил

М.А. Сидоров
*научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

⁴ Постановление Правительства РФ от 29 октября 2024 г. № 1444 об усовершенствовании механизма предоставления налоговых льгот при проведении НИОКР.

⁵ Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2024 г. № 1492 о расширении числа приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 8 ноября 2024 г. № 3203-р о дополнительном выделении более 30 млрд руб. на предоставление льготных кредитов аграриям; Распоряжение Правительства РФ от 18 октября 2024 г. № 2914-р о выделении более 17 млрд рублей на предоставление льготных кредитов аграриям; Распоряжение Правительства РФ от 18 октября 2024 г. № 2913-р о направлении дополнительно более 6,8 млрд руб. на мероприятия по развитию сельских территорий.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2024 г. № 3319-р о направлении финансирования на создание инфраструктуры для развития туристических кластеров; Распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2024 г. № 3322-р о выделении дополнительно 3,2 млрд руб. на поддержку программы инфраструктурных облигаций в сфере строительства.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 3 октября 2024 г. № 2746-р о выделении 1 млрд руб. на создание и внедрение востребованной высокотехнологичной промышленной продукции; Постановление Правительства РФ от 11 октября 2024 г. № 1363 о расширении перечня оборудования, поставки которого авансируются в объеме не менее 80% цены контракта при государственных закупках.

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОКТЯБРЕ 2024 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.12 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В сентябре – октябре 2024 года ФГБУН ВолНИЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНИЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и Шекснинском муниципальном районе. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

🟡 В августе – октябре 2024 года (так же как за период с октября 2023 года по октябрь 2024 года) показатели социального самочувствия жителей Вологодской области существенно не изменились.

🟢 Тем не менее, удельный вес людей, испытывающих преимущественно негативные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску»), снизился на 2 п. п. (с 28 до 26%). В связи с этим индекс социального настроения за последние два месяца увеличился на 2 пункта (со 142 до 144 п.; табл. 1).

Для цитирования: Морев М.В., Леонидова Е.Э. (2024). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2024 года // Проблемы развития территории. Т. 28. № 6. С. 175–183. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.12

For citation: Morev M.V., Leonidova E.E. (2024). Monitoring of social well-being of the Vologda Oblast population in October 2024. *Problems of Territory's Development*, 28 (6), 175–183. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.12

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Изменение (+/-), окт. 2024 к	
																	авг. 2024	окт. 2023
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,3	65,6	68,2	69,2	66,4	67,4	68,3	69,2	70,1	+1	+2
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	28,1	29,2	26,8	26,4	28,6	28,5	27,8	27,6	25,9	-2	-1
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,6	139,4	139,3	136,4	141,4	142,8	138,0	138,9	140,5	141,6	144,2	+3	+3
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	76,9	76,5	77,4	77,6	76,3	76,4	76,4	77,4	79,6	+2	+2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,1	14,6	14,7	13,2	13,9	14,6	14,1	14,5	14,1	0	-1
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,8	162,0	163,1	162,7	164,4	162,4	161,8	162,9	165,5	+3	+2

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

▲ Доля жителей области, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», увеличилась на 3 п. п. (с 77 до 80%), в связи с чем индекс запаса терпения возрос на 3 пункта (со 163 до 166 п.).

▲ За период с октября 2023 года по октябрь 2024 года отмечается минимальное улучшение показателей социального самочувствия населения: доля людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, увеличилась на 2 п. п. (с 68 до 70%); обладающих высоким запасом терпения – на 3 п. п. (с 77 до 80%).

▲ В августе – октябре 2024 года незначительно увеличилось соотношение среднедушевого денежного дохода и прожиточного

минимума в группе 20% наименее обеспеченных жителей области (с 0,8 до 0,9 раза; табл. 2).

● В остальном самооценка относительно размера среднедушевых денежных доходов за последние два месяца ощутимо не изменилась:

- среди 20% наименее обеспеченных он составляет около 13,5 тыс. руб.;
- в группе 60% среднеобеспеченных – примерно 23,5 тыс. руб.;
- среди 20% наиболее обеспеченных жителей – 43 тыс. руб.

▲ За последние 12 месяцев рост уровня доходов отмечается во всех группах населения, в целом по региону – почти на 3 тыс. руб. (с 22 до 25 тыс. руб.).

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Изменение (+/-), окт. 2024 к	
																авг. 2024	окт. 2023
Доход на одного члена семьи, руб.																	
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	10008	11746	11900	12338	12681	13179	12757	13073	13450	+377	+1550
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	17503	20310	20250	21357	21240	22247	22273	22925	23481	+556	+3231
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	37250	40186	39835	38839	41361	43482	44741	43742	43120	-622	+3285
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	19953	22578	22497	23057	23566	24689	24874	25118	25413	+295	+2916
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	13633	14519	14519	14519	15608	15608	15608	15608	15608	0	+1089
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																	
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9	+0,1	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,3	1,4	1,4	1,5	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	0	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,7	2,8	2,7	2,7	2,6	2,8	2,9	2,8	2,8	0	+0,1
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	1,5	1,6	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6	0	+0,1

* Источник: Постановления Правительства Вологодской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Оценки экономической ситуации в стране и области, а также собственного материального положения (своей семьи) остаются стабильными (табл. 3):

– 61% жителей региона нейтрально или положительно характеризуют экономическую ситуацию в стране (доля негативных суждений составляет 27%);

– 57% дают аналогичные характеристики экономической ситуации в регионе (доля отрицательных оценок – 30–31%);

– 65% называют «средним» или «хорошим» материальное благополучие своих семей (удельный вес отрицательных суждений – 25%).

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Изменение (+/-), окт. 2024 к	
																авг. 2024	окт. 2023
Экономическое положение России																	
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,7	12,1	13,6	13,7	12,6	11,6	13,1	14,8	16,8	+2	+3
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,3	43,2	41,6	42,7	44,7	45,9	46,8	46,7	44,7	-2	+3
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,9	30,2	29,5	28,8	27,2	25,5	25,4	25,8	26,7	+1	-3
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	78,7	81,9	84,1	84,9	85,4	86,1	87,7	89,0	90,1	+1	+6
Экономическое положение области																	
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,1	13,8	14,4	15,3	14,0	13,8	15,3	16,2	14,8	-1	0
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	40,1	42,7	40,5	42,7	45,1	45,7	44,2	43,5	42,2	-1	+2
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	32,6	34,3	32,2	31,1	30,2	28,8	29,9	31,2	+1	-3
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	74,6	81,2	80,1	83,1	82,9	83,6	86,5	86,3	83,6	-3	+4
Материальное положение семьи																	
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	10,1	10,1	10,3	11,3	11,6	12,1	13,3	12,0	-1	+2
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	47,9	51,0	51,9	51,3	51,3	52,9	51,4	51,4	52,7	+1	+1
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	27,9	26,2	27,6	29,1	26,9	26,4	25,0	24,7	0	-2
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,4	82,2	83,9	82,7	82,2	84,7	85,7	88,3	87,3	-1	+3

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	Изменение (+/-), окт. 2024 к	
																авг. 2024	окт. 2023
В России																	
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	27,5	23,3	23,8	25,3	24,6	23,7	24,5	26,7	23,7	-3	0
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	56,9	62,3	62,7	59,3	60,2	59,6	59,1	58,2	59,9	+2	-3
Индекс	96,6	66,8	94,8	103,5	97,8	89,9	70,6	61,0	61,1	66,0	64,4	64,1	65,4	68,5	63,8	-5	+3
В области																	
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	47,9	49,8	48,4	51,9	50,4	51,5	52,3	53,9	53,3	-1	+5
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	40,4	41,0	41,4	39,8	40,6	39,5	38,9	37,3	38,9	+2	-3
Индекс	120,0	106,9	121,6	126,4	121,0	119,8	107,5	108,8	107,0	112,1	109,8	112,0	113,4	116,6	114,4	-2	+7

▲ В динамике за последние 12 месяцев (с октября 2023 года по октябрь 2024 года) следует выделить рост индекса экономической ситуации в стране (на 6 пунктов, с 84 до 90 п.) и регионе (на 4 пункта, с 80 до 84 п.).

В то же время необходимо отметить, что значения индексов, характеризующих уровень жизни, остаются в пределах до 100 пунктов. Это означает, что доля отрицательных оценок в общественном мнении преобладает над удельным весом положительных суждений.

▼ В динамике оценок политической ситуации обращает на себя внимание снижение доли позитивных суждений в отношении ситуации в стране. За август – октябрь 2024 года удельный вес людей, считающих политическую обстановку в России «благополучной, спокойной», снизился на 3 п. п. (с 27 до 24%; табл. 4).

◎ Оценка политической ситуации в регионе остается стабильной (доля положительных оценок составляет 53–54%). При этом ▲ за последние 12 месяцев (с октября 2023 года по октябрь 2024 года) она даже улучшилась (на 5 п. п., с 48 до 53%).

Резюме

Результаты опроса, проведенного в сентябре – октябре 2024 года, демонстрируют устойчивость оценок общественного мнения по ключевым вопросам, отражающим психологическое самочувствие, динамику материального положения, экономической и политической ситуации в стране и регионе.

Из всех перечисленных критериев наибольшее беспокойство вызывает динамика оценок политической ситуации в стране: во-первых, доля негативных суждений существенно превышает удельный вес положительных характеристик (по данным на октябрь 2024 года – 60 и 24% соответственно); во-вторых, за последние два месяца произошло незначительное снижение доли позитивных оценок (на 3 п. п., с 27 до 24%).

Вместе с тем в годовой ретроспективе общественное мнение и в этом вопросе в целом остается стабильным. При этом необходимо понимать, что в настоящее время Россия действительно находится в объективно сложных (прежде всего из-за внешних угроз) условиях. Как отмечают многие

эксперты, «негатив затронул именно политическую сферу по одной причине: падения экономики, несмотря на все прогнозы, так и не произошло, тогда как существенные изменения в общественно-политической сфере как раз и соприкасаются с жизнью людей»¹.

Также следует отметить, что 6–8 сентября на территории Вологодской области прошел очередной Единый день голосования, в ходе которого жители региона продемонстрировали не только высокую явку на избирательные участки (49%), но и очевидную поддержку назначенного Президентом РФ врио Губернатора Г.Ю. Филимонова (62%), что косвенно означает поддержку реализации всего курса национального развития, осуществляемого Президентом.

Таким образом, на прошедших в сентябре выборах команде губернатора был выдан «кредит доверия», и (несмотря на то, что динамика общественного мнения по-прежнему сильно зависит от решения внешнеполитических вопросов) политика органов власти «на местах» продолжает во многом определять повседневные условия жизни граждан, вносить свой вклад в поддержание социальной стабильности на уровне регионов и страны в целом. Как от-

метил глава государства, «требования общества к власти, в том числе региональной, совершенно справедливо растут. От вас [глав регионов] ждут работы с полной отдачей в интересах страны и ее граждан, готовности к открытому, честному, постоянному диалогу с людьми, безусловного выполнения всех взятых на себя обязательств, конкретных действий, направленных на социально-экономическое развитие регионов, на повышение уровня и качества жизни»².

О том, в каком направлении будет развиваться общественное мнение по ключевым аспектам повседневной жизни граждан, будут свидетельствовать результаты следующей «волны» мониторинга ВолНЦ РАН, которая состоится в декабре 2024 года.

Материал подготовили

М.В. Морев

кандидат экономических наук

ведущий научный сотрудник

заместитель заведующего отделом

ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник

ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Гармоненко Д., Родин И. (2024). Социологи РАН вычисляют «коэффициент СВО» // Независимая газета. 30 сентября. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-29/1_3_9103_sociology.html?ysclid=m2ill8uwkv829086536 (мнение главы Политической экспертной группы К. Калачева).

² Встреча Президента РФ с избранными главами регионов (2024). 18 сентября // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75126>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

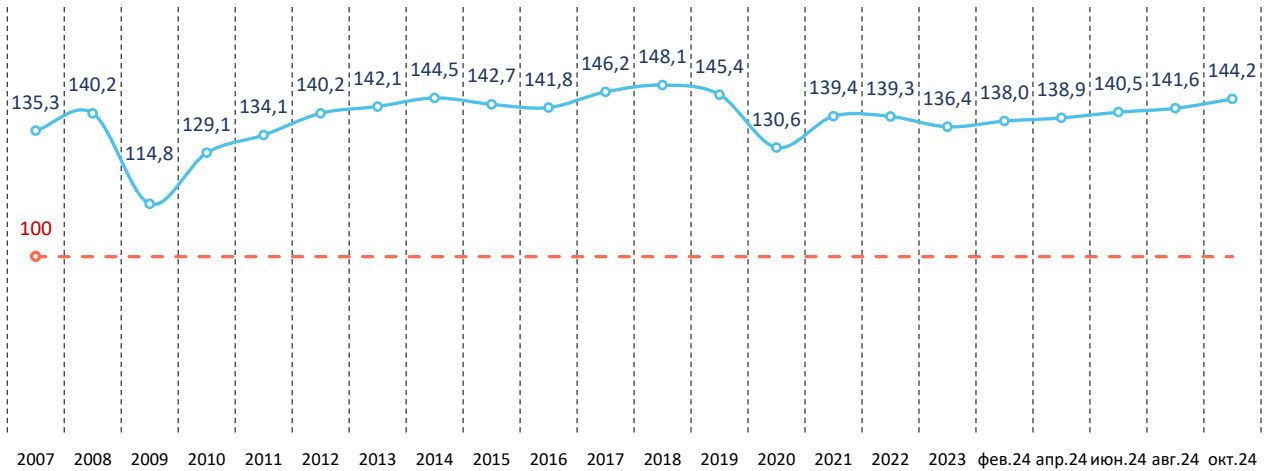

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

С августа по октябрь 2024 года индекс социального настроения жителей Вологодской области практически не изменился и составил 142–144 п.

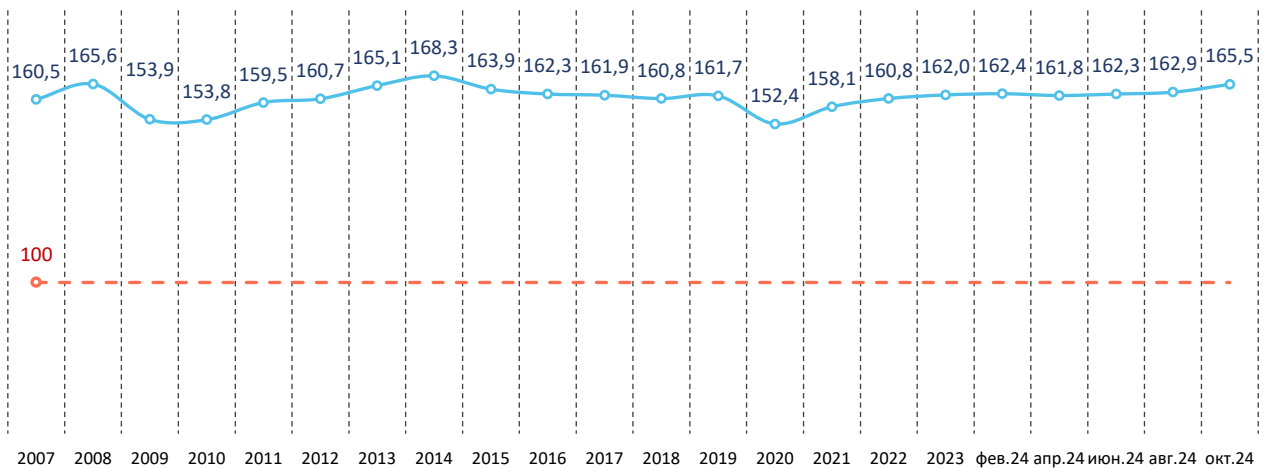

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В октябре 2024 года по сравнению с августом т. г. отмечается повышение индекса запаса терпения населения Вологодской области (на 3 пункта, со 163 до 166 п.).

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (---).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

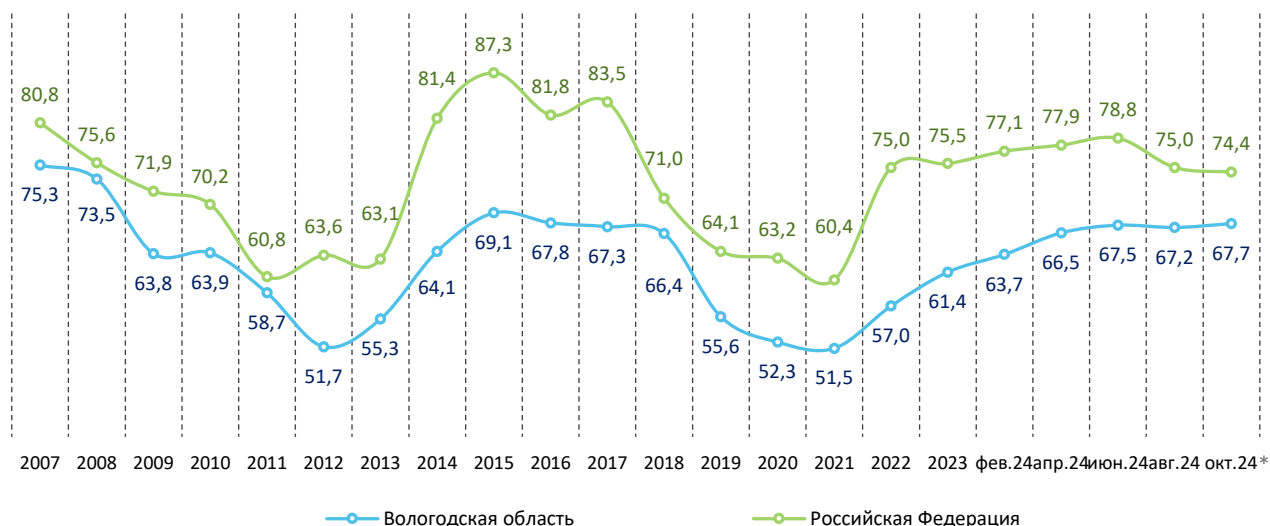

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С августа по октябрь 2024 года не произошло изменений в оценках как жителями Вологодской области, так и страны в целом деятельности Президента РФ. Доля положительных суждений находится на уровне 67–68% и 74–75% соответственно.

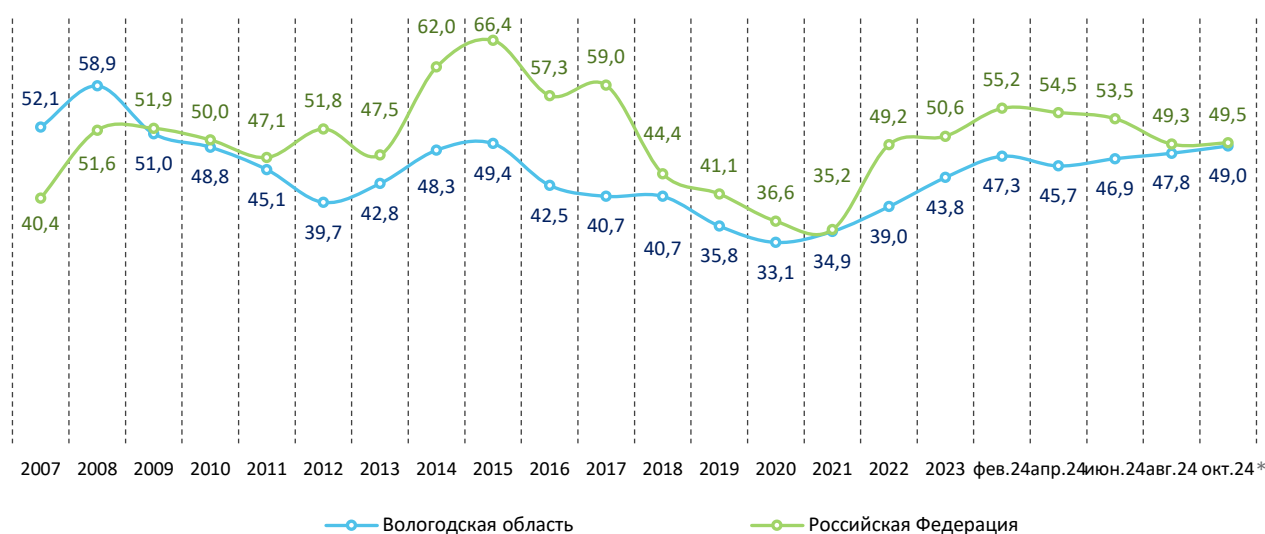

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

За период с августа по октябрь 2024 года доля населения, одобряющего работу Правительства РФ, не изменилась и составляет в регионе 48–49%, в стране 49–50%.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru>

* Данные ВЦИОМ – одобрение деятельности Президента РФ и Правительства РФ: данные за опрос от 06.10.2024.

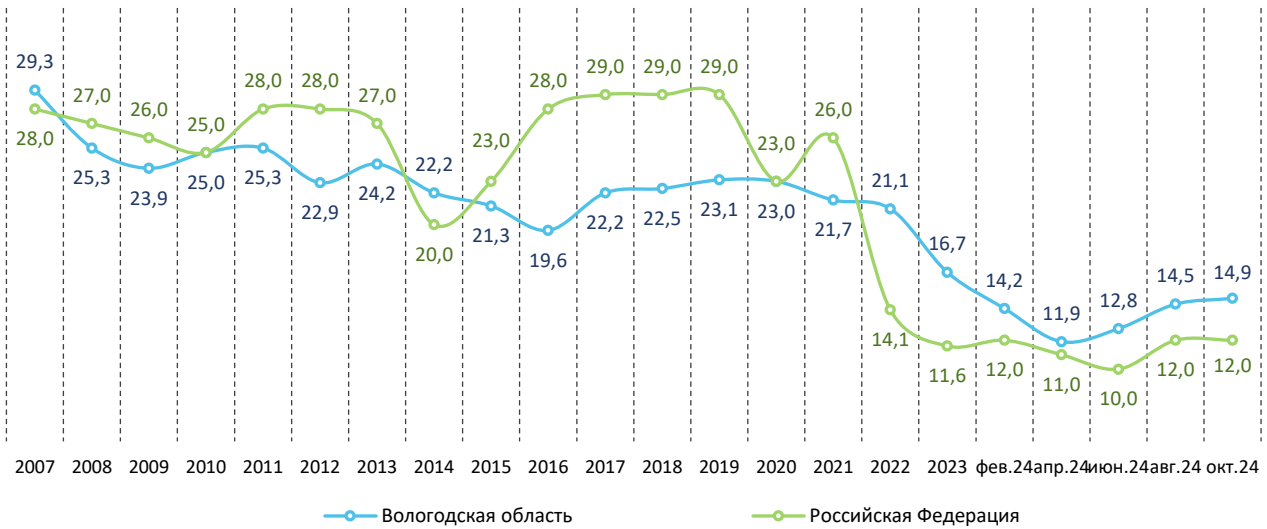

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

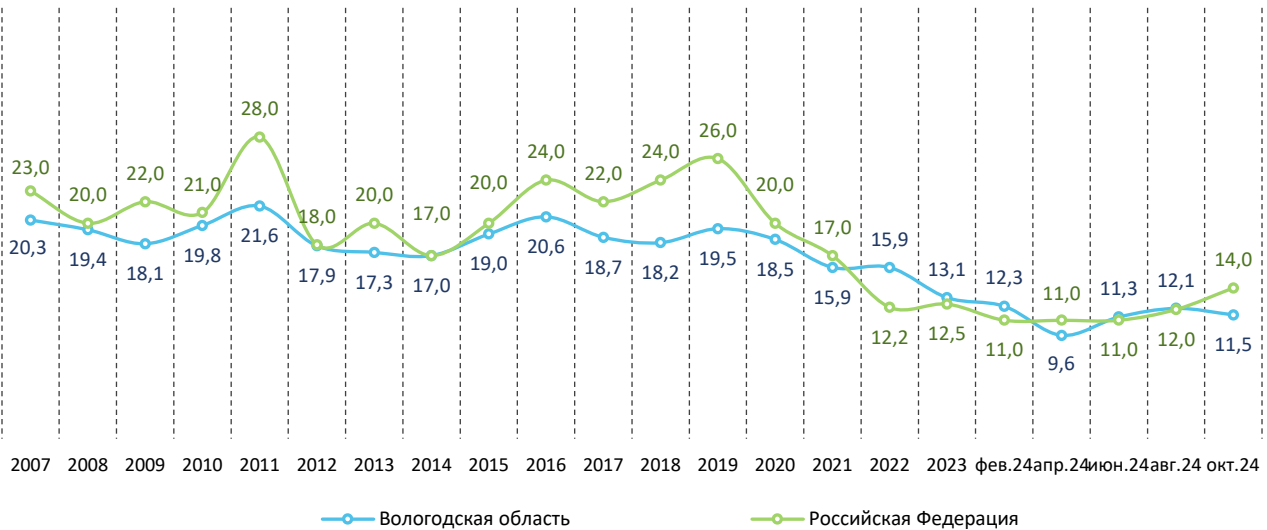

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В октябре 2024 года региональные показатели вероятности протестных выступлений и возможности участия в них не изменились и остались на уровне августовских значений (15 и 12% соответственно). Общероссийские данные также не указывают на рост социальной напряженности (12 и 12–14% соответственно).

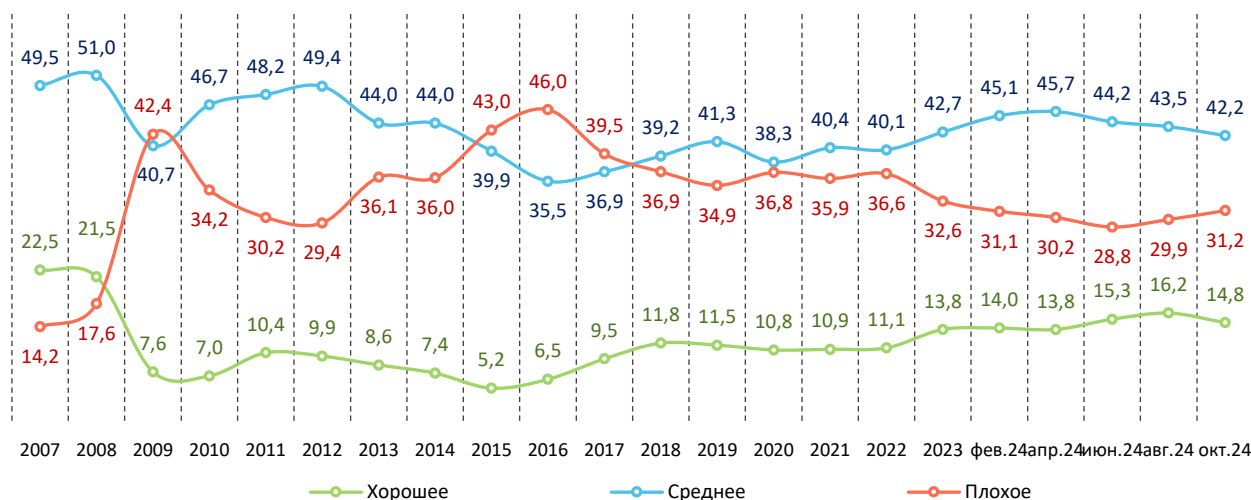

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В октябре 2024 года по сравнению с летним периодом оценка жителями Вологодской области состояния региональной экономики не претерпела изменений. Доля положительных мнений составила 15–16%, отрицательных – 29–31%, нейтральных – 42–44%.

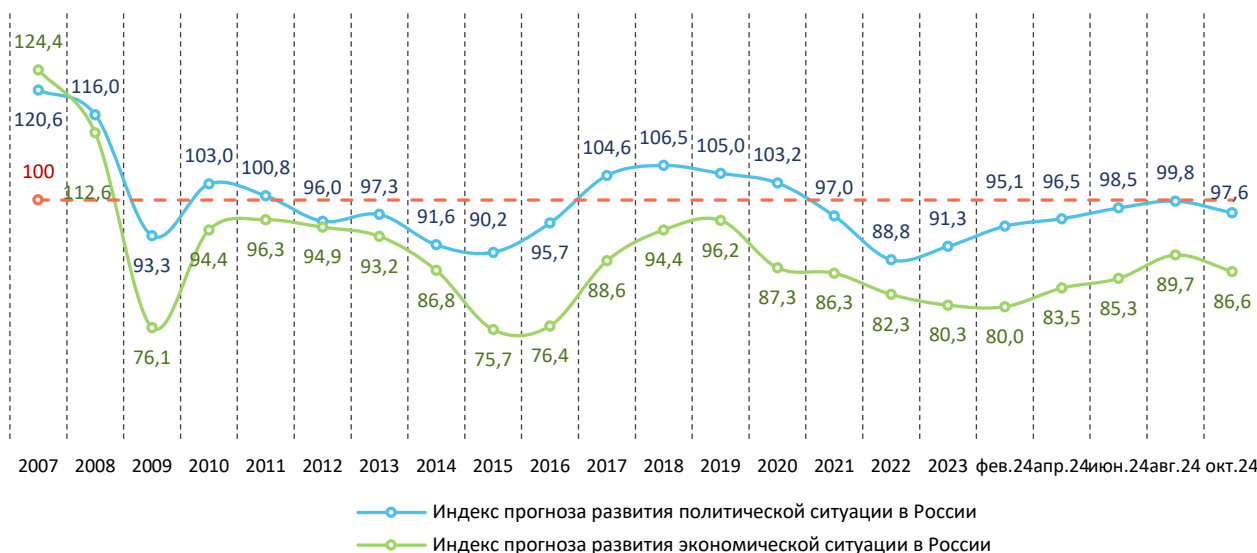

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

С августа по октябрь 2024 года индекс прогноза развития политической ситуации в России существенно не изменился и составил 98–100 п. Значение индекса прогноза развития экономической ситуации в стране снизилось на 3 пункта (с 90 до 87 п.).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос: «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос: «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Патракова С.С. (2024). Сбалансированность регионально-экономического пространства по линии «город – село»: монография / под научным руководством Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН. 155 с.

В монографии обобщены и актуализированы теоретико-методологические основы обеспечения сбалансированности регионального экономического пространства по линии «город – село». Предложен и апробирован авторский методический подход к оценке сбалансированности, раскрыты проблемы ее обеспечения в субъектах Европейского Севера России. Разработан и научно обоснован механизм повышения сбалансированности экономического пространства по линии «город – село» и в его рамках предложены стратегические направления развития сельских территорий, а также инструменты укрепления связности городских и сельских территорий.

Книга адресована научным работникам, специалистам органов государственного и муниципального управления, преподавателям и студентам высших учебных заведений экономического профиля.

Экология и общество: баланс интересов (2024): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 25 апреля 2024 г. / отв. ред. А.А. Шабунова. Вологда: ВолНЦ РАН. 179 с.

В сборнике собраны материалы докладов участников Международной научно-практической конференции «Экология и общество: баланс интересов», организованной Вологодским научным центром РАН при поддержке Администрации города Вологды, Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России», Вологодской региональной общественной организации ВЭО России, АНО «Городской проектный центр „Вологда“» (Вологда, 25 апреля 2024 г.). Сборник адресован научным работникам, экологами, экономистам, социологам, специалистам в области государственного управления, представителям бизнеса, а также преподавателям вузов, студентам, магистрантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами экологизации экономики и общества.

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений (2024): материалы IX междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 25–29 марта 2024 г.). Вологда: ВолНЦ РАН. 594 с.: ил., табл. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Текст: электронный.

В сборнике представлены статьи IX международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей на площадке Вологодского научного центра РАН с 25 по 29 марта 2024 года. В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы, юристы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В центре внимания исследователей находились проблемы старения населения, бедности и социального неравенства, цифровизации экономики, гражданского участия, трансформации занятости, решение которых в новых условиях, продиктованных актуальной внешнеполитической повесткой, требует дополнительных усилий как от государства, так и от общества. Обсуждение проходило в четырех тематических секциях конференции: «Демографические процессы и проблемы общественного здоровья», «Благополучие населения: ресурсы снижения социального неравенства», «Труд и занятость в условиях нарастающего дефицита кадров: от постановки проблем к поиску решений», «Проблемы развития гражданского общества в регионах России». Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социально-экономического развития России.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2024 ГОДУ

	№	Стр.
ОТ РЕДАКЦИИ		
Ускова Т.В. О роли территорий в реализации стратегических задач государства	1	7-9
Ускова Т.В. Актуальные вопросы развития российских территорий	2	7-9
Ускова Т.В. Пространственные аспекты территориального развития	3	7-9
Ускова Т.В. Социально-экономическое развитие российских территорий: наиболее острые проблемы и пути решения	4	7-9
Ускова Т.В. В поиске решений проблем российских территорий	5	7-8
Ускова Т.В. Возможности и ограничения развития территорий на современном этапе	6	7-9
ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА		
Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: продолжение трансформации?	4	10-29
Якушев Н.О. Оценка и направления экспортной деятельности субъектов РФ	5	61-80
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ		
Бабич Л.В. Устойчивость экономики регионов Северо-Западного федерального округа к внешним шокам 2020–2022 гг.	4	65-82
Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Влияние структуры экономики на уровень научно-технологического развития	1	10-27
Захарова Ж.А., Сураев М.В. Предпосылки формирования межрегионального туристско-рекреационного кластера Верхневолжского макрорегиона	6	70-90
Кожевников С.А., Патракова С.С. Транспортная связность северных регионов России: проблемы и инструменты обеспечения	3	50-66
Крюков И.А. Оценка вклада креативных индустрий в социально-экономическое развитие регионов СЗФО	4	83-101
Кудревич А.Ю. Пространственный анализ транспортной доступности объектов придорожной инфраструктуры: кейс Вологодской области	6	51-69
Лебедева М.А. Модернизация хозяйства промышленного региона на основе использования ресурсосберегающих технологий	2	40-51
Сорокина Е.А. Диагностика обеспеченности субъектов РФ ключевыми видами ресурсов в повышении инвестиционной привлекательности	6	39-50
Сычева И.В., Сычева Н.А. Методологические аспекты распространения принципов устойчивого развития на объекты социальной инфраструктуры регионов	5	81-98
Терентьева А.С. Оценка состояния и перспектив развития систем теплоснабжения в городах Чебоксары и Новочебоксарск в Чувашской Республике	2	24-39
Усков В.С. Развитие цифровой экономики России: факторы и региональные различия	1	28-41
Федосеева С.С., Урасова А.А. Оценка развития промышленного комплекса в условиях экологически ориентированной экономики	3	67-81
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ		
Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Определение текущих проблем развития малых муниципальных образований России (на примере территорий Крайнего Севера)	4	30-47
Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Оценка приоритетности инвестиционных проектов в малых муниципальных образованиях (на примере территорий Крайнего Севера)	5	9-24
Жестяников С.Г. Инструменты развития муниципальных образований, расположенных вблизи крупного города	3	29-49
Копытова Е.Д., Патракова С.С. Агломерационные эффекты крупных городов: оценка на микроуровне	2	10-23
Лаженцев В.Н. Территориальное развитие (теория и методология хозяйственных отношений)	6	10-21
Леонов С.Н., Тарасенко М.Р. Оценка локальных эффектов укрупнения муниципалитетов в ходе реформирования системы местного самоуправления: опыт Хабаровского края	4	48-64
Растворцева С.Н., Блохина С.Д. Региональные агломерационные эффекты в экономике России	3	10-28
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ		
Беилин И.Л. Детерминанты экономической политики нефтегазового региона в парадигме циркулярной экономики и декарбонизации	2	52-67

Василенко Л.А., Богданова Л.В., Каримова И.Ю. Креативная экономика и креативные кластеры в развитии территории: анализ российских практик	1	61-77
Воропаева А.В., Коростелева Л.Ю. К вопросу об инфраструктуре наукоградов	3	82-96
Кириллова С.А., Орлова Д.С. Снижение пространственной дифференциации креативных индустрий как направление сокращения межрегиональных различий	6	22-38
Невьянцева Л.С. Межрегиональное инвестиционное взаимодействие как инструмент обеспечения технологического суверенитета экономики	5	41-60
Попов Е.В., Семячков К.А., Дубик С.В. Региональная дифференциация эффективности продвижения проектов умного города медийными личностями	5	25-40
Шорохова И.С. Методический подход к оценке влияния эффектов концентрации на инновационное развитие регионов России	1	42-60
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ		
Малышев М.К. Факторы формирования финансовых результатов и особенности распределительной политики российских корпораций химической отрасли	1	78-97
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ		
Доброхлеб В.Г. Динамика демографического старения этнонациональных регионов РФ во втором и начале третьего десятилетия XXI века	6	112-122
Домнич Е.Л. Дифференциация возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России	5	99-115
Жданова А.Э. Формирование комфортной городской среды: экологический аспект	6	141-161
Зюкин Д.А., Репринцева Е.В. Состояние системы здравоохранения в регионах Центрального федерального округа в контексте социально-экономических вызовов	2	85-100
Калашников К.Н. Потребительские расходы домашних хозяйств на здравоохранение в условиях коммерциализации отрасли (на данных по Северо-Западному федеральному округу)	5	116-132
Колесов А.А. Сравнительный анализ типов пенсионных систем	3	119-135
Лебедева Т.В. Особенности современной международной образовательной иммиграции в российских регионах	1	132-146
Манаева И.В., Мельников В.В. Бедность, демографическое развитие и экономический рост в российских регионах: оценка взаимосвязи	4	102-119
Мишук С.Н., Линь Цзыюй. Современная демографическая ситуация в северо-восточных провинциях Китая	6	123-140
Полянская Е.В., Манаков Л.Г. Социально-экономические градиенты и детерминанты продолжительности жизни населения на территории Дальнего Востока	1	115-131
Ростовская Т.К., Рычихина Н.С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект	1	98-114
Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г., Чеплинские И.Р. Качество экономического роста через призму обеспечения населения базовыми благами (на материалах регионов СЗФО)	2	68-84
Соколова А.А., Метляхин А.И. Опыт моделирования влияния факторов, характеризующих территорию исхода, на удельный вес маятниковой трудовой миграции	3	97-118
МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ		
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2023 году	1	160-169
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2024 года	2	115-123
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в апреле 2024 года	3	148-156
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2024 года	4	126-134
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2024 года	5	145-153
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2024 года	6	175-183
Мониторинг экономики: ноябрь 2023 года	1	147-159
Мониторинг экономики: итоги 2023 года	2	101-114
Мониторинг экономики: март 2024 года	3	136-147
Мониторинг экономики: май 2024 года	4	120-125
Мониторинг экономики: июль 2024 года	5	133-144
Мониторинг экономики: сентябрь 2024 года	6	162-174

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 29.11.2024.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 22,17. Тираж 500 экз. Заказ № 46.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru